

Opp. 659 ^b (6)

XVc, 19-6

<36607796020018

<36607796020018

Bayer. Staatsbibliothek

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

COPINHEIR

ADAM B. H. A.

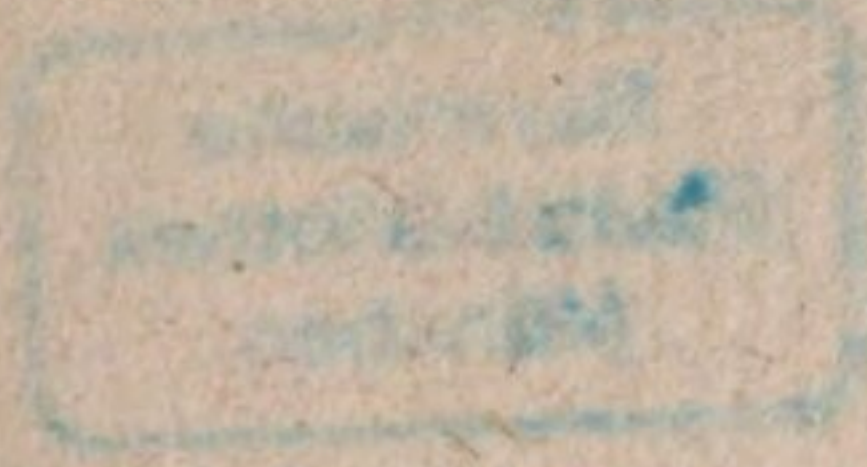
СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

6

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

За 1641547

**Съ дозволенія
Московского Гражданскаго Губернатора.**

СОДЕРЖАНІЕ VI ТОМА.

	Стран.
Бѣдная Лиза	I
Прекрасная Царевна и щастливой Карла	45
Юлія	75
Дремучій лѣсъ	122
Нашалья Боярская дочь	142
Сиерра-Морена	246
Островъ Борнгольмъ	257
Марѳа Посадница , или покореніе Новогорода	291

COOPERMAN & CO.

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

COOPER

П О В Ъ С Т И.

HERBERT

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ VI.

ПОВѢСТИ.

БѢДНАЯ ЛИЗА.

Можетъ быть никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, попому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли — куда гла-

за глядяиѣ — по лугамѣ и рощамѣ, по холмамѣ и равнинамѣ. Всякое мѣсто нахожу я новыя пріятныя мѣста, или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышающіяся мрачныя, гошическія башни Симона монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, копорая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра : великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце ; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются пучные, густозеленые, цвѣтушіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбацкихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ

грузныхъ спруговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ Россійской Имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой споронѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленные спада; тамъ молодые паспухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ просшыя, унылыя пѣсни, и сокращаютъ тѣмъ лѣпніе дни, споль для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ злапоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же споронѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, прили чешыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ Дворцомъ своимъ.

Часто прихожу я на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени, горевать вмѣстѣ

сѣ Природою. Страшно воюпѣ вътѣ-
ры въ стѣнахъ опустѣвшаго мо-
настыря, между гробовъ, заросп-
шихъ высокою травою, и въ тем-
ныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опер-
шись на развалины гробныхъ кам-
ней, внимаю глухому спону вре-
менъ, бездною минувшаго погло-
щенныхъ — спону, отъ котораго
сердце мое содрагается и трепе-
щѣтъ. Иногда вхожу въ кельи,
и представляю себѣ тѣхъ, копо-
рые въ нихъ жили — печальныя
картины! Здѣсь вижу сѣдаго стар-
ца, преклонившаго колѣна свои пе-
редъ Распятіемъ, и молящагося о
скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ
своихъ; ибо всѣ удовольствія исче-
зли для него въ жизни, всѣ чув-
ства его умерли, кромѣ чувства
болѣзни и слабости. Тамъ юный
монахъ — съ блѣднымъ лицомъ, съ
томнымъ взоромъ — смотрипѣ въ
поле сквозь решетку окна своего,
видитъ веселыхъ ппичекъ, свобод-

но плавающихъ въ морѣ воздуха—
видишъ, и проливаетъ горькія сле-
зы изъ глазъ своихъ. Онъ помишся,
вянетъ, сохнетъ—и унылой звонъ
колокола возвѣщаетъ мнѣ безвре-
менную смерть его. — Иногда на
вратахъ храма разсматриваю изоб-
раженіе чудесъ, въ семъ монасты-
рѣ случившихся — тамъ рыбы па-
дающъ съ неба для насыщенія жи-
телей монастыря, осажденнаго мно-
гочисленными врагами; пупъ об-
разъ Богоматери обращаетъ не-
пріятелей въ бѣгство. Все сіе обно-
вляетъ въ моей памяти исторію
нашего опечесства — печальную ис-
торію тѣхъ временъ, когда свирѣ-
пыя Татары и Поляки огнемъ и ме-
чемъ опустошали окрестности Рос-
сійской столицы, и когда несчастная
Москва, какъ беззащитная вдовица,
оупъ одного Бога ожидала помощи
въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ ме-
ня къ стѣнамъ Симонова монасты-

ря—воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые прогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженьхъ въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленого луга, стоялъ пущая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ спарушкою, матерью своею.

Опецъ Лизинъ былъ довольно зажиточной поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда презвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлѣбъ переспалъ хорошо родиться. Онъ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за

весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего—ибо и крестьянки любятъ умѣють! — день ото дня становилась слабѣе, и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, — которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ — одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, прудилась день и ночь — шкала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды — и все сіе продавала въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабо-біющемуся сердцу своему, называла Божескою милостию, кормилицею, опрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. „Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать, говорила Лиза: ты кормила меня своею

грудью и ходила за мною, когда я была ребенком: теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Переспань только крушишься, переспань плакашь; слезы наши не ожидаютъ бапюшки.“ Но часто нѣжная Лиза не могла удержашь собствен-ныхъ слезъ своихъ — ахъ! она помнила, что у нее былъ отецъ, и что его не спало; но для успокоенія матери спаралась шайшь печаль сердца своего, и казалась покойною и веселою. — „На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (опивчала горестная спарушка) на томъ свѣтѣ переспану я плакашь. Тамъ, сказывающъ, будущъ всѣ веселы; я вѣрно весела буду, когда увижу отца своего. Только теперь не хочу умереть — что съ тобою безъ меня будешь? На кого тебя покинутъ? Нѣтъ, дай Богъ прежде приспособишь тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется доброй чело-вѣкъ. Тогда, благословя васъ, ми-

лыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь, и спокойно лягу въ сырую землю.“

Прошло года два послѣ смерти отца Лизина. Луга покрылись цвѣтами, и Лиза пришла въ Москву съ букетомъ ландышей. Молодой, хорошо одѣтой человѣкъ, пріятнаго вида, встрѣтился ей на улицѣ. Она показала ему букетъ цвѣтовъ — и покраснѣлась. Ты продаешь его, дѣвушка? спросилъ онъ съ улыбкою. Продаю, отвѣчала она. — „А что тебѣ за него надобно?“ — Пять копѣекъ. — „Это слишкомъ дешево. Возьми тебѣ рубль.“ — Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодаго человѣка, — еще болѣе покраснѣлась, и опустивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возьметъ рубля. — „Для чего же?“ — Мнѣ не надобно лишняго. — „Я думаю, что букетъ прекрасныхъ ландышей, сорванныхъ руками прекрасной дѣвушки, стоитъ не менѣе рубля. Когда же ты не берешь его, возьми

тебѣ пять копѣекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣты; хотѣлъ бы, чтобъ ты рвала ихъ только для меня.“ — Лиза опдала букетъ, взяла пять копѣекъ, поклонилась и хотѣла ийти; но незнакомецъ останоилъ ее за руку. — „Куда же ты пойдешь, дѣвушка?“ — *Домой.* — „А гдѣ домъ твой?“ — Лиза сказала, гдѣ она живетъ; сказала и пошла. Молодой человекъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть для того, что мимоходящіе начали останавливаться, и смотря на нихъ, коварно усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что съ нею случилось. „Ты хорошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть это былъ какой нибудь дурной человекъ“ *Ахъ нѣтъ, матушка! я этого не думаю. У него такое доброе лице, такой голосъ — —* „Однако жь, Лиза, лучше кормишься трудами своими, и ничего не

братъ даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣвушку! У меня всегда сердце бываетъ не на своемъ мѣстѣ, когда ты ходишь въ городъ; я всегда ставлю свѣчу передъ образомъ, и молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напастей.“ — У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она поцѣловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей, и опять пошла съ ними въ городъ. Глаза ея тихонько чего-то искали. Многие хотѣли у нее купить букетъ; но она отвѣчала, что онъ не продажной, и смотрѣла по въ ту, по въ другую сторону. Наступилъ вечеръ; надлежало возвратиться домой, и букетъ цвѣтовъ былъ брошенъ въ Москву рѣку. *Никто не владей тобою!* сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть въ сердцѣ своемъ. — На другой день ввечеру сидѣла она

подъ окномъ, пряла, и шихимъ голосомъ пѣла жалобныя пѣсни; но вдругъ вскочила и закричала: *ахъ!*... Молодой незнакомецъ стоялъ подъ окномъ.

Что съ тобой сдѣлалось? спросила испугавшаяся мать, которая подлѣ нее сидѣла. *Ничего, матушка*, отвѣчала Лиза робкимъ голосомъ: *я только его увидѣла.*— „Кого?“— *Того господина, которой купилъ у меня цвѣты.* Старуха выглянула въ окно. Молодой человекъ поклонился ей такъ учтиво, съ такимъ пріятнымъ видомъ, что она не могла подумать объ немъ ничего, кромѣ хорошаго. *Здравствуй, добрая старушка!* сказалъ онъ. *Я очень усталъ: нѣтъ ли у тебя свѣжаго молока?* Услужливая Лиза, не дождавшись отвѣта отъ матери своей — можетъ быть для того, что она его знала напередъ — побѣжала на погребъ — принесла чистую кринку, покрытую чистымъ

деревяннымъ кружкомъ—схватила спаканъ, вымыла, выперла его бѣлымъ полопенцомъ, налила и пода-ла въ окно, но сама смотрѣла въ землю. Незнакомецъ выпилъ—и нектаръ изъ рукъ Гебы не могъ бы показаться ему вкуснѣе. Всякой догадается, что онъ послѣ того благодарилъ Лизу, и благодарилъ не столько словами, сколько взорами. Между тѣмъ добродушная старушка успѣла рассказать ему о своемъ горѣ и утѣшеніи—о смерти мужа и о милыхъ свойствахъ дочери своей, объ ея трудолюбіи и нѣжности, и проч. и проч. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ; но глаза его были—нужно ли сказывать, гдѣ? И Лиза, робкая Лиза посмапривала изрѣдка на молодого человѣка; но не такъ скоро молнія блеспила и въ облакъ исчезаетъ, какъ бы скоро голубые глаза ея обращались къ землѣ, всмѣрчалась съ его взоромъ. — „Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ онъ матери, что-

бы дочь своя никому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не за чѣмъбудетъ часто ходишь въ городъ, и ты не принуждена будешь съ нею разспаиваться. Я самъ по временамъ могу заходишь къ вамъ.“ — — — Тутъ въ глазахъ Лизиныхъ блеснула радость, которую она тщетно сокрыть хотѣла; щеки ея пылали какъ заря въ ясный, лѣпнѣй вечеръ; она сморгнула на лѣвой рукавъ свой, и щипала его правою рукою. Спарушка съ охотою приняла сіе предложеніе, не подозрѣвая въ немъ никакого дурнаго намѣренія, и увѣряла незнакомца, что полно, выпканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывающѣ опмѣнно хороши, и носятся долѣе всякихъ другихъ. — Спановилось темно, и молодой человекъ хотѣлъ уже идти. „Да какъ же намъ называть тебя, доброй, ласковой баринъ?“ спросила спаруха. Меня зовутъ Эраспомъ, оп-

вѣчалъ онъ. *Эрастолъ!* сказала тихонько Лиза — *Эрастолъ!* Она развпяпъ повпорила сіе имя, какъ будто бы стараясь затвердитъ его. — Эрастъ просился съ ними до свиданія, и пошелъ. Лиза провожала его глазами, а мать сидѣла въ задумчивости, и взявъ за руку дочь свою, сказала ей: „Ахъ, Лиза! какъ онъ хорошъ и добрѣ! Есшъли бы женихъ пвой былъ таковъ!“ Все Лизино сердце запрепешало. *Матушка! матушка!* какъ этому статъся? Онъ баринъ; а между крестьянами — — Лиза не договорила рѣчи своей.

Теперь читатель долженъ знать, что сей молодой человекъ, сей Эрастъ былъ довольно богатой дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ опъ природы, но слабымъ и вѣпренымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но

часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердце. Онъ читывалъ романы, идилліи; имѣлъ довольно живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена, (бывшія, или не бывшія) въ копорыя, по описанію Поэтовъ, всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ голубы, отдыхали подъ розами и миртами, и въ щастливой праздности всѣ дни свои проводжали. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. „Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ“ — думалъ онъ, и рѣшился — по крайней мѣрѣ на время — оставить большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Наступила ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей кропкаго сна; но

на сей разъ желаніе ея не исполнилось: — Лиза спала очень худо. Новой гостье души ея, образъ Эрасповъ, споль живо ей предспавлялся, что она почти всякую мину спросыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхожденія солнечнаго Лиза вспала, сошла на берегъ Москвы рѣки, сѣла на правъ, и подгорюнившись смопрѣла на бѣлые шуманы, копорые волновались въ воздухъ, и подымаясь вверху, оставляли блестящія капли на зеленомъ покровѣ Напуры. Вездѣ царспвовала тишина. Но скоро восходящее свѣтило дня пробудило все швореніе : роши , кусточки оживились ; пшички вспорхнули и запѣли; цвѣты подняли свои головки , чтобы напишаться живошворными лучами свѣта. Но Лиза все еще сидѣла подгорюнившись. Ахъ Лиза, Лиза ! что съ тобою сдѣлалось ? До сего времени , просыпаясь вмѣстѣ съ пшичками, ты вмѣстѣ съ ними ве-

селилась упрямъ, и чистая, радостная душа свѣпилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣпилося въ капляхъ росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость Природы чужда твоему сердцу. — Между тѣмъ молодой паспухъ по берегу рѣки гналъ стадо, играя на свирѣли. Лиза устремила на него взоръ свой и думала: „Естьли бы пошъ, кто за-
 „нимаетъ теперь мысли мои, рож-
 „денъ былъ простымъ крестьяни-
 „номъ, паспухомъ, — и естьли бы
 „онъ теперь мимо меня гналъ ста-
 „до свое: ахъ! я поклонилась бы
 „ему съ улыбкою, и сказала бы
 „привѣтливо: Здравствуй, любез-
 „ной пастушокъ! куда гонишь ты
 „стадо свое? И здѣсь растетъ зе-
 „леная трава для овецъ твоихъ; и
 „здѣсь алѣютъ цвѣты, изъ кото-
 „рыхъ можно сплести вѣнокъ для
 „шляпы твоей. Онъ взглянулъ бы на
 „меня съ видомъ ласковымъ — взялъ

„бы, можетъ бытъ, руку мою....
 „Мечта!“ Паспухъ, играя на свирѣ-
 ли, прошелъ мимо, и съ пестрымъ
 стадомъ своимъ скрылся за ближ-
 ній холмъ.

Вдругъ Лиза услышала шумъ ве-
 селъ — взглянула на рѣку и увидѣ-
 ла лодку, а въ лодкѣ — Эраспа.

Всѣ жилки въ ней забились, и
 конечно не отъ страха. Она воста-
 ла, хотѣла иппи, но не могла.
 Эраспъ выскочилъ на берегъ, подо-
 шелъ къ Лизѣ и — мечта ея опча-
 сти исполнилась; ибо онъ *взглянулъ*
на нее съ видомъ ласковымъ, взялъ
ее за руку.... А Лиза, Лиза спо-
 яла съ популленнымъ взоромъ, съ
 огненными щеками, съ препецу-
 щимъ сердцемъ — не могла опнѣть
 у него руки — не могла опворо-
 шиться, когда онъ приблизился
 къ ней съ розовыми губами сво-
 ими. . . . ахъ! онъ поцѣловалъ ее
 поцѣловалъ съ такимъ жаромъ,
 что вся вселенная показалась ей

въ огнѣ горящею! *Милая Лиза!* сказалъ Эрастъ: *милая Лиза!* я люблю тебя! и сіи слова опозвались въ глубинѣ души ея, какъ небесная, восхитительная музыка; она едва смѣла вѣришь ушамъ своимъ и . . . Но я бросаю кисть. Скажу только, что въ сію минуту воспорга исчезла Лизина робость — Эрастъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ спрочно новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ.

Они сидѣли на правѣ, и такъ, что между ими оставалось не много мѣста — смотрѣли другъ другу въ глаза, говорили другъ другу: *люби меня!* и два часа показались имъ мигомъ. Наконецъ Лиза вспомнила, что мать ея можетъ обѣ ней беспокоиться. Надлежало разсказать. *Ахъ Эрастъ!* сказала она: *всегда ли ты будешь любить меня?* „Всегда, милая Лиза, всегда!“ отвѣчалъ онъ. — *И ты можешь мнѣ дать въ этомъ клятву?* — „Могу,

любезная Лиза, могу!“ — *Мѣтѣ!* мнѣ не надобно клятвы. Я вѣрю тебѣ, Эрастѣ, вѣрю. Уже ли ты обманешь бѣдную Лизу? Едва этому не лъзя бытъ? — „Не лъзя, не лъзя, милая Лиза!“ — *Какѣ я счастлива!* и какѣ обрадуется матушка, когда узнаетѣ, что ты меня любишь! „Ахѣ нѣтъ, Лиза! ей не надобно ничего сказывать.“ — *Для чего же?* — „Спарые люди бывають подозрительны. Она вообразитѣ себѣ чѣто нибудь худое.“ — *Ме лъзя статзся.* — „Однакожь прошу тебя не говоришь ей обѣ этомѣ ни слова.“ — *Хорошо; надобно тебя послушатся, хотя мнѣ не хотѣлось бы нитого таить отѣ нее.* — Они проспились, поцѣловались вѣ послѣдній разѣ, и общались всякой день ввечеру видѣться, или на берегу рѣки, или вѣ березовой рошѣ, или гдѣ нибудь близѣ Лизиной хижины, только вѣрно, непременно видѣться. Лиза пошла, но глаза

ея сто разъ обрацались на Эраста, которой все еще стоялъ на берегу и смотрѣлъ въ слѣдъ за нею.

Лиза возвратилась въ хижину свою совсѣмъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ изъ нее вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. *Онъ меня любитъ!* думала она, и восхищалась сею мыслию. „Ахъ мапушка!“ сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась: „ахъ мапушка! какое прекрасное утро! Какъ все весело въ полѣ! Никогда жаворонки такъ хорошо не пѣвали; никогда солнце такъ свѣтло не сіяло: никогда цвѣты такъ пріятно не пахли!“ — Старушка, подпираясь клюкою, вышла на лугъ, чтобы насладиться утромъ, которое Лиза такими прекрасными красками описывала. Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей оптимъно пріятнымъ; любезная дочь ея весельемъ своимъ развеселяла

для нее всю Напуру. „Ахъ Лиза!“ говорила она: „какъ все хорошо у „Господа Бога! Шестой десятокъ „доживаю я на свѣтѣ, а все еще „не могу наглядѣться на дѣла Го- „сподни; не могу наглядѣться на „чистое небо, похожее на высокой „шаперѣ, и на землю, копорая вся- „кой годъ новою правою и новыми „цвѣтами покрывается. Надобно, „чтобы Царь небесной очень лю- „билъ человека, когда онъ такъ „хорошо убралъ для него здѣшній „свѣтъ. Ахъ Лиза! кто бы захо- „телъ умереть, естли бы ино- „гда не было намъ горя? . . . Видно „такъ надобно. Можетъ быть, мы „забыли бы душу свою, естли бы „изъ глазъ нашихъ никогда слезы „не капали.“ А Лиза думала: *ахъ! я скорѣ забуду душу свою, нежели милаго моего друга!*

Послѣ сего Эрасмъ и Лиза, боясь не сдержавъ слова своего, всякой вечеръ видѣлись (тогда, какъ

Лизина матиь ложилась спать) или на берегу рѣки, или въ березовой роцѣ, но всего чаще подѣ тѣнию сполѣтнихъ дубовъ (саженяхъ въ осьмидесяти отъ хижины) — дубовъ, осѣняющихъ глубокой, чистой прудъ, еще въ древнія времена ископанной. Тамъ часто пихая луна, сквозь зеленые вѣтви, посеребрала лучами своими бѣлые Лизины волосы, копорыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сіи освѣщали въ глазахъ нѣжной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрасповымъ поцѣлуемъ. Они обнимались — но цѣломудренная, спыдливая Цинпія не скрывалась отъ нихъ за облако; чисты и непорочны были ихъ объятія. „Когда ты, говорила Лиза „Эраспу, когда ты скажешь мнѣ: „я люблю тебя, другъ мой! когда „прижмешь меня къ своему сердцу, и взглянешь на меня умильными своими глазами: ахъ! пог-

„гда бываетъ мнѣ такъ хорошо,
 „такъ хорошо, что я себя забы-
 „ваю, забываю все, кромѣ — Эра-
 „спа. Чудно! чудно, мой другъ,
 „что я, не знаяши тебя, мо-
 „гла жить спокойно и весело! Те-
 „перь мнѣ это не понятно; те-
 „перь думаю, что безъ тебя жизнь
 „не жизнь, а грусть и скука. Безъ
 „глазъ твоихъ пламень свѣтлой
 „мѣсяцъ; безъ твоего голоса ску-
 „ченъ соловей поющій; безъ твоего
 „дыханія вѣтерокъ мнѣ непріа-
 „тенъ.“ — Эрасъ восхищался сво-
 ей паспущкой — такъ называлъ
 Лизу — и видя, сколь она любила
 его, казался самъ себѣ любезнѣе.
 Всѣ блестящія забавы большаго свѣ-
 та представлялись ему ничтожны-
 ми въ сравненіи съ тѣми удоволь-
 ствіями, копорыми *страстная*
дружба невинной души питала сер-
 дце его. Съ отвращеніемъ помыш-
 лялъ онъ о презрительномъ сладо-
 страстіи, копорымъ прежде упива-

лисѣ его чувствва. „Я буду жить
 „сѣ Лизою какѣ братѣ сѣ сестрою
 „(думалѣ онѣ); не употреблю во
 „зло любви ея, и буду всегда ща-
 „спливѣ!“ — Безразсудной, моло-
 дой человѣкѣ! знаешь ли ты свое
 сердце? Всегда ли можешь отвѣ-
 чать за свои движенія? Всегда ли
 разсудокѣ есть царѣ чувствѣ тво-
 ихѣ?

Лиза требовала, чтобы Эрастѣ
 часто посѣщалѣ мать ея. „Я люб-
 лю ее, говорила она, и хочу ей доб-
 ра; а мнѣ кажется, что видѣть
 тебя есть великое благополучіе
 для всякаго.“ — Спарушка въ са-
 момѣ дѣлѣ всегда радовалась, ког-
 да его видѣла. Она любила го-
 ворить сѣ нимѣ о покойномѣ му-
 жѣ, и рассказывать ему о
 дняхѣ своей молодости: о томѣ,
 какѣ она въ первой разѣ встрѣщи-
 лась сѣ милымѣ своимѣ Иваномѣ,
 какѣ онѣ полюбилѣ ее, и въ какой
 любви, въ какомѣ согласіи жилѣ сѣ

нею. Ахъ! мы никогда не могли другъ на друга наглядѣться, — до самаго того часа, какъ люшая смерть подкосила ноги его. Онъ умеръ на рукахъ моихъ!“ — Эраспъ слушалъ ее съ неприпворнымъ удовольствіемъ. Онъ покупалъ у нее Лизину работу, и хотѣлъ всегда плащивъ въ десять разъ дороже назначаемой ею цѣны; но спарушка никогда не брала лишняго.

Такимъ образомъ прошло нѣсколь-ко недѣль. Однажды ввечеру Эраспъ долго ждалъ своей Лизы. Наконецъ пришла она, но такъ не весела, чпо онъ испугался; глаза ея отъ слезъ покраснѣли. *Лиза, Лиза! что съ тобою случилось? — „Ахъ Эраспъ! я — плакала!“ — о чемъ? что такое? — „Я должна сказать тебѣ все. За меня сватается женихъ, сынъ богатаго крестьянина изъ со-сѣдней деревни; мапушка хочетъ, чпобы я за него вышла.“ — И ты соглашаешься? — „Жестокой! мо-*

жешь ли обѣ этомъ спрашивать? Да мнѣ жаль мапушки; она плачетъ, и говоритъ, что я не хочу ея спокойствія; что она будетъ мучиться при смерти, если не выдасъ меня при себѣ за мужъ. Ахъ! мапушка не знаетъ, что у меня есть такой милой другъ!“ — Эрасъ цѣловалъ Лизу; говорилъ, что ея счастье дороже ему всего на свѣтѣ; что по смерти мапери ея онъ возьметъ ее къ себѣ, и будетъ жить съ нею неразлучно, въ деревнѣ, и въ дремучихъ лѣсахъ какъ въ раю. — „Однакожь тебѣ не лзя быть моимъ мужемъ!“ сказала Лиза съ пихимъ вздохомъ. — *По тому же? — „Я крестьянка.“ — Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнѣе всего душа, чувствительная, невинная душа — и Лиза будетъ всегда ближайшая къ моему сердцу.*

Она бросилась въ его объятія — и въ сей часъ надлежало погибнуть

непорочности! — Эрастѣ чувствовалъ необыкновенное волненіе въ крови своей — никогда Лиза не казалась ему столь прелестною — никогда ласки ся не прогали его такъ сильно — никогда ея поцѣлуй не были столь пламенны — она ничего не знала, ничего не подозрѣвала, ничего не боялась — мракъ вечера пилалъ желанія — ни одной звѣздочки не сіяло на небѣ — никакой лучъ не могъ освѣпить заблужденія — Эрастѣ чувствуетъ въ себѣ препетъ — Лиза также, не зная, отъ чего — не зная, что съ нею дѣлается. . . Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ Ангелъ хранитель твой? Гдѣ — твоя невинность?

Заблужденіе прошло въ одну минуту. Лиза не понимала чувствъ своихъ, удивлялась и спрашивала. Эрастѣ молчалъ — искалъ словъ, и не находилъ ихъ. „Ахъ! я боюсь (говорила Лиза), боюсь того, что случилось съ нами! Мнѣ казалось,

что я умираю ; что душа моя...
 Нѣтъ, я не умѣю сказать эпова!..
 Ты молчишь, Эрастъ? вздыхаешь?..
 Боже мой ! что такое? — Между
 тѣмъ блеснула молнія и грянулъ
 громъ. Лиза вся задрожала. Эрастъ,
 Эрастъ! сказала она: *миѣ страшно!*
Я боюсь, чтобы громъ не убилъ
меня, какъ преступницу! Грозно
 шумѣла буря; дождь лился изъ чер-
 ныхъ облаковъ — казалось, что На-
 пура сѣповала о поперянной Ли-
 зиной невинности. — Эрастъ спа-
 рался успокоить Лизу, и прово-
 дилъ ее до хижины. Слезы капи-
 лись изъ глазъ ея, когда она про-
 щалась съ нимъ. *Ахъ Эрастъ! увѣръ*
меня, что мы будемъ по прежнему
счастливы! — „Будемъ, Лиза, бу-
 демъ!“ оповѣчалъ онъ. — *Дай Богъ!*
Миѣ не лѣзя не вѣрить словамъ тво-
имъ: вѣдь я люблю тебя! Только
въ сердцѣ моемъ... Но полно!
Прости! Завтра, завтра уви-
дился.

Свиданія ихъ продолжались ; но какъ все перемѣнилось! Эрасмъ не могъ уже доволенъ быть однѣми невинными ласками своей Лизы — одними ея любви исполненными взорами — однимъ прикосновеніемъ руки, однимъ поцѣлуемъ, одними чистыми обѣяпіями. Онъ желалъ больше, больше, и наконецъ ничего желать не могъ — а кто знаетъ сердце свое, кто размышлялъ о свойствахъ нѣжнѣйшихъ его удовольствій, кто конечно согласился со мною, что исполненіе *всѣхъ* желаній есть самое опасное искушеніе любви. Лиза не была уже для Эрасма симъ Ангеломъ непорочности, копорой прежде воспалялъ его воображеніе и восхищалъ душу его. Плапоническая любовь уступила мѣсто такимъ чувствамъ, копорыми онъ не могъ *гордиться*, и копорыя были для него уже не новы. Что принадлежало до Лизы, то она совершенно ему отдавшись,

имѣ только жила и дышала, во всемъ какъ агнецъ повиновалась его волѣ, и въ удовольствіи его полагала свое щасіе. Она видѣла въ немъ перемѣну, и часто говорила ему: *Прежде бывалъ ты веселѣе; прежде бывали мы покойнѣе и щастливѣе; и прежде я не такъ боялась потерять любовь твою!* — Иногда, прощаясь съ нею, онъ говорилъ ей: *Завтра, Лиза, не могу я съ тобою видѣться; мнѣ встрѣтилось важное дѣло*—и всякой разъ при сихъ словахъ Лиза вздыхала.

Наконецъ пять дней сряду она не видала его, и была въ величайшемъ безпокойствѣ; въ шестой пришелъ онъ съ печальнымъ лицомъ и сказалъ ей: „Любезная Лиза! мнѣ должно на нѣсколько времени съ тобою проститься. Ты знаешь, что у насъ война; я въ службѣ; полкъ мой идетъ въ походъ.“ — Лиза поблѣднѣла, и едва не упала въ обморокъ.

Эрасмъ ласкалъ ее ; говорилъ , что онъ всегда будетъ любить милую Лизу , и надѣется по возвращеніи своемъ никогда съ нею не разскапаться. Долго она молчала ; по томъ залилась горькими слезами , схватила руку его , и взглянувъ на него со всею нѣжностію любви , спросила : *тебѣ не лѣзя остаться?* „Могу, отвѣчалъ онъ, но только съ величайшимъ безславіемъ, съ величайшимъ пятномъ для моей чести. Всѣ будутъ презирають меня; всѣ будутъ гнушаться мною, какъ прусомъ, какъ недоспойнымъ сыномъ опечеснва.“ *Ахъ! когда такъ*, сказала Лиза, *то поѣзжай, поѣзжай, куда Богъ велитъ! Мо тебя могутъ убить.—*„Смерть за опечеснво не страшна, любезная Лиза.“—*Я умру, какъ скоро тебя не будетъ на свѣтѣ.—*„Но за чѣмъ это думаешь? Я надѣюсь оспаться живъ, надѣюсь возвратишься къ тебѣ, моему другу.“—*Дай Богъ!*

дай Богъ! Всякой день, всякой часъ буду о томъ молиться. Ахъ! для того я не умѣю ни читать, ни писать! Ты бы увѣдомлялъ меня обо всемъ, что съ тобою случится; а я писала бы къ тебѣ—о слезахъ своихъ!—,,Нѣтъ, береги себя, Лиза; береги для друга своего. Я не хочу, чтобы ты безъ меня плакала.“—Жестокое слово! ты думаешь лишить меня и этой отрады! Итъ! разставшись съ тобою, развѣ тогда перестану плакать, когда высохнетъ сердце мое.—,,Думай о пріятной минутѣ, въ которую опять мы увидимся.“— Буду, буду думать объ ней! Ахъ! если бы она пришла скорѣе! Любезной, милой Эрасту! помни, помни свою бѣдную Лизу, которая любитъ тебя болѣе, нежели самое себя!

Но я не могу описать всего, что они при семъ случаѣ говорили. На другой день надлежало быть послѣднему свиданію.

Эрастѣ хотѣлъ проспишьяся и съ Лизиною матерью, копорая не могла опѣ слезѣ удержашьяся, слыша, что *ласковой, пригожій баринѣ* ея долженѣ бѣхашья на войну. Онѣ принудилѣ ее взяшья у него нѣсколько денегѣ, сказавѣ: „Я не хочу, чпобы Лиза вѣ мое опсупсшвѣе продавала работу свою, копорая, по уговору, принадлежишья мнѣ.“ — Спарушка осыпала его благословеніями. „Дай Господи, говорила она, чпобы ты кѣ намѣ благополучно возвратишьяся, и чпобы я тебѣ еще разѣ увидѣла вѣ здѣшней жизни! Авось-либо моя Лиза кѣ пому времени найдетѣ себѣ жениха по мыслямѣ. Какѣ бы я благодарила Бога, еспѣлибѣ ты прѣбхалѣ кѣ нашей свадьбѣ! Когда же у Лизы будѣшья дѣти, знай баринѣ, что ты долженѣ креститѣ ихѣ! Ахѣ! мнѣ бы очень хотѣлось дожитѣ до эпова!“ — Лиза стояла подѣ матери, и не смѣла взглянушья на нее. Чи-

патель легко можешъ вообразитъ себѣ, что она чувствовала въ сію мину.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрасъ, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ прижавъ ее къ своему сердцу, сказалъ: *прости, Лиза?* Какая прогательная картина! Упренная заря, какъ алое море, разливалась по восточному небу. Эрасъ споялъ подъ вѣтвями высокаго дуба, держа въ объятіяхъ своихъ блѣдную, помную, горестную подругу, которая, прощаясь съ нимъ, прощалась съ душою своею. Вся Напура пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала — Эрасъ плакалъ — оставилъ ее — она упала — спала на колѣни, подняла руки къ небу и смотрѣла на Эраса, который удалялся — далѣе — далѣе — и наконецъ скрылся — возсіяло солнце, и Лиза, оставленная, бѣдная, лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя — и себѣ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ пріятности Напурры сокрылись для нее вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу. „Ахъ! (думала она) для чего я оспалась въ этой пустынѣ? Что удерживаетъ меня лепѣть въ слѣдъ за милымъ Эраспомъ? Война не страшна для меня; страшно тамъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ нимъ жить, съ нимъ умереть хочу, или смертію своею спасти его драгоценную жизнь. Поспой, поспой, любезной! я лечу къ тебѣ!“ — Уже хотѣла она бѣжать за Эраспомъ; но мысль: *у меня есть мать!* остановила ее. Лиза вздохнула, и приклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ. — Съ сего часа дни ея были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать отъ нѣжной матери: тѣмъ болѣе страдало сердце ея! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густомъ лѣсѣ, могла свободно

проливать слезы и сгнетать о раз-
 лукѣ съ милымъ. Часто печальная
 горлица соединяла жалобной голосъ
 свой съ ея сгнетаніемъ. Но иногда—
 хопя весьма рѣдко—злапой лучъ на-
 дежды, лучъ упѣшенія, освѣщаль
 мракъ ея скорби. *Когда онъ возвра-
 тится ко мнѣ, какъ я буду счастлива!
 какъ все переизмѣнится!* опѣсей мысли
 прояснялся взоръ ея, розы на ще-
 кахъ ея освѣжались, и Лиза улы-
 балась, какъ Майское утро послѣ
 бурной ночи. — Такимъ образомъ
 прошло около двухъ мѣсяцовъ.

Въ одинъ день Лиза должна была
 иппи въ Москву, за пѣмъ, чпобы
 купишь розовой воды, копорою
 машь ея лечила глаза свои. На од-
 ной изъ большихъ улицъ вспрѣпи-
 лась ей великолѣпная карета, и въ
 сей каретѣ увидѣла она — Эраспа:
Ахъ! закричала Лиза, и бросилась
 къ нему; но карета проѣхала мимо
 и поворошила на дворъ. Эраспъ
 вышелъ, и хопѣлъ уже иппи на

крыльцо огромнаго дому, какъ вдругъ почувствовалъ себя — въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ — попомъ, не отвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь, и сказалъ ей: *Лиза! обстоятельства перемѣнились; я помолвилъ жениться; ты должна оставить меня въ покоѣ, и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люблю, то есть желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ (онъ положилъ ей деньги въ карманъ) — позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ — и пооди домой.* — Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета, и сказалъ слугѣ: *проводи эту дѣвушку со двора.*

Сердце мое обливается кровію въ сію мину. Я забываю человека въ Эрасмъ — готовъ проклинать его — но языкъ мой не движется —

смотря на небо, и слеза капился по лицу моему. Ахъ! для чего пишу я не романъ, а печальную быль?

И такъ Эраспъ обманулъ Лизу, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ армию? — Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ армии; но вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эраспъ возвратился въ Москву опятченныи долгами. Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельства — женился на пожилой богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то, и перѣхалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ искренній вздохъ Лизѣ своей. Но все сіе можетъ ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любитъ

другую? я погибла! вопѣ ея мысли, ея чувства! Жестокой обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и старалась привести ее въ память. Несчастная открыла глаза — вспала съ помощью сей доброй женщины, — благодарила ее, и пошла, сама не зная, куда. „Мнѣ не лѣзя жить, (конечно думала Лиза) не лѣзя! . . . Если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бѣдную! . . . Нѣтъ! небо не падаетъ; земля не колеблется! Горе мнѣ!“ — Она вышла изъ города, и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнію древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея воспорговъ. Сіе воспоминаніе потрясло ея душу; страшнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣ-

сколько минуѣ погрузилась она
 въ нѣкоторую задумчивость — по
 томъ осмопрѣлась вокругъ себя,
 увидѣла дочь своего сосѣда, (пят-
 нацѣтилѣпную дѣвушку) идущую
 по дорогѣ — клинула ее, вынула
 изъ кармана десятокъ имперіаловъ, и,
 подавая ей, сказала: „Любезная Аню-
 ша, любезная подружка! опнеси
 „эти деньги къ мапушкѣ — они
 „не краденныя — скажи ей, что Ли-
 „за прошивъ нее виновата; что я
 „шайла отъ нее любовь свою къ
 „одному жестокому человѣку, —
 „къ Э. . . . На что знаешь его имя?
 „— Скажи, что онъ измѣнилъ мнѣ
 „— попроси, чтобы она меня про-
 „спила — Богъ будетъ ея помощ-
 „никомъ — поцѣлуй у нее руку,
 „такъ, какъ я теперь твою цѣлую
 „— скажи, что бѣдная Лиза велѣла
 „поцѣловать ее — скажи, что я“...
 Тутъ она бросилась въ воду. Аню-
 ша закричала, заплакала, но не
 могла спасти ее; побѣжала въ де-

ревню — собрались люди, и выпасили Лизу; но она была уже мертва.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душой и пѣломъ. Когда мы *тамъ*, въ новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянной крестъ на ея могилѣ. Тутъ часто сижу я въ задумчивости, опершись на вѣтвилице Лизина праха; въ глазахъ моихъ спрунхся прудъ; надо мною шумятъ листья.

Лизина мать услышала о спрашной смерти дочери своей, и кровь ея отъ ужаса охладѣла — глаза навѣкъ закрылись. — Хижина опустила. Въ ней воешь вѣперъ, и суетвѣрные поселане, слыша по ночамъ сей шумъ, говорятъ: *тамъ стонетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!*

Эрастъ былъ до конца жизни своей несчастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онъ не могъ упѣшиться, и почипалъ себя ея убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ разсказалъ мнѣ сію исторію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ. — Теперь, можетъ быть, они уже примирились!

ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА

и

ЩАСТЛИВОЙ КАРЛА.

Спаринная сказка, или новая кар-
рикашура.

О вы, некрасивые сыны челоуѣ-
чества, безобразныя шворенія *пла-
стической* Напуры! вы, копорые ни
въ чемъ не можете служишь образ-
цомъ художнику, когда онъ хочеть
предспавишь изящностъ челоуѣче-
ской формы! вы, копорые жалует-
сь на Природу, и говорите, что
она не дала вамъ способовъ нра-
вишься, и заградила для васъ источ-
никъ сладчайшаго удовольствія въ

жизни—источникъ любви! не опчая-
вайтесь, друзья мои, и вѣрьте,
что вы еще можете бытьъ любез-
ными и любимыми; что услужли-
вые Зефиры нынѣ или завтра мо-
гутъ принести къ вамъ какую ни-
будь прелестную Психу, которая
съ восторгомъ бросится въ объ-
ятія ваши, и скажетъ, что нѣтъ
ничего милѣе васъ на свѣтѣ. — Вы-
слушайте слѣдующую повѣсть.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣ-
которомъ государствѣ жилъ-былъ
Царь доброй теловѣкъ, отецъ еди-
ныя дочери, Царевны прекрасной,
милой сердцу родителя, любезной
всякому чувствительному сердцу,
рѣдкой, несравненной. Когда
Царь доброй теловѣкъ, одѣянный
богатою багряницею, увѣнчанный
вѣнцемъ сафирорубиннымъ, сидѣлъ
на высокомъ тронѣ среди народна-
го множества, и держа въ правой
рукѣ жезлъ скипетръ, судилъ съ
правдою своихъ подданныхъ; когда,

въздыхая изъ глубины сердца, изре-
 калъ приговоръ должнаго наказанія:
 тогда являлась передъ прономъ
прекрасная Царевна, смотрѣла пря-
 мо въ глаза своему родителю, по-
 дымала бѣлую руку свою, проспира-
 ла ее къ судящему — и пасмурное
 лице правосудія вдругъ озарялось
 солнцемъ милоспи — виновный,
 спасенный ею, клялся въ душѣ
 своей бытъ съ того времени доб-
 рымъ подданнымъ Царя добраго. Бѣд-
 ный ли приближался къ Царевнѣ?
 она помогала ему — печальный ли
 проливалъ слезы? она утѣшала его.
 Всѣ сироты въ проспранной обла-
 сти *Царя добраго теловѣка* называли
 ее матерью; и даже шѣ, которыхъ
 сама Напура угнепала — нещас-
 ные, лишенные здравія, облегча-
 лись ея цѣлительною рукою; ибо Ца-
 ревна совершенно знала науку враче-
 ванія, пайныя силы правъ и минера-
 ловъ, росъ небесныхъ и ключей под-
 земныхъ. Такова была душа Царев-

нина. Тѣлесную красоту ея описывали всѣ спихопворцы погдашнихъ временъ какъ лучшее произведеніе искусной Природы—а спихопворцы были погда не такіе льстецы, какъ нынѣ; не называли они чернаго бѣлымъ, карлы великаномъ, и безобразія примѣромъ стройности. Въ древнемъ книгохранилищѣ удалось мнѣ найти одно изъ сихъ описаній — вотъ вѣрный переводъ его:

„Не такъ пріятна полная луна,
 „восходящая на небѣ между без-
 „численными звѣздами, какъ пріят-
 „на наша милая Царевна, гуляю-
 „щая по зеленымъ лугамъ съ под-
 „ругами своими; не такъ прекра-
 „сно сіяютъ лучи свѣтлаго мѣсяца,
 „посребряя волнистые края сѣдыхъ
 „облаковъ ночи, какъ сіяютъ бѣ-
 „лые власы на плечахъ ея; ходитъ
 „она какъ гордой лебедь, какъ лю-
 „бимая дочь Неба; лазурь эфирная,
 „на кошорой блистаетъ звѣзда

„любви, звѣзда вечерняя, естъ об-
 „разъ несравненныхъ глазъ ея; пон-
 „кія брови какъ радуги изгибаются
 „надъ ними; щеки ея подобны бѣ-
 „лымъ лилеямъ, когда утренняя
 „заря краситъ ихъ алымъ цвѣтомъ
 „своимъ; когда же опверзаются
 „малиновыя уста *прекрасной Ца-*
 „*ревы*, два ряда чистѣйшихъ жем-
 „чужинъ прелыцаютъ зрѣніе; два
 „холмика, вѣчнымъ шуманомъ по-
 „крытые. . . . Но кто опишетъ всѣ
 „красоты ея?“

Крылатая богиня, называемая
 Славою, была и въ тѣ времена
 такъ же словоохотна, какъ нынѣ.
 Летая по всей подсолнечной, она
 рассказывала чудеса *о прекрасной*
Царевнѣ, и не могла объ ней на-
 говоришься. Изъ - за прідевяти
 земель пріѣзжали Царевичи видѣть
 красоту ея — разбивали высокіе
 шатры передъ каменнымъ дворцомъ
Царя Добраго теловка, и приходили
 къ нему съ поклономъ. Онъ зналъ

причину ихъ посѣщенія, и радовался сердечно, желая доспойнаго супруга милой своей дочери. Они видѣли прекрасную Царевну, и воспламенялись любовію. Каждый изъ нихъ говорилъ Царь доброму теловѣку: „Царю доброй теловѣкѣ! Я „пріѣхалъ изъ-за придевяти земель, „придесятаго царства; опецѣ мой „владѣетѣ народомъ безчисленнымъ, землею прекрасною; высоки „перема наши; въ нихъ сіяетѣ се „ребро и золото, опливаютѣ разно „цвѣтныя бархаты — Царь! опдай за „меня дочь свою!“ — *Ищи любви* ея! опвѣчалъ онъ — и всѣ Царевичи оспавались во дворцѣ его, пили и ѣли за столомъ дубовымъ, за скаперпью *браного*, вмѣстѣ съ Царемъ и съ Царевною. Каждый изъ нихъ смопрѣлъ умильными глазами на прекрасную, и взорами своими говорилъ весьма ясно: *Царевна! полюби* меня! Надобно знашь, чпо любовники были въ спарину робки

и спыдливы какъ красныя дѣвушки, и не смѣли словесно изъясняться съ владычицами сердецъ своихъ. Въ наши времена они гораздо смѣлѣе; но за то *краснорѣчіе воровъ* поперяло нынѣ почти всю силу. Обожатели *прекрасной Царевны* употребляли еще другой способъ къ изъявленію своей страсти — способъ, копорой также вышелъ у насъ изъ моды. А именно, всякую ночь ходили они подъ окно Царевнина перема, играли на бандурахъ и пѣли пихимъ голосомъ жалобныя пѣсни, сочиненныя спихопворцами ихъ земель; каждой куплепъ заключался глубокими вздохами, копорые и каменное сердце могли бы пронупъ и размягчипъ до слезъ. Когда пять, шесть, десять, двадцать любовниковъ сходились тамъ въ одно время, тогда они бросали жеребей, кому пѣть прежде, и всякой въ свою очередь начиналъ воспѣвать сердечную муку; другіе

же, поджавъ руки, ходили взадъ и впередъ, и посмапривали на окно Царевнино, копорое однакожь ни для кого изъ нихъ не опворялось. По помъ всѣ они возвращались въ свои шапры, и въ глубокомъ снѣ забывали любовное горе.

Такимъ образомъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы. *Прекрасная Царевна* взглядывала на шого и на другаго, на прешьяго и на чешвершаго — но въ глазахъ ея не видно было ничего, кромѣ холоднаго равнодушія къ женихамъ ея, Царевичамъ и Королевичамъ. Наконецъ всѣ они приступили къ *Царю доброму теловѣку*, и пребывали единодушно, чѣобы прекрасная дочь его объявила поржеспвенно, кѣпо изъ нихъ нравенъ сердцу ея. „Довольно пожили мы въ каменномъ дворцѣ швоемъ, говорили они; поѣли хлѣба-соли швоей, и меду сладкаго не одну бочку опорожнили; время возвратишья намъ во свои спраны,

кѣ опцамъ, матерямъ и роднымъ
сестрамъ. *Царь доброй теловѣкъ!*
мы хопимъ вѣдать, кѣпо изъ насъ
будемъ зятемъ твоимъ.“ Царь оп-
вѣчалъ имъ сими словами: „Любез-
ные госпи! естѣли бы вы и нѣ-
сколько лѣтъ прожили во двор-
цѣ моемъ, то конечно бы не на-
скучили хозяину; но не хочу удер-
живать васъ прошивъ воли вашей,
и пойду теперъ же кѣ Царевнѣ.
Не могу я ни въ чемъ принуж-
дать ее; но кого она выберетъ,
тотъ получитъ за нею въ при-
даное все царство мое, и будемъ
моимъ сыномъ и наследникомъ.“
—Царь пошелъ въ теремъ кѣ до-
чери своей. Она сидѣла за пяль-
цами и шила серебромъ и золо-
томъ; но увидѣвъ родителя, воста-
ла и поцѣловала руку его. Онъ сѣлъ
подлѣ нее, и сказалъ ей словами
ласковыми: „Милая разумная дочь
моя, *прекрасная Царевна!* ты зна-
ешь, что у меня нѣтъ дѣтей,

„кромѣ тебя, свѣта очей моихъ;
 „родъ нашъ долженъ царствовать
 „и въ будущіе вѣки; пора тебѣ о
 „женихѣ думать. Давно живушъ у
 „насъ Царевичи и прельщающся
 „красотою своею: выбери изъ нихъ
 „супруга, дочь моя, и уиѣшь отца
 „своего!“ — Царевна долго сидѣла
 въ молчаніи, поупя въ землю го-
 лубые глаза свои; наконецъ подня-
 ла ихъ и устремила на родителя
 — пушъ двѣ блестящія слезы ска-
 пились съ алыхъ щекъ ея, подобно
 двумъ дождевымъ каплямъ, свѣuae-
 мымъ съ розы дуновеніемъ зефира.
 „Любезной родитель мой!“ сказала
 она нѣжнымъ голосомъ. „будешъ
 „мнѣ время горевать за мужемъ.
 „Ахъ! и ппички любяшъ волю; а
 „замужняя женщина не имѣетъ ее.
 „Теперь я живу и радуюсь; нѣшъ
 „у меня ни заботъ, ни печали; ду-
 „маю только о томъ, чшобы угож-
 „дать моему родителю. Не могу
 „ни чѣмъ опорочить Царевичей; но

„позволь, позволь мнѣ оспаться въ
 „дѣвическомѣ моемѣ перемѣ!“ —
Царь доброй теловѣкѣ прослезился.
 „Я нѣжной отецѣ, а не пиранѣ
 „швой, опвѣчалѣ онѣ Царевнѣ: бла-
 „го разумные родители могутъ упра-
 „влять склонностями дѣшей сво-
 „ихъ; но не могутъ они ни возбуж-
 „дать, ни перемѣнять оныхъ —
 „какъ искусный кормчій управля-
 „етъ кораблемъ своимъ, но не мо-
 „жетъ сказать пищи: превра-
 „тится въ вѣтеръ! или воспочному
 „вѣпру: будь западнымъ!“ — *Царь*
доброй теловѣкѣ обнялъ дочь свою,
 вышелъ къ Принцамъ, и сказалъ
 имъ съ печальнымъ видомъ и со
 всевозможною учпивоспїю, что
прекрасная Царевна ни для кого
 изъ нихъ не хочетъ оставить дѣ-
 вческаго своего шерема. Всѣ Ца-
 ревичи прїуныли, призадумались и
 повѣсили свои головы; ибо всякой
 изъ нихъ надѣялся быть супругомъ
прекрасной Царевны. Одинъ упи-

рался бѣлымъ плапкомъ, другой глядѣлъ въ землю, претѣй закрывалъ глаза рукою, четвертой щипалъ на себѣ плащъ, пятой сползалъ прислонясь къ печкѣ и смолчалъ себѣ на носъ, подобно Индѣйскому Брамину, размышляющему о напурѣ души человѣческой; шестой — Но что въ сію минушу дѣлалъ шестой, седьмой и прочіе, о томъ молчали лѣпописи. Наконецъ всѣ они вздохнули (такъ сильно, что едва не затряслись каменные стѣны), и помнымъ голосомъ принесли хозяину благодарность за угощеніе. Въ одно мгновеніе бѣлые шапры передъ дворцомъ исчезли — Царевичи сѣли на коней своихъ и съ грусши помчались во весь духъ, каждой своею дорогою; пыль поднялась сполбомъ, и опянь легла на свое мѣсто.

Въ Царскомъ дворцѣ стало все тихо и смирно, и *Царь доброй теловѣкъ* принялся за обыкновенное

дѣло свое, которое состояло въ томъ, чтобы править подданными какъ отецъ правитъ дѣтьми, и распространять благоденствіе въ подвластной ему странѣ — дѣло трудное, но святое и пріятное! Однажды у хлѣбосола рѣдко бываетъ безъ гостей — и скоро по повѣздѣ Принцовъ пріѣхалъ къ Царю странствующій Аспрологъ, Гимнософистъ, Магъ, Халдей, въ высокой шапкѣ, на которой изображены были луна и звѣзды — прожилъ у него нѣсколько недѣль — водилъ за собой прекрасную Царевну, какъ должно учтивому Кавалеру — пилъ и ѣлъ по-философски, но естъ за пятерыхъ, и безпрестанно говорилъ объ умеренности и воздержаніи. Царь обходился съ нимъ ласково; спрашивалъ его о происшествіяхъ свѣта, о звѣздахъ небесныхъ, о рудахъ подземныхъ, о птицахъ воздушныхъ, и находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ его. Къ чести

сего спранспвующаго рыцаря должно сказаць, чшо онѣ имѣлѣ многія историческія, физическія и философическія свѣдѣнія, и сердце человеческое было для него не совсѣмѣ *тараборскою грамотою*—по еспѣ, онѣ зналѣ людей, и часпо угадывалѣ по глазамѣ самыя сокровеннѣйшія ихѣ чувспва и мысли. Въ нынѣшнее время назвали бы его —не знаю, чѣмѣ; но въ погдашнее называли его мудрецомѣ. Правда, чшо всякой новой вѣкѣ приносишѣ съ собою новое понятіе о семѣ словѣ. — Сей мудрецѣ, собравшись наконецѣ ѣхаць опѣ *Царя добраго теловѣка*, сказалѣ ему сіи слова: „Вѣ благодарностѣ за швою ласку“ —(и за твой хорошій столѣ, могѣ бы онѣ примолвишѣ)—„опкроюше- „бѣ важную пайну, важную для „швоего сердца, *Царь доброй тело- „вѣкѣ!* Ничшо не сокрышо опѣ мо- „ей мудроспи; не сокрыша опѣ нее „и душа швоей дочери, *прекрасной*

„Царевны. Знай, что она любитъ,
 „и хочетъ скрывать любовь свою.
 „Распѣніе, цвѣтущее во мракѣ,
 „позябаеиъ и лишается красоты
 „своей; любовь естъ цвѣтъ души.
 „Я не могу сказать болѣе. Про-
 „спи!“—Онѣ пожалѣ у Царя руку,
 вышелѣ, сѣлѣ на осла и побѣхалѣ въ
 иную землю.

Царь доброй теловѣкѣ споялѣ въ
 изумленіи, и не зналѣ, что думаетъ
 о словахъ мудрецовыхъ: вѣришь ли
 имѣ, или не вѣришь,—какѣ вдругѣ
 явилась Царевна, поздравила отца
 своего съ добрымъ упромѣ, и спро-
 сила, покойно ли спалѣ онѣ въ про-
 шедшую ночь? „Очень безпокойно,
 „любезная дочь моя! (отвѣчалѣ
 „*Царь доброй теловѣкѣ*.) Душу мою
 „шревожили разные непріятныя
 „сны, изѣ которыхъ одинѣ оспал-
 „ся въ моей памяти. Мнѣ казалось,
 „что я вмѣстѣ со многими людъ-
 „ми пришелѣ къ дикой пещерѣ, въ
 „которой смертныя узнавали бу-

„дущее. Всякой изъ насъ желалъ
 „о чемъ нибудь спросить Судьбу;
 „всякой по очереди входилъ въ сум-
 „рачной гробъ, освѣщенный одною
 „лампадою, и писалъ на спѣнѣ
 „вопросъ—черезъ минушу, на помѣ
 „же мѣспѣ, огненными буквами
 „изображался отвѣтъ. Я хотѣлъ
 „знать, скоро ли будушъ у меня
 „милыя внучата? и къ ужасу мо-
 „ему увидѣлъ сіи слова: *можетъ*
 „*быть никогда*. Рука моя дрожала;
 „но я написалъ еще другіе вопросы:
 „*Развѣ у дочери моей каменное*
 „*сердце? развѣ она никогда любитъ*
 „*не будетъ?* Послѣдовалъ другой
 „отвѣтъ: *Она уже любитъ, но не*
 „*хочетъ открыть любви своей, и*
 „*крушится втайнѣ*. Тутъ слезы
 „покапились изъ глазъ моихъ; про-
 „нутое мое сердце излилось въ
 „нѣжныхъ жалобахъ на тебя, пре-
 „красная Царевна! *Ѣмъ я заслу-*
 „*жилъ такую неискренность, такую*
 „*недовѣренность? Будетъ ли отецъ*

„врагомъ любезной своей дочери?
 „Могу ли противиться сердечному
 „твоему выбору, милая Царевна?
 „Не всегда ли желанія твои были
 „мнѣ закономъ? Не бросаюся ли я
 „на старости лѣтъ моихъ за твою
 „бабочкою, которую ты хвалила? Не
 „собственною ли рукою поливалъ я
 „тѣ цвѣточки, которые тебѣ нра-
 „вились?“ — — Тупѣ Царевна за-
 плакала, схватила руку отца сво-
 его, поцѣловала ее съ жаромъ —
 сказала: *батюшка! батюшка!* —
 взглянула ему въ глаза, и ушла въ
 свой перемѣ.

„И такъ мудрецъ сказалъ мнѣ
 „правду? (размышлялъ Царь доброй
 „словесью:) она не могла скрыть
 „своего внутренняго движенія. Же-
 „спокая! думалъ ли я. . . . И для
 „чего тайно? Для чего было не
 „сказать, копорой изъ Царевичей
 „пльнилъ ея сердце? Можетъ быть
 „онъ не такъ богатъ, не такъ
 „знаменъ, какъ другіе; но развѣ

„мнѣ надобны богатство и зна-
 „ность? Развѣ мало у меня
 „серебра и золота? Развѣ онѣ
 „не будутъ славенѣ по женѣ сво-
 „ей? Надобно все узнать.“ — Онѣ
 ту же минути рѣшился ийти къ
прекрасной Царевнѣ; подошелъ къ
 дверямъ ея перема, и услышалъ
 голосъ мущины, копорой говорилъ:
 „Нѣтъ, *прекрасная Царевна*! ни-
 „когда отецъ твой не согласишся
 „признать меня зятемъ своимъ!“
 Сердце родителя сильно запрепе-
 тало. Онѣ распворилъ дверь....
 Но какое перо опишетъ теперь
 его чувства? Что представилось
 глазамъ его? Безобразной придвор-
 ной карла, съ горбомъ напереди,
 съ горбомъ назади, обнималъ Царев-
 ну, копорая, проливая слезы, осы-
 пала его спрасными поцѣлуями!
 —Царь окаменѣлъ. *Прекрасная Ца-
 ревна* бросилась передъ нимъ на ко-
 лѣни и сказала ему твердымъ го-
 лосомъ: „Родитель мой! умерши

„меня, или опдай за любезнаго, милаго, безцѣннаго карлу! Никогда не буду я супругою другога. Душа моя живетъ его душою, сердце мое его сердцемъ. Въ жизни и въ смерти мы неразлучны.“ — Между тѣмъ карла споялъ покойно, и смотрѣлъ на Царя съ почтеніемъ, но безъ робости. Царь долго былъ неподвиженъ и безгласенъ. Наконецъ, воскликнувъ: *что я вижу? что слышу?* упалъ на кресла, и голова его къ лѣвому плечу склонилась. Царевна обнимала его колѣни. Онъ взглянулъ на нее, такъ, что прекрасная не могла снести сего взора, и опустила глаза въ землю. *Ты, ты...* Голосъ его перервался. Онъ посмотрѣлъ на карлу — вскочилъ — хлопнулъ дверью и ушелъ.

„Какъ, какъ могла прекрасная Царевна полюбить горбатнаго карлу?“ спросилъ, или — не спросилъ чиншпель. Великой Шекспиръ говоритъ, что причина любви бываетъ

безъ причины: хорошо сказано для Поэта! но Психологъ тѣмъ не удовольствуется, и захочетъ, чтобы мы показали ему, какимъ образомъ родилась сія склонность, по видимому невѣроятная. Древнія лѣтописи, въ изъясненіе такого моральнаго феномена, говорятъ слѣдующее:

Придворной карла былъ человекъ опмѣнно умной. Видя, что свое нравная Напура произвела его на свѣтъ маленькимъ уродцомъ, и что наружность его очень неприманчива, рѣшился онъ замѣнить тѣлесныя недоспапки душевными красотами — спалъ учись съ величайшею прилѣжностію, читалъ древнихъ и новыхъ Авторовъ, и, подобно Аѳинскому Рипору Демосѳену, ходилъ на берегъ моря декламировать волнамъ громкія рѣчи, имъ сочиняемыя. Такимъ образомъ скоро пріобрѣлъ онъ сіе великое, сіе драгоцѣнное искусство, копо-

рое покоряетъ сердца людей, и самаго нечувствительнаго челоѣка заспаляетъ плакать и смѣяться — по дарованіе и по искусство, копорымъ Тракійской Орфей плѣнялъ и звѣрей и птицъ, и лѣса и камни, и рѣки и вѣтры — *краснорѣчіе!* Сверхъ того онъ имѣлъ пріятной голосъ, игралъ хорошо на арфѣ и гитарѣ, пѣлъ проташельныя пѣсни своего сочиненія, и могъ прекраснымъ образомъ оживлять полошно и бумагу, изображая на нихъ или Героевъ древности, или совершенство красоты женской, или кристальные ручейки, осѣняемые высокими ивами, и призывающіе къ сладкой дремотѣ упомленнаго пастуха съ паспущкою. Скоро слухъ о достоинствахъ и талантахъ чуднаго карлы разнесся по всему городу и всему государству. Всѣ искали его знакомства: и старые и молодые, и мужчины и женщины — однимъ словомъ, умной карла во-
VI.

шелъ въ превеликую моду. Важная услуга, оказанная имъ опечеспву.... Но о семъ будещъ говорено въ другомъ мѣстѣ.

Когда *прекрасной Царевнѣ* было еще не болѣе десяти или двенадцати лѣтъ опѣ роду, умной карла ходилъ къ ней въ перемѣ сказывающъ сказки о благодѣтельныхъ Феяхъ и злыхъ волшебникахъ — подвѣ именами первыхъ описывалъ онѣ святыя добродѣтели, копорыя дѣлающъ человека щаспливымъ; подвѣ именами послѣднихъ гибельные пороки, копорыя ядовитымъ дыханіемъ своимъ превращающъ цвѣтущую долину жизни въ юдоль мрака и смерти. Царевна часто проливала слезы, слушая горестныя похождения любезныхъ Принцовъ и Принцессъ; но радость сіяла на прекрасномъ лицѣ ея, когда они, преодолевъ наконецъ многочисленныя искушенія рока, въ обѣщаніяхъ любви наслаждались всею полно-

пою земнаго блаженства. Любя повѣспи краснорѣчиваго карлы, непримѣпно полюбила она и повѣспвовашеля, и проницапельные глаза ея опкрыли въ немъ самомъ тѣ прогашельныя черпы милой чувспвипельноспи, копорыя украшали романическихъ его Героевъ. Сердце ея сдѣлало, такъ сказаць, нѣжную привычку къ его сердцу, у котораго научилось оно чувспвовать. Самая наружность карлы спала ей пріятна, ибо сія наружность была въ глазахъ ея образомъ прекрасной души; и скоро показалось Царевнѣ, что тотъ не можетъ быть красавцемъ, кто роспомъ выше двадцати пяти вершковъ, и у кого нѣтъ наперед и назади горба. — Что принадлежитъ до нашего Героя, то онъ, не имѣя слѣпаго самолюбія, никакъ не думалъ, чтобы Царевна могла имъ плѣниться, а потому и самъ былъ почти равнодушенъ къ ея прелестямъ: ибо любовь

не раждається безъ надежды. Но когда въ минушу живѣйшей симпатіи прекрасная сказала ему: *я люблю тебя!* когда вдругъ открылось ему поле такого блаженства, о которомъ онъ прежде и мечтать не осмѣливался: тогда въ душѣ его мгновенно вспыхнули глубоко-зажигавшіяся искры. Въ восторгѣ бросился онъ на колѣни передъ Царевною, и воскликнулъ въ сладостномъ упоеніи сердца: *ты моя!* Правда, что онъ скоро образумился; вспомнилъ высокой родъ ея, вспомнилъ себя, и закрылъ руками лице свое — но Царевна поцѣловала его и сказала: *я твоя, или нѣтъ!* — Дѣвическая робость не позволяла ей открыться родителямъ въ своей помощи.

„Сія любовь прекрасной Царевны хоща и къ умному, но безобразному карлѣ (говоритъ одинъ изъ насмѣшниковъ тогдашняго времени) приводитъ на мысль того Царя древности, копорой смертельно влю-

бился въ лягушечьи глаза, и созвавъ мудрецовъ своего государства, спросилъ у нихъ: что всего любезнѣе? *Цвѣтушая юность*, отвѣчалъ одинъ по долгомъ размышленіи — *красота*, отвѣчалъ другой — *науки*, отвѣчалъ прешій — *Царская милость*, отвѣчалъ четвертой съ низкимъ поклономъ, и такъ далѣе. Царь вздохнулъ, залился слезами, и сказалъ: *Мѣтѣ, нѣтѣ! всего любезнѣе — лягушечьи глаза!*“

Теперь обратимся къ нашей повѣсти. Мы сказали, что *Царь доброй теловѣкъ* хлопнулъ дверью и ушелъ изъ Царевнина перема, но не сказали, куда? И такъ да будетъ извѣстно чипапелямъ, что онъ ушелъ въ свою горницу, заперся тамъ одинъ, думалъ, думалъ, и наконецъ призывалъ къ себѣ карлу — по помѣ прекрасную *Царевну* — говорилъ съ ними долго, и съ жаромъ; но какъ, и что, о помѣ молчимъ *Исторія*.

На другой день было опубликовано во всемъ городѣ, что *Царь доброй теловѣкѣ* желаетъ говорить съ народомъ — и народъ со всѣхъ сторонъ окружилъ дворецъ, такъ, что не гдѣ было पासъ яблоку. Царь вышелъ на балконъ, и когда восклицанія: *да здравствуетъ нашъ доброй Государь!* умолкли, спросилъ у своихъ подданныхъ: *друзья! любите ли вы Царевну?* Тысячи голосовъ отвѣчали: *мы обожаемъ прекрасную!*

Царь. Желаете ли, чтобы она избрала себѣ супруга?

Тысячи голосовъ. Ахъ! желаемъ сердечно! Онъ долженъ быть своимъ наследникомъ, *Царь доброй теловѣкѣ!* Мы спанемъ любить его, какъ себя и дочь свою любимъ!

Царь. Но довольны ли будете вы ея выборомъ?

Тысячи голосовъ. Кто милъ Царевнѣ, тотъ милъ и своимъ поданнымъ!

Въ сію минушу поднялся на балконъ занавѣсь — явилась *прекрасная Царевна* въ снѣгоцвѣтной одеждѣ, съ распущенными волосами, которые какъ бѣлой лентой развѣвались на плечахъ ея — взглянула какъ солнце на толпы народныя, и миллионы дикихъ людей покорились бы сему взору. Карла споялъ подлѣ нее; спокойно и величаво смотрѣлъ на волнующійся народъ, нѣжно и спраспно на Царевну. Тысячи восклицали: *да здравствуетъ прекрасная!*

Царь, указывая на карлу, сказалъ: „вопѣ онѣ — помѣ, кого Царевна вѣчно любишь клянется, и съ кѣмъ хочешь она соединиться на вѣки!“

Всѣ изумились — по помѣ начали жужжать какъ шмели, и говорили другъ другу: *Можно ли, можно ли... То ли намъ слышалось? Какъ этому быть? она прекрасна; она Цар-*

ская дочь — а онъ карла, горбатъ, не Царской сынъ!

Я люблю его, сказала Царевна — и послѣ сихъ словъ карла показался народу почти красавцемъ.

„Вы удивляесть (продолжалъ *Царь доброй теловѣкъ*) — но такъ Судьбѣ угодно. Я долго думалъ, и наконецъ даю мое благословеніе. Впрочемъ вамъ извѣстно, что онъ имѣетъ достоинства; не забыли вы, можетъ быть, и важной услуги, оказанной имъ опеческву. Когда варвары, подъ начальствомъ гигантскаго Царя своего, какъ грозная буря приблизились къ нашему государству; когда серпъ выпалъ изъ рукъ испуганнаго поселенина, и блѣдный пастухъ въ ужасѣ бѣжалъ отъ спада своего: тогда юный карла, одинъ и безоруженъ, съ масличною вѣтвію явился въ спанѣ непріятельскомъ, и запѣлъ сладостную пѣснь мира—умиленіе изобразилось на лицахъ варварскихъ—

Царь ихъ бросилъ мечъ изъ руки своей, обнялъ Пѣснопѣвца, взялъ въпхвъ его и сказалъ: *мы друзья!* По помѣ сей грозной Гигантъ былъ мирнымъ госпемъ моимъ—и пы- сячи его удалились опѣ спраны на- шей. Чѣмъ наградишь тебя? спро- силъ я тогда у юнаго карлы. *Твоею милостію*, опвѣчалъ онъ съ улыб- кою. Теперь“ - - -

Тупѣ весь народъ въ одинъ го- лосъ воскликнулъ: *да будетъ онъ супругомъ прекрасной Царевны! да царствуетъ надъ нами!*

Торжественная музыка загремѣ- ла—загремѣли хоры и гимны— *Царь доброй теловѣкъ* сложилъ ру- ки любовниковъ—и бракосочепаніе совершилось со всѣми пышными об- рядами.

Карла жилъ долго и щасливо съ прекрасною своею супругою. Когда *Царь доброй теловѣкъ*, послѣ дѣя- тельной жизни, скончался блажен- ною смертію, то еспъ заснулъ,

какъ упомянутый спранникъ при
шумѣ ручейка на зеленомъ лугу
засыпаеши: тогда зяпъ его въ вѣн-
цѣ сафиро-рубинномъ и съ злпнымъ
скиппромъ возсѣлъ на високомъ
тронѣ и обѣщаль народу царство-
вать съ правдою. Онъ исполнилъ
обѣтъ свой, и безпристрастная
Исторія назвала его однимъ изъ
лучшихъ владыкъ земныхъ. Дѣти
его были прекрасны подобно мапе-
ри, и разумны подобно родителю.

Ю Л І Я.

Женщины жалуются на мужчинъ, мужчины на женщинъ: кто правъ? кто виноватъ? — Кому рѣшить тяжбу? — Если мнѣ, то я, ничего не слушая и не разбирая, оправдаю. . . любезнѣйшихъ — слѣдственно женщинъ?.. Безъ сомнѣнія. Но мужчины будутъ недовольны моимъ рѣшеніемъ; докажутъ мое приспращіе; объявятъ, что я подкупленъ. . . милымъ взоромъ какой нибудь Лидіи, пріятною улыбкою какой нибудь Арефы; перенесутъ дѣло въ вышній судъ, и приговоръ мой останется — увы! — безъ всякаго дѣйствія.

Вотъ маленькое предисловіе къ слѣдующей повѣсти.

Юлія была украшеніемъ нашей

сполицы ; являлась — и мушцины толькo на нее смoтpѣли , толькo ею занимались , толькo ее слушали. А женщины? . . . женщины шихонько гoвoрили между собою , и сѣ лyкaвoю усмѣшкoю взглядывали на Юлію , спараясь замѣшпипь вѣ ней какой нибудь недоспапокѣ , копо-рой хoпa нѣсколькo мoгѣ бы успо-койпш ихѣ самолюбіе. Тщешное спараніе! Юлія сіяла какѣ солнце : зависпш искала вѣ немѣ черныхѣ пашпенѣ , не находила , и сѣ болію вѣ глазахѣ , сѣ опчаяніемѣ вѣ сер-дцѣ , должна была . . . иппи прочь!

Нужно ли сказывашпш , чпo всѣ молодые люди обожали Юлію , и по-чипали за славу обожашпш ее? Одинѣ вздыхалѣ , другой плакалѣ , прешій игралѣ рoлю помнаго меланхолика ; и обо всякомѣ , кпo задумывался , говорили : „онѣ влюбленѣ вѣ Юлію!“

Чпo же Юлія? Любила болѣе все-го — самое себя ; сѣ гордою улыб-кoю смoтpѣла на право , на лѣво , и

думала: „кто мнѣ подобенъ? кто меня достоинъ?“ *Думала*, прощу замѣтить; а не *показывала*. Удивляясь красотѣ и разуму ея, всякой удивлялся между прочимъ и скромности ея взоровъ: искусство, однимъ милымъ женщинамъ свойственное!

Но мало по малу, приближаясь къ концу вѣковаго десятилѣтія жизни своей, Юлія стала чувствовать, что еиміамъ суественности есть — дымъ; хотя весьма пріятной, но все дымъ, копорой худо питаешь душу. Какъ ни обожай себя; какъ ни любуйся своими достоинствами — не довольно! Надобно любить что нибудь кромѣ магической буквы Я — и Юлія начала съ большимъ вниманіемъ разсматривать многочисленную толпу своихъ искапелей. Иногда взоръ ея отдавалъ преимущество молодому Легкоуму, копорой въ разсужденіи красоты могъ бы поспорить съ самимъ Купидо-

номъ, и не занимался ничѣмъ, кромѣ Юліи и — зеркала; иногда спашному Храбруну, лаврами увѣнчанному воину, которому не доспавало только Греческаго плащя, чпобъ бытъ совершеннымъ Марсомъ; иногда забавному Пустослову, которой, не смотря на важность судейскаго званія своего, вертѣлся на одной ногѣ какъ Весприсъ, сочинялъ всякой день по десяти Французскихъ каланбуровъ, и зналъ наизусть *лексиконъ анекдотовъ*. Все не на долго — черезъ минулу Легкоумъ казался ей безразсуднымъ, самолюбивымъ мальчишкою, Храбронъ — виднымъ драгуномъ, и болѣе ничего — забавной Пустословъ скучною обезьяною. Наконецъ глаза ея оспановились на любезномъ Арисѣ, которой въ самомъ дѣлѣ былъ любезенъ; вѣсы склонились на его сторону, и сердце съ разумомъ на сей разъ согласились.

Кто былъ Арисъ? — Молодой че-

ловѣкъ, воспитанный въ чужихъ
 краяхъ подѣ смотрѣніемъ не наем-
 наго Гофмейстера, но благоразум-
 наго и нѣжнаго отца своего. Полез-
 ныя и пріятныя знанія украшали
 его душу, добродѣтельные правила
 сердце. Не будучи красавцемъ, онъ
 нравился своею миловидностію и
 крошечными, любезными взорами, оду-
 шевленными огнемъ внутренняго
 чувства. Онъ краснѣлся, какъ невин-
 ная дѣвушка, отъ всякаго нескром-
 наго слова, сказаннаго въ его при-
 сутствіи; говорилъ не много, но
 всегда основательно и пріятно; не
 старался блистать ни умомъ, ни зна-
 ніями, и слушалъ каждого—по край-
 ней мѣрѣ съ терпѣніемъ. Чувству-
 ютъ ли въ свѣтѣ цѣну такихъ лю-
 дей? Рѣдко. Тамъ сусальное золото
 предпочищается иногда истинному;
 скромность, подруга достоинства,
 оспаривается въ пѣни своей, а дерзость
 заслуживаетъ вѣнокъ и рукоплеска-
 ніе.

Арисъ любилъ Юлію—какъ не любить того, что прекрасно и любезно?—но безчисленное множество ея обожателей успрашало его. Онъ смотрѣлъ на нее издали, не вздыхалъ, не клалъ руки на сердце съ помнымъ видомъ; однимъ словомъ, не думалъ представлять картиннаго любовника; но Юлія знала, что онъ любилъ ее спрасно. Дивись, есѣли угодно, проницанію красавицъ! Скорѣе не примѣтилъ онъ солнца на ясномъ небѣ въ полдень, нежели дѣйствія своихъ прелестей въ глазахъ нѣжнаго мущины, какъ бы ни хотѣлъ онъ скрывать чувства свои. Юлія опличила Ариса опъ другихъ искапелей, ободрила его заспѣнчивостъ пріятнымъ взглядомъ, пріятною улыбкою; начала съ нимъ говорить, ласкать его, показывать уваженіе къ его достоинствамъ, вниманіе къ его словамъ, желаніе видѣть его чаще. „Завпра вы будете въ кон-

„церпѣ , въ саду ; завтра вы будете кѣ намѣ обѣдать , ужинашь ; „вчера было у насъ скушно: вы не хопѣли кѣ намѣ прѣхать!“ — Арисѣ не былѣ изѣ числа пѣхѣ людей , копорые малѣйшую ласку со стороны женщинѣ принимающѣ за доказательство любви , и почипашѣ себя щаспливыми Адонисами тогда , когда обѣ нихѣ и не думашѣ; однакожь , не смопря на скромность свою , онѣ позволилѣ себѣ надѣяться ; а надежда для спраспиесть по же , что пихой Апрѣльской дождѣ для молодой зелени , что вѣперѣ для искры. Онѣ гоповѣ былѣ бросишѣся на колѣни и скапашѣ Юліи: „будь моя на вѣки!“ .. чего Юлія ожидала , чего она хопѣла , и конечно не для того , чпобы опвѣчашѣ: *иѣтъ!* какѣ вдругѣ на горизонтѣ большаго свѣта явился новой феноменѣ , копорой обрапилѣ на себя общее вниманіе : молодой Князь N* , любимецѣ Природы и

щаспія, которыя осыпали его всѣми блестящими дарами своими; знапной, богапной, прекрасной собою. Во всѣхъ обществахъ говорили о молодомъ Князѣ; всѣ хвалили его, а болѣе всѣхъ женщины, особливо шѣ, на копорыхъ онѣ взглядывалѣ ласковѣе, нежели на другихъ—копорымъ онѣ сказалѣ пяпъ или шеспъ пріятныхъ словъ. Не могли надивипся уму его—даже и погда, когда онѣ говорилѣ о погодѣ. Не мудрено—разгоряченное воображеніе еспѣ микроскопъ, копорой все увеличиваетѣ въ пысячу, въ милліонѣ разѣ—и люди съ такимъ же упрямспвомъ могутѣ искапѣ оспроумія памѣ, гдѣ нѣпѣ его, съ какимъ иногда не хопяпѣ чувспвовапѣ, гдѣ оно еспѣ.

Между шѣмѣ носилса по городу слухѣ, чпо Князь нечувспвишеленѣ кѣ женскимѣ прелеспямѣ; чпо Амуровы спрѣлы не берутѣ его сердца; чпо оно, посредспвомѣ тайной

эластической силы, сжимается и
 оспаётся невреждимо; что бѣдно
 Венеринъ сынъ, желая ранишь его,
 опустошилъ колчанъ свой, и все по
 напрасну. Какой вызовъ для само-
 любія женщинъ! Какая слава для
 побѣдительницы! И всякой изъ нихъ
 казалось, что Купидонъ, огорчен-
 ный, расплаканный, подходишь къ
 ней, берешь ее за руку, и съ умиль-
 нымъ взоромъ говоришь: „опмси,
 опмси за меня, или я умру съ го-
 ря!“ Умереть Купидону! Боже мой!
 какой ужасъ! За чѣмъ будешь житьъ
 въ свѣтѣ безъ прелестнаго малюш-
 ки? Надобно за него вступишься;
 надобно помочь ему, надобно оп-
 мситься, и — чего бы то ни стои-
 ло — пронуть, побѣдить, плѣнить
 новаго Алькида — и всѣ мастера
 золотыхъ дѣлъ въ нашей столицѣ
 занялись одною работою: кованіемъ
 цѣпей, по заказу красавицъ (*).

(*) Вотъ отъ чего вошли въ моду зо-
 лотыя цѣпи, которыя, за нѣсколько

Спрашись, вѣпреной Князь! Но Князь улыбался, расхаживалъ какъ гордой лебедь, и—въ одномъ публичномъ собраніи—вспрѣпился съ Юліею. За нимъ всѣ красавицы, за нею всѣ молодые люди—какая вспрѣча! Они посмопрѣли другъ на друга: какой взоръ! Юлія запмѣвала женщинъ, Князь N* мужчинъ. „Онъ долженъ любить ее!“ думали первыя. „Она должна любить его!“ думали послѣдніе. Тѣ и другія пошупили глаза въ землю, проспились съ надеждою, и разошлись въ разныя спороны.—Одинъ Арисъ оспался подлѣ Юліи. Онъ началъ говоришь: ему опвѣчали сухо, коропко—казалось, что она была въ разсѣянніи.

На другой день Арисъ пріѣхалъ къ Юліи; но головная боль не поз-

времени передъ симъ, гремѣли и сіяли на всѣхъ нашихъ молодыхъ женщинахъ.

волила ей выпити изъ своей комнаты. На прешій онъ увидѣлъ ее на балѣ: Князь сидѣлъ подлѣ нее — Князь танцовалъ съ нею — Князь занималъ ее пріятнымъ своимъ разговоромъ. Арису поклонились учтиво — *уттиво* — болѣе ничего. Спросили, здоровъ ли онъ? и не дожидались отвѣта. Арисъ подошелъ съ другой стороны: его не примѣтили — и какъ примѣтитъ? онъ подошелъ не оппуда, гдѣ сидѣлъ Князь. — Бѣдной Арисъ! догадайся. Ты могъ быть щасливъ; но минута прошла! Чпо дѣлать? Удалишься. — Онъ то и сдѣлалъ; не нужно сказывать, съ какимъ чувствомъ. — — Оспавимъ его. — Пусть онъ поплачетъ въ уединеніи, и, еспли можно, забудетъ милую въпреницу.

Между тѣмъ Юлія восхищалась Княземъ. Молча, онъ казался ей Антиномемъ (*); когда говорилъ, Ци-

(*) Славной красавецъ, которому Императоръ Адріанъ посвятилъ храмъ.

церономъ ; когда говорилъ: *Юлія ; я обожаю тебя!* полубогомъ. Онъ не обманывалъ, и въ самомъ дѣлѣ плѣнился ея красою, такъ, что не хопѣлъ бытъ ни въ одномъ концертѣ, гдѣ не пѣла Юлія ; ни на одномъ балѣ, гдѣ не танцовала Юлія ; ни на одномъ гульбищѣ, гдѣ не гуляла Юлія. Онъ любилъ прежде играть въ карпы: для Юліи оставилъ ихъ. Любилъ часа по три въ день проводить съ Англійскими лошадьми своими : для Юліи забылъ ихъ. Любилъ спать до двухъ часовъ за полдень: для Юліи перемѣнилъ образъ жизни, и рѣдко не просыпался въ полдень, чтобы на крыльяхъ Зефира—или, по крайней мѣрѣ, въ великолѣпной Англійской каретѣ—лѣпѣть къ Юліи.—Такая любовь не шутка. Вы скажете, что въ рыцарскія времена любили иначе—государи мои! всякой вѣкъ имѣетъ свои обычаи: мы живемъ въ осьмомъ-надесять! Красавицы наши снисхо-

дипельны и жалоспливы; ни копорая изъ нихъ, сидя въ ложѣ, не бросивъ перчапки на гриву разъяреннаго льва, и не пошлеть за нею своего рыцаря (*), для того чю рыцарь — не поидеть за нею!

Юлія думала, чю Князь не могъ житъ безъ нее; только ей казалось чудно, чю онъ, говоря безпреспанно о сердцѣ, никогда не упоминалъ о рукѣ. Многія изъ пріятельницъ пихонько поздравляли ее съ такимъ завиднымъ женихомъ; но женихъ молчалъ. — Наконецъ она дала ему почувспвовапъ свое удивленіе: нѣжной Князь оскорбился. „Юлія сом-

(*) Это случилось во Франціи, при Королѣ Францискѣ I, въ то время, какъ звѣриныя сраженія были любимой забавой Двора. Одна молодая Дама, сидя въ амфитеатрѣ, нарочно уронила перчапку свою на то мѣсто, гдѣ сражались львы, и сказала рыцарю Делоржу: *подними ее — или ты меня не любишь!*

нѣвается въ силѣ прелестей своихъ!“ сказалъ онъ съ жаромъ: „Юлія хочешь промѣнить огненнаго Амура на холоднаго Гименея! милую улыбку перваго на вѣчную угрюмость послѣдняго! гирланду розовую на цѣпь желѣзную! О Юлія! любовь не терпитъ принужденія; одно слово, и все блаженство исчезнетъ! Могъ ли бы Пепрарка въ узахъ брака любить свою Лауру такъ пламенно? Ахъ нѣтъ! воображеніе его не произвело бы ни одного изъ пѣхъ нѣжныхъ Сонетовъ, которыми я восхищаюсь. Такъ любить должно, и такой любви достойна Юлія!“ — Между тѣмъ Юлія поблѣднѣла. Князь увидѣлъ, что его философія ей не нравится; надобно было перемѣнить языкъ, чтобы успокоить красавицу. — „По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, продлимъ, сколько можно, время любви нашей: оно уже никогда, никогда не возвратится, прелестная Юлія!“ — Тутъ онъ вздохнулъ. Юлія не

могла съ нимъ согласиться; она требовала вѣрнаго слова. Князь далъ его — и въ награжденіе за похотѣлъ, чшобы она позволила ему нѣкоторыя вольности въ обхожденіи. Всякой день присвоивалъ онъ себѣ новое право. . . два жаркія сердца бились такъ сильно, такъ близко другъ ко другу. . . Но скромность есть нужная добродѣтель и для самаго сказочника. Къ тому же — не знаю, опъ чего — собственное сердце мое бьется такъ сильно, когда я воображаю себѣ подобныя сцены. . . Можетъ быть какія нибудь темныя воспоминанія. . . Оставимъ —

Оставимъ всѣ подробности, и скажемъ просю, что бывали минуты, въ которыя одна богиня невинности могла спасти Юліину невинность. Она почувствовала опасность, и Князь принужденъ былъ назначить день для торжественной помолвки. Въ ожиданіи сего дня онъ истощилъ всѣ возможные хитро-

сти, чшобы побѣдитъ ея швердосшь — но шщепно! Въ самое шо време, когда ей, по всѣмъ человѣческимъ вѣрояшносшямъ, надлежало забышься, она спрогимъ взоромъ опсылала его опѣ себя — по крайней мѣрѣ шага на два, шакъ чшо онѣ лишился всей надежды бышь щасливо-дерзкимъ безѣ имени супруга.

Однажды поушру, когда Юлія опкрыла глаза, и съ первою мыслію предспавила себѣ любезнаго своего Князя, вручили ей письмецо слѣдующаго содержанія:

„Вы любезны; но чшо любезнѣе вольноспи? Мнѣ гореспно разспашься съ вами; но мысль о вѣчной обязанности еше гореспнѣе. Сердце не знаетъ законовъ, и пересстаепѣ любить, когда захочепѣ: чшожь будетѣ супружесшво? несносное бремя. Вы не хопѣли любить по моему, любить шолько для удовольствія любви, — любить, пока лю-

„бишь : и такъ—простите! Назы-
 „вайше меня вѣроломнымъ, есѣли
 „угодно; но давно говорящѣ вѣ свѣ-
 „тѣ, чѣо клятва любовниковъ пи-
 „шется на песокѣ, и чѣо самой лег-
 „кой вѣперокъ завѣваетъ ее. Впро-
 „чемъ, съ такими милыми свой-
 „ствами, съ такими прелестями,
 „вамъ не трудно найти достойна-
 „го супруга, . . . можетъ быть вѣр-
 „наго, постояннаго! Родятся Фе-
 „никсы—но я, вѣ семъ смыслѣ, не
 „Фениксъ; и по тому оставляю
 „васъ вѣ покоѣ. Меня уже нѣтъ вѣ
 „Москвѣ. Простите!—Князь N*.“

Юлія запрепешала, и, слѣдуя
 обыкновенію новыхъ Дидонъ, упала
 вѣ обморокъ. Черезъ нѣсколько ми-
 нутъ опомнилась, для того, чѣобы
 опять забыться. Наконецъ, собравъ
 силы свои, она нашла для себя нѣ-
 которое облегченіе вѣ томъ, чѣобы
 проклинаць муштинъ. Они всѣ изъ-
 „верги, злодѣи, вѣроломные; пи-
 „грица воспитала ихъ молокомъ

„своимъ; подъ языкомъ носяпъ они
 „змѣиной ядъ, а въ сердцѣ ихъ ши-
 „пишъ ехидна. Слезы ихъ слезы
 „крокодиловы; повѣрь имъ, и ги-
 „бель неизбежна!“—Таковыми нѣж-
 ными красками писала портретъ
 нашъ опчаянная Юлія. Извинитель-
 но; но справедливо ли? Въ одну ли
 форму оплипы сердца мужчинъ?
 Могутъ ли всѣ отвѣчать за одно-
 го? . . Но человекъ въ спроси естъ
 худой Логикъ: *одинъ* кажется ему
всѣмъ, и *всѣ* *однимъ*.

Не позже какъ на другой день
 узнали въ городѣ о разрывѣ нашихъ
 любовниковъ. „Князь N* оставилъ
 Юлію!“ говорили мужчины, пожи-
 мая плечами. „Князь N* оставилъ
 Юлію,“ говорили женщины съ ко-
 варною улыбкою—и всякая изъ
 нихъ думала: „меня бы онъ не оста-
 вилъ!“—Какъ показаться въ свѣ-
 тѣ? Юлія возненавидѣла его, и нѣ-
 сколько времени не выходила изъ
 своего кабинета.

Недѣли черезъ двѣ послѣ сей исторіи пріѣхалъ къ ней Арисъ. Она подумала. . . и велѣла его пустишь.—Бѣдной Арисъ! онъ долженъ былъ спрадась вмѣстѣ со всѣми мущинами опѣспрѣлъ Юлія на краснорѣчія, и слушаешь, съ видомъ кающагося пресупника, когда бранили непоспоянство и вѣроломныхъ! Другой на его мѣстѣ взглянулъ бы на Юлію такими глазами, что она конечно бы покраснѣлась и замолчала; но доброй Арисъ любилъ, не могъ преодолѣть спраси своей, и пріѣхалъ не для того, чтобы мспишь огорченной красавицѣ.

Юлія довольна была его посѣщеніемъ; желала видѣть его въ другой, въ шрепій разъ—и черезъ нѣсколько времени сердце ея переспало кипѣть гнѣвомъ на мущинъ. Арисова нѣжность, кропосъ, сердечныя достоинства, копорыхъ въ свѣтскомъ шумѣ не могла она пакъ

сильно и живо чувствовашь, про-
 нули ея душу въ искреннихъ разго-
 ворахъ тихаго кабинета. „Для че-
 го, сказала Юлія сквозь слезы, для
 чего другіе муцины не подобны
 вамъ! Тогда нѣжнѣйшая склонность
 нашего сердца не была бы для насъ
 источникомъ поски и горести.“...
 Арисъ воспользовался сею минутою,
 и Юлія не могла отказать опъ
 руки его, съ тѣмъ условіемъ, что-
 бы оставилъ навсегда *коварной свѣтъ*
 — какъ она говорила, спараясь за-
 гладить въ мысляхъ своихъ послѣд-
 нія черпы легкомысленнаго Князя
 Н* — „коварной свѣтъ, недоспой-
 ный бытъ свидѣтелемъ нашего
 „благополучія, любезной Арисъ!
 „Презримъ суешность его — онъ
 „мнѣ несносенъ — и удалимся въ
 „деревню!“ — „Всѣ дни мои, опвѣ-
 чалъ онъ съ радостными слезами,
 будупъ посвящены пвоему удоволь-
 ствію, несравненная Юлія! Я радъ
 жить съ тобою на краю міра; ни-

когда, никогда не оскорблю тебя
ни взоромъ, ни упрекомъ, ни жало-
бою.— Воля твоя—мой законъ!
Ты дѣлаешь меня щасливымъ:
угадываешь твои желанія, испол-
няешь ихъ; зависѣшь отъ тебя со-
вершенно, есть священной долгъ
моей благодарности!“— Арисъ не
обманешь Юліи; а Юлія—увидимъ!

Первые шесть или семь недѣль
пропекли для нихъ въ деревнѣ какъ
шесть или семь веселыхъ дней.
Добродѣтельный супругъ восхищал-
ся прелестною супругою всякой
часъ, всякую минуточку. Юлія была
чувствительна къ его нѣжности—
и сердца ихъ сливались въ тихихъ
воспорахъ. Казалось, что сама
Природа брала участіе въ ихъ ра-
достяхъ: она цвѣла тогда во всемъ
пространствѣ садовъ своихъ. Вездѣ
благоухали ясины и ландыши; ве-
здѣ пѣли соловьи и малиновки; ве-
здѣ курился еиміамъ любви, и все

пишало удовольспвіями любовь нашихъ супруговъ.

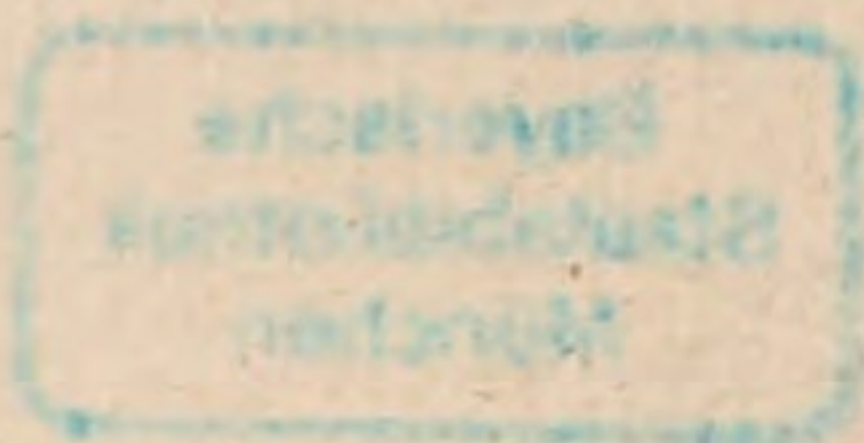
„Боже мой! (говорила Юлія) какъ могутъ люди жить въ городѣ! Какъ могутъ они выѣзжать изъ деревни! Тамъ шумъ и безпокойство; здѣсь чистое невинное удовольспвіе. Тамъ вѣчное принужденіе; здѣсь покой и свобода. Ахъ другъ мой! . . . (съ умильнымъ взоромъ брала она Арисову руку, и прижимала ее къ своей груди) . . . ахъ другъ мой! только въ одной сельской тишинѣ, въ однихъ объятіяхъ Напурѣ, чувствительная душа можетъ насладиться всею полною любовью и нѣжностью!“

Въ концѣ лѣта Юлія все еще хвалила сельскую жизнь, хотя и не съ такимъ уже краснорѣчіемъ, не съ такимъ жаромъ. Но—за краснымъ лѣтомъ слѣдуетъ мрачная осень. Цвѣты и въ полѣ и въ саду увяли; зелень поблекла; листья слѣбли съ деревьевъ; пички. . . . Богъ знаетъ, куда дѣвались—и все

спало такъ печально, такъ уныло, что Юлія поперяла всю охоту хвалить деревенское уединеніе. Арісб примѣшилъ, что она, смотря въ окно, часто закрывала бѣлымъ платкомъ алой свой ропикъ, и что бѣлой платокъ, какъ будто бы опѣвѣнія зефира, поднимался на немъ и опускался — то естъ, сказавъ проспо, Юлія зѣвала! Арісб вздохнулъ — взялъ томъ Новой Элоизы, развернулъ и прочиталъ нѣсколько страницъ. . . . о блаженствѣ взаимной любви. Юлія переспала зѣвавъ, слушала, и наконецъ сказала: „Прекрасно! только знаешь ли, мой другъ? Мнѣ кажется, что Руссо писалъ болѣе по воображенію, нежели по сердцу. Хорошо, естъли бы такъ было; но такъ ли бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Удовольствіе щасливой любви естъ конечно первое въ жизни; но можетъ ли оно быть всегда равно живо, всегда наполняя душу? можетъ ли замѣнить всѣ

другія удовольствія? можепѣ ли населипѣ для насѣ пустыню? Ахѣ! сердце челоѣческое ненасыпимо; оно хочепѣ безпрестанно чего нибудѣ новаго, новыхѣ идей, новыхѣ впечатлѣній, копорыя, подобно упренней росѣ, освѣжаюпѣ внупренія чувспва его, и даюпѣ имѣ новую силу. На примѣрѣ, я думаю, чпю самая пылкая любовь можепѣ проспыпѣ вѣ совершенномѣ уединеніи; она имѣетѣ нужду вѣ сравненіяхѣ, чпобы пѣмѣ болѣе чувспвовапѣ цѣну предмета своего.“ —Арисѣ вздохнулѣ и сказалѣ: „я не такѣ думалѣ; но. . . . мы завпраѣдемѣ вѣ городѣ!“

Юлія снова явилась вѣ свѣтѣ, и сѣ новымѣ блескомѣ красоты своей, сѣ богатспвомѣ, сѣ пышностію: довольно—свѣтѣ принялѣ ее сѣ рукоплесканіемѣ, и розы со всѣхѣ споронѣ посыпались на Юлію. Веселье за весельемѣ, удовольспвіе за удовольспвіемѣ—такѣ какѣ и прежде

—сѣ пою розницею, что заму-
жняя женщина имѣетъ еще болѣе
удобности наслаждаться всѣми прі-
ятностями свѣтской жизни.

Героиня наша хотѣла жить оп-
крытымъ домомъ, и по крайней мѣ-
рѣ чепыре раза въ недѣлю ужина-
ло у нее 30 или 40 человекъ. Арисъ
молчалъ; дѣлалъ все, что ей угодно
было. Юлія чувствовала сію нѣж-
ность, и, оставаясь съ нимъ нае-
динѣ, награждала его за то восхи-
пительными своими ласками. „Не
правда ли, другъ мой—говорила она
съ прелестною улыбкою—что го-
родскія забавы и разнообразіе
предметовъ еще болѣе оживля-
ютъ любовь нашу? Сердце мое,
упомленное свѣтскимъ шумомъ,
наслаждается покоемъ въ твоихъ
объятіяхъ.“—Арисъ вздыхалъ, —
такъ тихо, что Юлія не слыхала
того.

Но однажды ввечеру Арисъ из-
мѣнился въ лицѣ:—между гостями,

пріѣхавшими кѣ Юліи, увидѣлъ онѣ Князя Н*. Сердце его запрепешало; однакожь, черезѣ нѣсколько минуѣ, сіе невольное движеніе укротилось. Разумѣ сказалѣ сердцу: *молчи!* и Арисѣ подошелѣ кѣ Князю сѣ учпивымѣ привѣтспвіемѣ. Только во весь попѣ вечерѣ боялся онѣ приспально смотрѣтѣ на Юлію, чѣобы не привести ее вѣ замѣшательспво; чѣобы она не перешолковала его взоровѣ вѣ худую спорону, и не нашла вѣ нихѣ какого нибудѣ подозрѣнія, безпокойспва, неудовольспвія.

Послѣ ужина, когда всѣ разѣѣхались, Юлія сѣла на софу, взяла Ариса за руку, и сказала ему сѣ улыбкою: „Ты видѣлъ, мой другѣ, сѣ какою холодною учпивостію обходилась я сѣ Княземѣ Н*. Не прінятѣ его, опказатѣ ему опѣ дому, было бы сѣ моей спороны неблаго-разумно. Пусть видитѣ эѣ попѣ легкомысленной Нарциссѣ, чѣо онѣ

мнѣ ничего; что прошедшее заблужденіе не оставило въ душѣ моей никакихъ слѣдовъ; что я не имѣю причины бояться сердца своего, и что онъ не можетъ привести меня въ краску.“—Арисъ, Арисъ поцѣловалъ ея руку, и опдалъ справедливостъ благоразумію супруги своей!

Черезъ два дни опять ужинъ, и Князь опять явился вмѣстѣ съ прочими гостями; былъ веселъ, забавенъ; говорилъ съ хозяйкою болѣе, нежели съ кѣмъ нибудь; о хозяинѣ не думалъ; взглядывалъ на него почти съ презрѣніемъ, и велъ себя какъ должно модному человѣку. — Коротко сказать, онъ не пропустилъ случая быть у Юліи. „Какъ весело въ ея домѣ!“ говорили мужчины и женщины. „Хозяйка любезна какъ Ангелъ,“ говорили первые. „Милой Князь N* разливаетъ вокругъ себя удовольствіе,“ говорили послѣднія.—Между тѣмъ начались

полки. Одни съ усмѣшкою смопрѣли на Ариса; другіе пожимали плечами. „Чему дивишься?“ шептали другъ другу на ухо: „старая дружба! Теперь же и менѣе опасности. Мужъ тихъ, скромнѣ — и все съ концомъ!“

Арисъ не перемѣнялся въ разсужденіи Юліи; но скоро увидѣлъ въ ней перемѣну. Иногда она задумывалась, блѣднѣла, хотѣла бытъ одна; черезъ часъ лице ея покрывалось нѣжнѣйшимъ румянцемъ: она бросалась въ объятія супруга своего, цѣловала его съ жаромъ, хотѣла что-то сказать, и не говорила ни слова. Скромной Арисъ также молчалъ; иногда слезы капились изъ глазъ его — но кто былъ ихъ свидѣтелемъ? тихое уединеніе; самая густая алея въ саду его, копорая, послѣ Юліи, сдѣлалась ему всего милѣе. Арису казалось, что холодныя тѣни ея съ чувствомъ при-

касались къ его сердцу, и согрѣвались его теплою.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, онъ пріѣхалъ домой, и спѣшилъ въ любимую свою алею; входивъ — и видивъ Князя Н*, сидящаго на деревномъ канавѣ подлѣ Юліи, копорая, опустивъ голову на плечо къ нему, смотрѣла въ землю. Онъ цѣловалъ ея руку и говорилъ: „Ты меня любишь, и я долженъ умереть въ твоихъ объятіяхъ! Юлія! забудь ли имѣешь предразсужденія? Слѣдуй влеченію своего сердца; слѣдуй“... Но Юлія услышала шорохъ, взглянула — и запрепешала. . . . Пусть всякой вообразишь себя на мѣстѣ бѣднаго Ариса! . . . Чпо дѣлаешь? Заколошь ихъ однимъ кинжаломъ; утолишь кровію жажду справедливаго мщенія; а по томъ. . . . умертвишь и самого себя? . . . Нѣтъ! Арисъ сражался съ собою — не долѣе минушы; она была ужасна — но онъ усмирилъ кипящее сердце,

и скрылся! — Человѣкъ, которой видѣлъ его выходящаго изъ алеи, сказывалъ мнѣ, что лице его было блѣдно какъ полопно; что ноги его примѣпно дрожали; что изъ сердца его, какъ будто бы насильно, вырывался какой-то глухой спонъ; что онъ, взглянувъ на небо и вздохнувъ нѣсколько разъ сряду, вдругъ пошелъ скорыми шагами.

Въ попѣ же вечеръ принесли къ Юліи слѣдующее письмо:

„Я не нарушилъ даннаго слова;
 „не оскорбилъ тебя ни жалобою, ни
 „укоризною; надѣялся на силу нѣж-
 „носпи и любви моей, обманулся и
 „долженъ перпѣть! — Послѣ того,
 „что я видѣлъ и слышалъ, . . . намъ
 „не лзя жить вмѣстѣ. Не хочу
 „обременять тебя моимъ присуп-
 „спіемъ. Права супружества не-
 „сносны, когда любовь не освящаетъ
 „ихъ. Юлія — проспи! . . . Вы сво-
 „бодны! Забудьте, что у васъ былъ
 „супругъ; долго — или никогда обѣ

„немѣ не услышите! Океанѣ раз-
 „дѣлишѣ насѣ. Не будетѣ у меня
 „ни опечесѣва, ни друзей; будетѣ
 „одно чувсѣво, для горесѣи и ме-
 „ланхоліи! — Вѣ приложенномѣ па-
 „кешѣ найдете бумагу, по которой
 „можете располагатѣ моимѣ имѣ-
 „ніемѣ; найдете еще поршрешѣ—
 „бывшей супруги моей. . . Нѣшѣ, я
 „возьму его сѣ собою; буду гово-
 „ришѣ сѣ нимѣ какѣ сѣ шѣнію умер-
 „шаго друга; какѣ сѣ единсѣвен-
 „нымѣ и послѣднимѣ милымѣ пред-
 „метомѣ умирающаго сердца!“

Надобно знашѣ, что Юлія, уви-
 дѣвшѣ Ариса вѣ алеѣ, нѣсколько ми-
 нутѣ сидѣла безмолвно; по шомѣ
 бросилась вѣ слѣдѣ за нимѣ, назва-
 ла его два раза именемѣ. . . голосѣ
 ея перервался, ноги подогнулись—
 она должна была оперешѣся на пле-
 чо Князю, и едва могла дойти до
 дому. Тамѣ, не видя Ариса, упала
 на софу, закрыла лице руками, и
 не говорила ни слова. Тщешно при-

спупалѣ кѣ ней услужливой Князь; щещно спарался успокоишь ее:— она молчала.

Дрожащею рукою схватила Юлія письмо Арисовс—прочишала его— и слезы вѣ при ручья покапились изѣ глазѣ ея. Князь хотѣлѣ взять письмо. . . . „Поспой!“ сказала она твердымѣ голосомѣ : „шы не можешь его чишашъ: оно писано добродѣпельнымѣ! . . . Туманѣ разсѣялся—и я презираю себя! . . . О женщины! вы жалуетесь на коварство мушинѣ: ваше легкомыслие, ваше непоспоянство служишѣ имѣ оправданіемѣ. Вы не чувспвуете цѣны нѣжнаго, добродѣпельнаго сердца; хошите нравишѣся всему свѣшу, гоняетесь за блестящими побѣдами, и бываете жершвою суешности своей (*).— Государь мой! вы видите меня вѣ

(*) „У мѣспали такая выходка?“ скажетѣ криликѣ: „можетѣ ли женщина вѣ такомѣ случаѣ проповѣды-

послѣдній разѣ. Обманывайте другихъ женщинѣ, смѣйтесь надъ слабыми; только прошу забыть, оставивъ меня навсегда. Я не обвиняю никого, кромѣ собственной безразсудности моей. Въ свѣтѣ не будетъ вамъ недоспашка въ удовольствіяхъ; но я — гнушаюсь вами и всѣми подобными вамъ. Клянусь самой себѣ, что опнынѣ дерзкой пороку не осмѣлился взглянуть мнѣ прямо въ глаза. Дивитесь скорой переменѣ; вѣрьте ей или не вѣрьте: для меня все одно.“ — Сказала, и какъ молнія исчезла.

Князь стоялъ подобно неподвижной статуѣ; наконецъ опомнился, засмѣялся — искренно или притворно, оставивъ безъ рѣшенія — сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ спектакль.

Юлія — узнавъ, что Арисъ уѣхалъ изъ Москвы, неизвѣстно ку-

„вашъ мораль?“ *Можетъ*, отвѣчаю ему: можетъ, можетъ! а доказательство... объявлю послѣ

да, и только съ однимъ камердинеромъ — сама немедленно оставила городъ и удалилась въ деревню. „Здѣсь пропекутъ дни мои въ безмолвномъ уединеніи,“ сказала она со вздохомъ: „сельской домикъ! я могла, но не умѣла быть щаслива въ пихихъ стѣнахъ пвоихъ; я вышла изъ себя съ доспойнѣйшимъ, нѣжнѣйшимъ супругомъ: возвращаюсь одна, бѣдною вдовою, но съ сердцемъ, любящимъ добродѣтель. Она будетъ моимъ утѣшеніемъ, моимъ поварищемъ, моею подругою; я буду разсмапривать, буду цѣловать образъ ея въ черпахъ незабвеннаго Ариса!“ — Въ сію минуту слезы ея капали на портретъ его, копорой она въ рукахъ держала.

Надобно опдатъ справедливостъ вамъ, любезныя женщины: когда вы на что нибудь рѣшитесь, не въ минушу легкомыслія, не словомъ, но душею, и съ глубокимъ

чувствомъ истины: твердость ваша бываешь тогда удивительна — и славнейшіе Герои поселяются, которыхъ до небесъ возноситъ Исторія, должны раздѣлить съ вами лавры свои.

Юлія — которая на поненькой волосокъ была опъ того, чобы сдѣлаться новою Аспазіею, новою Лайсою — Юлія сдѣлалась вдругъ Ангеломъ непорочности. Всѣ суешныя желанія замерли въ ея сердцѣ; она посвятила жизнь свою памяти любезнаго супруга; воображала его стоящаго передъ собою; изливала передъ нимъ свои чувства; говорила: „Ты меня оставилъ; ты имѣлъ право оставить меня; не смѣю желать твоего возвращенія — желаю только спокойствія любезной души твоей; желаю, чобы ты забылъ супругу свою, если образъ ея мучилъ твое сердце. Будь счастливъ, гдѣ бы ты ни былъ! Со мною милая тѣнь твоя; со мною воспо-

минаніе любви твоей : я не умру
 съ горести! Хочу жить, чпобы ты
 имѣлъ въ свѣтѣ нѣжнаго друга. Мо-
 жешь быть, посредствомъ тайной
 симпатіи, сердце твое, не взирая
 на разлуку, на пространство, ко-
 торое насъ раздѣляетъ, согрѣется,
 оживится моею любовію ; можешь
 быть, погруженному въ тихой сонъ,
 вѣющій зефиръ скажетъ тебѣ :
Арисъ не одинъ въ мірѣ — откро-
 ешь милые глаза свои, и вдалекѣ,
 въ шуманѣ, увидишь горестную
 Юлію, которая слѣдуетъ за тобою
 своимъ духомъ, своимъ сердцемъ ;
 можешь быть. . . . ахъ ! я пропивъ
 воли своей желаю. . . Нѣтъ, нѣтъ!
 хочу обожать его безъ всякой на-
 дежды!“

Въ душѣ ея царствовало тихое
 уныніе, болѣе пріятное, нежели
 мучительное. Добродѣтельные чув-
 ства не совмѣстны съ тоскою :
 самыя горькія слезы раскаянія имѣ-
 ютъ въ себѣ нѣчто сладкое. Пре-

красна и заря добродѣтели ; а чпо
иное естѣ раскаяніе?

Скоро Юлія узнала , что она бе-
ременна : новое , сильное чувство ,
которое попрысало душу ея!
радостное или печальное? . . . Юлія
нѣсколько времени сама не могла
разобрать идей своихъ. — „Я буду
„матерью? . . . Но кто возьметъ на
„руки младенца съ нѣжною улыб-
„кою? Кто обольетъ его слезами
„любви и радости? Кому скажу я:
„*вотъ сынъ нашъ! вотъ дочь наша!*
„Нещастной младенецъ! ты родишь-
„ся сиротою, и образъ горести бу-
„детъ первымъ предметомъ оп-
„крывающихся глазъ твоихъ! . . .
„Но. . . . такъ угодно Провидѣнію!
„Новая обязанность жить и пер-
„жить безъ роппанія! — Родись, ми-
„лой младенецъ! Сердце мое будетъ
„тебѣ опцомъ и матерью. Я утѣ-
„шусь для тебя и побою ; не ос-
„корблю нѣжной души твоей ни
„горестными вздохами , ни мрач-

„нымъ видомъ! Одна любовь ожи-
 „даетъ шебя въ моихъ объятіяхъ,
 „и часъ твоего рожденія обновитъ
 „жизнь мою!“

Юлія хотѣла приготоуитъ себя
 къ священному званію матери.
 Эмилъ — книга единственная въ
 своемъ родѣ — не выходилъ изъ
 рукъ ея. — „Я не умѣла бытъ доб-
 „родѣтельною супругою (говорила
 „она со вздохомъ): по крайней мѣ-
 „рѣ буду хорошею матерью, и не-
 „бреженіе *одного* долгу заглажу
 „вѣрнымъ исполненіемъ *другого*!“

Она считала дни и минуты; при-
 спраспилась заранѣе къ милому
 младенцу, еще невидимому; зара-
 нѣе цѣловала его въ мысляхъ сво-
 ихъ, называла всѣми нѣжными име-
 нами — и всякое его движеніе было
 для нее движеніемъ радости.

Онъ родился — сынъ — прекра-
 снѣйшій младенецъ, соединенный
 образъ отца и матери. Юлія не чув-
 ствовала болѣзни, не чувствовала

слабости: имѣ, имѣ только занима-
лась, имѣ дышала; плакала—улыба-
лась, чшобы заспавишь его улыб-
нушься—и сердце ея, вкусивъ слад-
кія чувспва матери, опкрыло въ се-
бѣ новой испочникѣ радостей, чи-
спѣйшихъ, свяпыхъ, неописанныхъ
радостей. Не успавали глаза ея, смо-
пря на младенца; не успавалъ языкѣ
ея, называя его пысячу разѣ *любез-
нымъ, милымъ сыномъ!* Огнемъ люб-
ви своей согрѣвала она юную душу
его; наблюдала ея начальныя дѣй-
спвія, опѣ первой слезы до первой
его усмѣшки, и вливала въ него,
нѣжными взорами, собспвенную
свою чувспвительность.— Нужно
ли сказывать, что она сама была
кормилицею своего сына?

Юліи казалось, что всѣ предметы
вокругъ ее перемѣнились и сдѣла-
лись ласковѣе. Прежде она не выхо-
дила почти изъ комнапы своей; оп-
крытое небо, пространспво, необо-
зримыя равнины, пипали въ ея душѣ

горестную идею одиначества. *Что я въ неизмѣримой области творенія?* спрашивала она у самой себя, и погружалась въ задумчивость. Шумъ рѣки и лѣса увеличивалъ ея меланхолю; веселье лепшающихъ ппичекъ было чуждо ея сердцу. Теперь Юлія спѣшипѣ показывапѣ маленькаго любимца своего всей Напурѣ. Ей кажется, что солнце свѣшипѣ на него свѣплѣ; что каждое дерево наклоняепся обняпѣ его; что ручеекѣ ласкаепѣ его своимѣ журчаніемѣ; что ппички и бабочки для его забавы порхаюпѣ и рѣзвяпся. *Я мать*, думаепѣ она, и смѣлыми шагами идепѣ по лугу.

Удовольспвія, копорыхѣ Юлія искала нѣкогда въ свѣпѣ, казались ей теперь ничпожнымѣ, обманчивымѣ призракомѣ въ сравненіи съ сущеспвеннымѣ, пипапельнымѣ наслажденіемѣ мапери. Ахѣ! она была бы совершенно щасплива, еспѣли бы мысль о горестномѣ Ари-

сѣ не тревожила ея сердца. „Я проливаю радостныя слезы—говорила она самой себѣ—я наслаждаюсь въ то время, когда онѣ въ горестномъ уединеніи скипаются по свѣту, упрекая себя любовью къ недостойной супругѣ! Какой Ангелъ извѣстивъ его о перемѣнѣ моего сердца? Юлія могла бы. . . . такъ, въ присутствіи самого Неба осмѣлюсь сказать, что Юлія могла бы теперь загладить передъ нимъ вину свою! . . . Но онѣ не знаетъ; онѣ воображаетъ меня въ обѣщаніяхъ—порока; воображаетъ меня мерзвою для всѣхъ чувствъ добродѣтели! . . . Пусть онѣ возвратится хотя на минуточку; хотя для того, чтобы видѣть нашего сына! Пусть онѣ — сказавъ: *ты не достойна имѣть веселиться* — возьметъ его у меня! Я рада лишиться всѣхъ удовольствій, чтобы увидѣть оскорбленнаго супруга моего. . . . рада бытъ несчастлива для его благопо-

лучія! А онъ будетъ щасливъ; съ Ангеломъ красоты и невинности забудетъ всѣ печали!“

Между тѣмъ маленькой Эраспъ (*) расцвѣталъ какъ розанъ; онъ могъ уже бѣгать по лугу; могъ говорить Юліи: *люблю тебя, маленька!* могъ ласкать ее съ чувствомъ, и нѣжными рученками опираться пріянные слезы, которыя часто капились изъ глазъ ея.

Однажды весною—время, которое всегда напоминало Юліи первую весну замужства ея — она пошла гулять съ маленькимъ своимъ Эраспомъ, сѣла на цвѣтущемъ пригоркѣ близъ дороги и — между тѣмъ, какъ младенецъ рѣзвился и прыгалъ вокругъ нее — сняла съ груди своей портретъ Арисовъ и разсматривала его съ умиленіемъ.—Таковъ ли онъ теперь? думала Юлія: „Ахъ нѣтъ! черты его конечно перемѣнились.“

(*) Имя сына ея.

„Когда живописецъ изображалъ ихъ,
 „онъ сидѣлъ прошивъ меня, смо-
 „прѣлъ на меня съ любовію, былъ
 „веселъ и щасливъ! А теперь...
 „теперь“... Взоръ Юліинъ помра-
 чился. Она задумалась, и легкой
 сонъ закрылъ на минушу глаза ея.

Безпокойная душа видѣвъ и меч-
 ты безпокойныя (*): Юліи пред-
 ставилось во снѣ необозримое мо-
 ре, которое шумѣло и пѣнилось
 подъ черными пучами; излучистыя
 молніи сверкали во мракѣ, спраш-
 ные громаы гремѣли, и ужасъ но-
 сился всюду на крыльяхъ бури.
 Вдругъ показывается корабль, игра-
 лище, жертва волнъ разъяренныхъ
 —исчезаетъ въ пропастяхъ кипя-
 щей влаги, и снова являея, чпо-
 бы навсегда погрузиться въ без-
 днѣ.... Злополучные мореплавапе-

(*) Ужасной сонъ бываетъ передъ ща-
 стливымъ событіемъ, говоритъ Гиш-
 панская пословица; я воспользовался
 ею для окончанія моей повѣсти.

ли! . . . Юлія , сидя на кремнистой скалѣ , видѣла гибель ихъ , и спра-
даетъ въ чувствительномъ сердцѣ
своемъ . Сильной валъ несетъ къ
берегу , выбрасываетъ на песокъ
человѣка , и удаляется . Юлія спѣ-
шитъ къ несчастному — — хочетъ
оживить его , и узнаетъ въ немъ
Ариса . . . хладнаго , мертваго . Она
препятствъ , пробуждается . . . и
видѣла Ариса на яву : онъ въ ея
объятіяхъ , и навѣки !

Я знаю слабость пера своего , и
для того не скажу болѣе ни слова
о сей рѣдкой сценѣ ; ни слова о пер-
выхъ восклицаніяхъ , непосредствен-
но вылетѣвшихъ изъ глубины сер-
дца ; ни слова о краснорѣчивомъ без-
молвіи первыхъ минутъ ; ни слова
о слезахъ радости и блаженства ! ..
Чтобы живѣе представить себѣ
картину , читатель вообрази въ еще
маленькаго Эраспа , котораго Юлія
взяла на руки и подала Арису . Мла-
денецъ , наученный Природою , ла-

скалъ опца своего и смотрѣлъ съ улыбкою на Юлію (*).

Уже при года живупъ они въ деревнѣ, живупъ какъ нѣжнѣйшіе любовники, и свѣпъ для нихъ не сущеспвуепъ. Арисъ не перемѣнился; онъ всегда былъ дѣяшельнымъ мудрецомъ. Но Юлія примѣромъ своимъ доказала, что легкомысліе молодой женщины можепъ быпъ иногда покрываломъ или завѣсою величайшихъ добродѣтелей.

Нѣжность Арисова пакъ далеко проспирася, что онъ не позволяепъ Юліи описывать черными красками прежняго ея въпренаго

(*) Откуда взялся Арисъ? спросяпъ любопытные. Онъ нѣсколько лѣпъ спранспвовалъ по чужимъ землямъ. Вѣрный другъ, оставленный имъ въ Москвѣ, увѣдомлялъ его о Юліи. Наконецъ, увѣрившись въ ея добродѣтели, летѣлъ онъ къ обожаемой супругѣ, сказавъ ей: *я не переставалъ обожать тебя!*

характера. — „Ты рождена быть
 „добродѣтельною, говоришь Аристъ:
 „нескромное желаніе нравишься,
 „плодъ безразсуднаго воспитанія и
 „худыхъ примѣровъ, произвело ми-
 „нушныя твои заблужденія. Тебѣ
 „надлежало только одинъ разъ по-
 „чувствовать цѣну истинной любви,
 „цѣну добродѣтели, чтобы испра-
 „виться и возненавидѣть пороки. Ты
 „удивляешься, другъ мой, для чего
 „я молчалъ и не хотѣлъ говорить
 „тебѣ о слѣдствіяхъ въпрености
 „твоей: я былъ увѣренъ, что уко-
 „ризы могутъ скорѣе ожесточить
 „сердце, нежели пронуть его чув-
 „ствительность. Нѣжное терпѣ-
 „ніе со стороны мужа есть въ та-
 „комъ случаѣ самое дѣйствитель-
 „нѣйшее средство. Выговоры, упре-
 „ки, заставили бы тебя думать,
 „что я ревнивъ; ты почла бы себя
 „оскорбленною — и сердца наши
 „могли бы навсегда удалиться другъ
 „отъ друга. Слѣдствіе доказало

„справедливость моей системы.
 „Разлука казалась мнѣ послѣднимъ
 „способомъ, который должно бы-
 „ло употребить для твоего ис-
 „правленія. Я оставилъ тебя на
 „судъ собственнаго твоего сердца
 „—признаюсь, не хладнокровно,
 „не безъ мучительной горести —
 „но лучъ надежды пылалъ и не об-
 „манулъ меня! ты моя, совершен-
 „но и навѣки!“

Иногда Юлія вооружается про-
 тивъ женщинъ: Арисъ ихъ защи-
 никъ. „Повѣрь мнѣ, другъ мой, (го-
 воритъ онъ) повѣрь, что порочныя
 женщины бываютъ опъ порочныхъ
 мужчинъ; первыя для того дурны,
 что послѣдніе не споятъ лучшихъ.“

Арисъ и Юлія могутъ не согла-
 шаться въ разныхъ мнѣніяхъ; но
 въ томъ они согласны, что удо-
 вольствіе щастливыхъ супруговъ
 и родителей есть первое изъ всѣхъ
 земныхъ удовольствій.

ДРЕМУЧІЙ ЛѢСЪ.

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

сочиненная въ одинъ день на слѣ-
дующія заданныя слова :

*Балконъ, лѣсъ, шаръ, лошадь, хижина,
лугъ, малиновой кустъ, дубъ, Осси-
анъ, источникъ, гробъ, музыка (*)*.

Бьетъ восемь часовъ. Время пить
чай, друзья мои. Любезная хозяйка
ожидаетъ насъ на *балконъ*.

Вечеръ сумраченъ. Грозныя об-
лака мчаться по синему небу. Тамъ,
на западѣ, образуется черная пу-

(*) Т. е. всѣ сіи слова надлежало помѣ-
спить въ піесѣ одно за другимъ,
въ томъ порядкѣ, въ кошоромъ они
были заданы.

ча. Вѣперѣ воемѣ среди развалинѣ нашей древней церкви. Все уныло, все печально!

Вы на меня смотрите, любезные малюпки! . . . Понимаю. Вы хопите, чпобы я, подѣ шумомѣ вѣпра, подѣ пѣнію сизыхѣ облаковѣ, разсказалѣ вамѣ какую нибудѣ старинную быль, жалкую или ужасную, и минувшее превратилѣ для васѣ вѣ настоящее. Не правда ли?—Хорошо; слушайте.

Взгляните на древній, густой, мрачной лѣсѣ, которой возвышается передѣ глазами нашими: какѣ спрашенѣ видѣ его! какія черныя пѣни лежатѣ на его кудрявой вершинѣ! Вы слышите глухой шумѣ деревѣ, потрясаемыхѣ вѣпромѣ,—и чувспвуете хладѣ ужаса вѣ сердцахѣ своихѣ. Знайте же, что вѣ старину, вѣковѣ за десять передѣ нашимѣ вѣкомѣ, эпомѣ лѣсѣ былѣ вѣ десять разѣ обширнѣе, темнѣе, ужаснѣе. Никпо не прокла-

дывалъ въ немъ ни дорожки, ни пропинки; дикіе звѣри жили въ его мрачныхъ пустыняхъ, и помный спранникъ въ самый жаркій полдень не смѣлъ искапъ прохлады въ густой сѣни его.

Молва, копорая носилась по окрестнымъ деревнямъ, еще болѣе пугала робкихъ людей. Говорили, чпо въ эпомъ *дремугемъ лѣсу* — (надобно знапъ, чпо ему не было другова имени) — издавна жилъ и царспвовалъ одинъ злой волшебникъ или чародѣй, кумъ и другъ адскаго Велзевула. Часпс, въ глубокую полночь, вылепали опшпуда пламенные *шары*, носились по мрачному воздуху и вдругъ съ прескомъ исчезали. Часпо при свѣтѣ луны, когда поселяне издали смолпрѣли на лѣсѣ, расхаживало между деревьями какое-то чудовище, на ровнѣ съ высокими соснами, и огненными глазами своими освѣщало все вокругъ себя саженой на сто.

Сверхъ того случалось нѣсколько тысячъ разъ, что молодыя лошади, копорыя, будучи смѣлѣе людей, заходили иногда въ чащу бора, возвращались домой всѣ въ ранахъ, всѣ въ крови; и деревенскіе жители по естественной Логикѣ заключали, что одинъ злой чародѣй, кумъ Велзевуловъ, могъ искушать ихъ такимъ немилосерднымъ образомъ. — Вы согласитесь, друзья мои, что это было въ самомъ дѣлѣ очень, очень спрашно.

Не знаю, какъ называлась наша деревня въ то время, о которомъ говорю я; но знаю, что въ ней жили тогда, подъ кровлею смиренной *хижины*, доброй старикъ и добрая спарушка (мужъ и жена) въ мирѣ и согласіи, по закону Небесному, закону чистой совѣсти; жили щастливо какъ Филоменъ и Бавкида, съ тою розницею, что Фригійскіе супруги не имѣли дѣтей, а у нашихъ былъ сынъ, Ангелъ красою,

голубь смиреніемъ, и — въ двадцать лѣтъ — спарикъ разумомъ. Зависпъ находила въ немъ только одинъ порокъ; а именно то, что онъ не любилъ женщинъ, и не думалъ искапъ себѣ невѣсты, къ великому огорченію всѣхъ деревенскихъ красавицъ, копорья, имѣя чувспвипельныя сердца, не могли смопрѣпъ равнодушно на бѣло-румяное лице, черные глаза, величавую осанку и прямой спанъ любезнаго юноши. Тщепно приспупали къ нему опецъ и мапъ; щепно говорили ему: „обрадуй насъ въ глубокой спаросши, сынъ безцѣнной, обрадуй насъ своею женидьбою. Ахъ! уже ли никогда милыя внучапа не будутъ играть на колѣняхъ нашихъ?“ — „Любезные родишели!“ опвѣчалъ онъ сквозь слезы: „не мучьте вашего бѣднаго сына; ради Бога не мучьте его! Я готовъ умереть за васъ; но только не могу жениться безъ сердеч-

мой склонности. Что мнѣ дѣлать? Наши красавицы не прельщаютъ меня. Будемъ ждать суженой невѣсты, любезные родители, и молись Богу!“ — Что дѣлать? Добрые старики вздыхали и молились Богу.

Теперь — слушайте со вниманіемъ! . . . Въ одну ночь, когда доброй старикъ, добрая старушка и доброй сынъ ихъ наслаждались тихимъ и покойнымъ сномъ, раздался въ хижинѣ гремѣщій голосъ, и сказалъ — родителямъ: *пошлите сына въ дремутій лѣсъ; тамъ найдетъ онъ свое и ваше благополучіе* — а сыну: *поди въ дремутій лѣсъ; тамъ найдешь свое и родителей твоихъ благополучіе*. Старики проснулись съ прелепомъ; но молодой человѣкъ открылъ глаза съ улыбкою, и сказалъ отцу и матери: „Вы слышали Небесный голосъ, голосъ моего Ангела храниителя; надобно ему повиноваться; надобно идти въ

дремутій лѣсѣ. — „Ипши въ дремутій лѣсѣ!“ воскликнули съ ужасомъ добрые спарики : „любезной сынѣ! чпо говоришь пы? Тамъ вѣрная смерть ожидаетъ тебя. Нѣпѣ, не Ангелъ хранипель твоя, а какой нибудь злой, адской духъ, желающій погибели нашей, произнесъ пакія ужасныя слова.“ Молодой человекъ не хотѣлъ перемѣнить своихъ мыслей, и наконецъ положено было ждасть дальнѣйшихъ происшествій. — Чпо же? другая ночь наступила, и попѣ же голосъ раздался въ хижинѣ; слова были тѣ же: *поди въ дремутій лѣсѣ!* Опять запрепечели родители, и молодой человекъ съ прежнею улыбкою сказалъ имъ : „видите!“ — Трепья ночь наступила : попѣ же голосъ, тѣ же слова, съ прибавленіемъ : *горе немущимъ вѣры!* — Тогда отецъ и мать, не смотря на ужасъ свой, не смотря на боязливую любовь къ милому сыну,

ощутили необходимость повиноваться Небу. Воля Его была явна и несомнительна: какой злой, адской духъ могъ говорить о святой вѣрѣ? Молодой человекъ увѣщевалъ ихъ имѣть полную довѣренность къ темнымъ пупямъ вышней Премудрости; старался успокоить ихъ веселымъ видомъ своимъ, и доказывалъ, что *дремлющій лѣсъ* можетъ быть спрашенъ для другихъ, а не для него.

Наконецъ родители, заплакавъ горько, согласились расстаться съ любимцемъ души своей. Нѣжная мать опустила съ нимъ все нужное для дороги, и надѣла ему на шею маленькой образъ, которымъ благословила ее покойная бабушка, и копорой хранилъ ихъ смиренное жилище не хуже того, какъ спашуя Минервина хранила нѣкогда великолѣпную Трою. Доброй спарикъ положилъ обѣ руки на голову юношѣ, взглянулъ на небо, и ска-

залъ: *Ты будь щитомъ его!*—Они разспались. . . . на разсвѣтѣ дня, самаго прекраснаго изъ весеннихъ. Родишели стояли неподвижно и глядѣли на своего милаго, копорой, съ посохомъ въ рукѣ, шелъ прямо къ дремугему лѣсу, не зная почно, за какимъ дѣломъ. Уже онъ скрылся опѣ глазъ ихъ. . . . но они все смопрѣли; смопрѣли на мрачной борѣ, копорой казался имъ мрачнѣе и грознѣе, нежели когда нибудь.

Но намъ, друзья мои, не должно оспавлять юнаго Героя. Будучи добрѣ и невиненъ въ сердцѣ своемъ, безъ всякаго ужаса приближался онъ къ лѣсу—вступилъ въ него—и (слѣдомъ за бѣленькимъ кроликомъ, копорой передъ нимъ рѣзвился и прыгалъ) вышелъ сквозь густоту деревъ на зеленый лугъ, гдѣ цвѣты благоухали, свѣплые ручейки журчали и бѣлыя козы щипали мураву вокругъ прекраснаго сельскаго домика, обсаженнаго ма-

линовыми и смородинными *кустами*. Но молодой человек забылъ и цветы и ручьи, и бѣлыхъ козъ и сельской домикъ, когда увидѣлъ вдругъ передъ своими глазами. . . „Какое нибудь чудовище?“ думаете вы — „какого нибудь дракона, змѣя, крокодила, или злаго волшебника, въ высокой шапкѣ, верхомъ на лепу-чей мыши?“ . . . Нѣтъ, друзья мои! совсѣмъ иное, совсѣмъ другое. Онъ увидѣлъ — юную, прекрасную женщину (въ легкомъ бѣломъ платьѣ, съ золотымъ поясомъ), которая похожа была не на Венеру, но на Ангела непорочнаго. Она приблизилась къ юношѣ, взглянула на него большими, свѣтлыми голубыми глазами, въ коихъ изображалась вмѣстѣ и крошечная сердечная и пропагандельная горестъ, — поклонилась ему, взяла съ нѣжностію за руку, и, не говоря ни слова, повела его къ сельскому домику. Могъ ли онъ нейти съ нею? Могъ ли чего ни-

будь спрашишься, видя ея преле-
 сти и любезность, печать Небес-
 наго благоволенія, зеркало красотъ
 душевныхъ? Уже сердце его нѣжно
 влеклося къ ея сердцу; уже горестъ
 ея прогала его душу; уже хотѣлъ
 онъ спросить о причинѣ слезъ, бли-
 спавшихъ на ея ресницахъ. . . . но
 шѣлъ другое явленіе представи-
 лось глазамъ его. Подъ тѣнію древ-
 няго *дуба*, омрачавшаго домикъ сво-
 ими густыми вѣтвями, сидѣлъ
 бѣловласый почтенный спарецъ,
 въ длинной шкандой одеждѣ, какую
 горные Шотландскіе вѣпры развѣ-
 вали нѣкогда на священныхъ Друи-
 дахъ и Бардахъ, современникахъ
Оссіановыхъ. Онъ возрѣлъ на юно-
 шу очами томными. . . . но въ нихъ
 сіяли еще искры небеснаго огня,
 пламенѣющаго въ сердцѣ мужей ве-
 ликихъ. . . . возрѣлъ, и проспирая
 къ нему свои обѣщанія, сказалъ ши-
 химъ, но внятнымъ голосомъ: „Не-
 „бо посылаетъ тебя, о добродѣ-

„шельной юноша! въ сію уединен-
 „ную пуспыню, да будешь свидѣ-
 „шелемъ моей смерпи и облада-
 „шелемъ сокровища, которое до-
 „спойно первѣйшаго изъ царей зем-
 „ныхъ, но котораго не всѣ цари
 „земные доспойны. Приблизься къ
 „моему сердцу, да обниму тебя
 „вмѣстѣ съ сею любезною дочерію,
 „любимицею души моей, которую
 „благое Провидѣніе назначило тебѣ
 „въ супруги. Она будетъ лю-
 „бить тебя, ты будешь любить
 „ее, и мирное щастіе увѣнчаетъ
 „дни ваши. Знай, сынъ мой — ибо
 „мнѣ дано уже священное право
 „называть тебя симъ именемъ —
 „знай, что я былъ однимъ изъ тѣхъ
 „смертныхъ, которымъ Божество
 „благоволило открывать вѣчную
 „премудрость Свою и тайны чу-
 „десной Природы, да поклоняющіяся
 „Его величію въ восторгѣ
 „душъ своихъ. Здѣсь, удаленный
 „отъ суеты мірской, удаленный

„опѣ злыхъ и развращенныхъ лю-
 „дей, въ безмолвной тишинѣ уеди-
 „ненія, я вникалъ духомъ въ зако-
 „ны Небесные, правящіе вселен-
 „ною. Но и земныя радости весе-
 „лили душу мою. Я наслаждался
 „нѣжнымъ, сердечнымъ союзомъ,
 „безъ коего нѣтъ для смертныхъ
 „истиннаго благополучія; наслаж-
 „дался любовію милой, добродѣ-
 „тельной супруги, которую ви-
 „дишь ты въ цвѣтущемъ образѣ
 „ея дочери. Но давно уже пресе-
 „лилась она въ обители небесныя:
 „я спѣшу тамъ соединиться съ нею
 „новымъ союзомъ. Пришелъ часъ
 „мой — чувствую хладную руку
 „смерти — острая коса ея свер-
 „каетъ предъ очами моими. Всѣ
 „живущіе подъ солнцемъ должны
 „рано или поздно въ прахъ обра-
 „щаться. Я предвидѣлъ конецъ
 „свой, и только объ участи милой
 „дочери моей сокрушался: невин-
 „ность ославалась сиротою въ мі-

„рѣ. Я молился—излилъ душу свою
 „предъ вѣчною Благоспѣху—и Ми-
 „лосердый услышалъ моленіе чи-
 „стаго сердца: Онъ обѣщавъ по-
 „сласть добродѣтельного супруга
 „моей любезной—гласъ Неба воз-
 „вѣспилъ мнѣ время, въ которое
 „надлежало тебѣ явиться въ нашей
 „пустынѣ. Сіе мирное уединеніе
 „должно быть вѣвѣки твоимъ оби-
 „щалищемъ; здѣсь будешь имѣть
 „все нужное для умѣренной, покой-
 „ной жизни. Приведи сюда роди-
 „телей твоихъ: пусть нѣкогда и
 „они лежатъ въ землѣ подлѣ суп-
 „руги моей, вмѣстѣ со мною, на
 „берегу свѣтлаго *источника*, въ
 „тѣни сего древняго дуба, гдѣ я
 „такъ часто углублялся въ свя-
 „щенныя размышленія! . . . Прови-
 „дѣнію не угодно включить тебя
 „въ число мудрецовъ земныхъ; но
 „Оно включаетъ тебя въ число
 „добрыхъ—сего довольно—не жа-
 „луйся на судьбу свою. Ты не по-

„чувствуешь никогда тѣхъ неизъ-
 „яснимыхъ горестей и внутрен-
 „нихъ терзаній, копорья, по за-
 „кону Всевышняго, бывающъ здѣсь
 „долею многовѣдѣнія. . . Грядущее
 „опровергается предъ моимъ взо-
 „ромъ. . . Зрю времена ужаса и
 „страха, зрю вѣки гибели и кляп-
 „вы, среди просвѣщенія и величай-
 „шихъ успѣховъ разума человѣче-
 „скаго. Еще далеки времена сіи;
 „но они пріидутъ. Блѣдная злоба,
 „вооруженная смертоноснымъ кин-
 „жаломъ, будетъ свирѣпствовать
 „на земномъ шарѣ и разитъ сла-
 „быхъ; рѣки попекутъ кровію, и
 „спенанія несчастныхъ заглушатъ
 „бурю. Добрые и праведные осып-
 „лютъ пепломъ главы свои, за-
 „кроютъ лица, и обліются горьки-
 „ми слезами. . . . Но и тогда най-
 „дутся еще тихія утѣжища для
 „миролюбивой добродѣтели. Такимъ
 „образомъ одно чувствительное се-
 „мейство, общество нѣжнѣйшихъ

„Друзей, удалясь отъ шумнаго мі-
 „ра, поселится нѣкогда близъ сего
 „дремутаго лѣса (*), котораго нозъ
 „озарится со временемъ лутами
 „свѣта; здѣсь, не взирая на всемір-
 „ный мятежъ, насладится оно лю-
 „бовію и святою дружбою.... Гла-
 „за мои пемнѣютъ; слова замира-
 „ютъ на устахъ моихъ... Проспи-
 „те. Богъ не оставитъ васъ, ми-
 „лая дѣти. Обнимите меня....
 „хладѣющее сердце мое чувсп-
 „вуетъ еще теплоу вашего....
 „Проспите.... умираю.“—И свя-
 „тый мужъ скончался, подобно какъ
 „тихій свѣтъ зари вечерней уми-
 „раетъ подъ маніею ночи.

Не буду говорить вамъ о сле-
 захъ нѣжной дочери, копорыя вмѣ-
 спѣ со слезами добраго юноши
 лились на хладное пѣло спарца; но
 души не было въ семъ пѣлѣ, и

(*) Тамъ жилъ Авторъ въ семействѣ
 друзей своихъ.

земля прѣбовала его въ нѣдра свои. Смершныя ошашки безсмершнаго мужа, сообразно съ его волею, погреблися на берегу свѣплаго испочника, въ шѣни древняго дуба, подлѣ гроба его супруги. Преданіе говоритъ, что въ самую ту минуу раздалася въ лѣсу небесная музыка, и что ея гармоническіе звуки тихо исчезли въ вышнихъ пространствахъ воздуха.

Трогательныя и поржеспвенныя слова умирающаго опца; его нѣжныя взоры, обращаемыя то на милую дочь, то на добраго юношу; имя *любезныхъ дѣтей*, которымъ онъ называлъ ихъ вмѣстѣ, съ любовію прижимая ихъ другъ ко другу въ своихъ хладѣющихъ объятіяхъ; наконецъ послѣдній взоръ его, копорой, такъ сказаъ, между ими дѣлился, и гореспный, священныи обрядъ погребенія, сливавшій въ одно ихъ чувства—все пишало, все умножало взаимную спрасъ двухъ

юныхъ сердецъ, одно для другаго сотворенныхъ.

Уже сѣниспый вечеръ готовъ былъ спуститься на землю, когда Герой нашъ, ведя за руку любезную свою, явился глазамъ добрыхъ спариковъ (*); распавшись съ нимъ, они не хотѣли войти въ хижину, спояли у воротъ, и ждали безпре-
спанно его возвращенія. „Любез-
ные родители! вотъ мое, вотъ
ваше благополучіе! вотъ оно!“ ...
Онъ рассказалъ имъ все.

Вы легко можете представишь себѣ ихъ удивленіе, ихъ радость. Плакали, обнимались, говорили, и не слышали словъ своихъ. — Но — подивитесь странной привязанности людей къ наслѣдственному крову, даже къ самому низкому и бѣдному! — имъ не хотѣлось про-
мѣнять хижины своей на прекра-

(*) Надобно думать, что бѣлой кроликъ былъ опять его пушеводителемъ.

снoй доми́кѣ дре́мутаго лѣса. Одно чудо могло ихъ къ тому прину-
дити: вдругъ откуда ни взялся вѣ-
теръ, сорвалъ хижину и унесъ изъ
виду, такъ что ни малѣйшаго слѣ-
да ея на землѣ не оспалось. Дѣ-
лапъ было не чего; спарики вздох-
нули, выронили капли двѣ слезъ, и
пошли, куда Небесная воля призы-
вала ихъ, и гдѣ они лучше могли
наслаждапсь оспапкомъ дней сво-
ихъ.

Что принадлежи́тъ до юныхъ лю-
бовниковъ, то блаженство ихъ бы-
ло совершенно; оно скончалось толь-
ко вмѣстѣ съ ихъ жизнью, и еще
сіяло въ мірѣ какъ заря вечерняя—
сіяло въ благополучіи многочислен-
наго ихъ потомства.

Здѣсь заключается исторія *дре-
мутаго лѣса*.

„А злой волшебникъ, а пламен-
ные шары, которые вылетали изъ

лѣсу; а страшное чудовище, которое расхаживало наровнѣ съ соснами; а огненные глаза его, которые саженой на стою все вокругъ освѣщали; а молодые лошади, которыя возвращались домой всѣ въ ранахъ, всѣ въ крови?“—Вы пребудете изъясненія, друзья мои! Знайте же, что слухъ о зломъ волшебникѣ принадлежалъ къ числу нелѣпыхъ басенъ, до которыхъ издавна охотники добрые люди; что пламенные шары соспавлялись изъ обыкновенныхъ воздушныхъ огней; что ужасное чудовище существовало только въ воображеніи робкихъ поселянъ, а свѣплые глаза его были ничто иное, какъ маленькіе червячки, которыя въ лѣпнія ночи блестятъ на травѣ и на деревьяхъ; что молодыхъ лошадей кусалъ въ бору не кумъ Велзевуловъ, а сильной оводъ.

НАТАЛЬЯ,
БОЯРСКАЯ ДОЧЬ.

Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Рускіе были Рускими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, то есць говорили такъ, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена; люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ опдаленную мрачность, подъ сѣнію давно-исплѣвшихъ вязовъ искать брадапыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа Рускаго

и съ нѣжностію цѣловать ручки у моихъ прабабушекъ, копорыя не могутъ насмотрѣться на своего почтительнаго правнука, не могутъ наговориться со мною (ибо женщины, а особливо спарыя, во всякія времена бывали говорливы) и не могутъ надивиться моему разуму, попому что я, рассуждая съ ними о спарыхъ и новыхъ модахъ, всегда отдаю преимущество ихъ подкапкамъ и шубейкамъ передъ нынѣшними bonnets à la... и всѣми Галло - Албіонскими нарядами, блистающими на Московскихъ красавицахъ въ концѣ осьмагонадесять вѣка. Такимъ образомъ (конечно понятнымъ для всѣхъ чипапелей) спарая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ; и естли угрюмая Парка еще нѣсколько лѣтъ не перерѣжетъ жизненной моей нити, то наконецъ не найду я и мѣста въ головѣ своей для всѣхъ анекдотовъ и повѣ-

сшей, рассказываемыхъ мнѣ жи-
 лями прошедшихъ столѣтій. Чпо-
 бы облегчить не много грузъ моей
 памяти, намѣренъ я сообщить лю-
 безнымъ читателямъ одну быль или
 исторію, слышанную мною въ об-
 ласти пѣней, въ царствѣ вообра-
 женія, отъ бабушки моего дѣдуш-
 ки, которая въ свое время почи-
 лась весьма краснорѣчивою, и поч-
 ти всякой вечеръ сказывала сказки
 Царицѣ Н. Н. Только спрaшусь обез-
 образить повѣсть ея; боюсь, что-
 бы спарушка не примчалась на об-
 лакѣ съ того свѣта и не наказала
 меня клюкою своею за худое ри-
 торство. . . Ахъ нѣтъ! прости без-
 расудность мою, великодушная
 пѣнь — ты неудобна къ такому
 дѣлу! Въ самой земной жизни сво-
 ей была ты смирна и незлобна какъ
 юная овечка; рука твоя не умер-
 щивала здѣсь ни комара, ни мушки,
 и бабочка всегда покойно отды-
 хала на носу твоёмъ: и такъ возможно

ли, чшобы шеперь, когда ты пла-
 ваешь въ морѣ неописаннаго бла-
 женства, и дышишь чистѣйшимъ
 эфиромъ неба — возможно ли, чшо-
 бы рука твоя поднялась на твоего
 покорнаго праправнука? Нѣтъ! ты
 дозволишь ему безпрепятственно
 упражняться въ похвальномъ реме-
 слѣ мараши бумагу, взводишь не
 былицы на живыхъ и мерпвыхъ,
 испытываешь терпѣніе своихъ чи-
 шателей, и наконецъ, подобно вѣч-
 но-зѣвающему богу Морфею, низ-
 вергаешь ихъ — на мягкіе диваны и
 погружаешь въ глубокой сонъ. . . .
 Ахъ! въ самую сію минушу я вижу
 необыкновенной свѣтъ въ темномъ
 моемъ коридорѣ; вижу огненные
 круги, копорые вершались съ бле-
 скомъ и съ прескомъ, и наконецъ
 — о чудо! — являють мнѣ твоей
 образъ, образъ неописанной красо-
 ты, неописаннаго величества! Очи
 твои сіяють какъ солнца; уста
 твои албють какъ заря утренняя,

какъ вершины снѣжныхъ горъ при восходѣ дневнаго свѣтила — ты улыбаешься, какъ юное твореніе въ первый день бытія своего улыбалось — и въ восторгѣ слышу я *сладко-гремящія* слова твои: „продолжай, любезной мой праправнукъ!“ Такъ, я буду продолжать, буду; и вооружась перомъ моимъ, мужественно начерпаю исторію *Маталы, боярской дочери*, исторію, которую, какъ выше сказано, слышалъ я отъ тебя въ царствѣ твоѣй. — Но прежде должно мнѣ отдохнуть; восторгъ, въ которой привело меня явленіе пра-прабабушки, упомиль душевныя мои силы. На нѣсколько минути кладу перо — и сіи написанныя строки да будутъ вступленіемъ или предисловіемъ!

Въ преспольномъ градѣ славнаго Рускаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ Бояринъ Матвѣй

Андреевъ, человекъ богатой, умной, вѣрной слуга Царской, и, по обычаю Рускихъ, великой хлѣбосоль. Онъ владелъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей,—чему въ наши просвѣщенные времена можетъ быть не всякой повѣришь, но что въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостью. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правой глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать какуюнибудь важную тяжбу, онъ призывалъ къ себѣ въ помощь Боярина Матвѣя, и Бояринъ Матвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: *сей правъ* (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году, но) *по моей совѣсти; сей виноватъ по моей совѣсти*—и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и съ совѣстію Царскою. Дѣло рѣшилось безъ замедленія:

правой подымалъ на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на добраго Государя и добраго Боярина; а виновапой бѣжалъ въ густые лѣса, сокрышъ стыдъ свой опъ человекѣвъ.

Еще не можемъ мы умолчать объ одномъ похвальномъ обыкновеніи Боярина Мапвѣя, обыкновеніи, копорое доспойно подражаніа во всякомъ вѣкѣ и во всякомъ царствѣ; а именно, каждой дванадесятой праздникъ поспавлялись длинныя сполы въ его горницахъ, чистыми скапершми накрышые, и Бояринъ, сидя на лавкѣ подлѣ высокихъ воротъ своихъ, звалъ къ себѣ обѣдашъ всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ (*) людей, сколько ихъ могло помѣститься въ жилищѣ боярскомъ; по томъ, собравъ полное число, возвращался въ домъ, и указавъ мѣсто

(*) Въ истинѣ сего увѣрялъ меня не одинъ старой человекъ.

каждому госпю, садился самъ между ими. Тутъ въ одну минуту являлись на столахъ полныя чаши и блюда, и ароматической паръ горячаго кушанья какъ бѣлое тонкое облако вился надъ головами обѣдающихъ. Между тѣмъ хозяинъ ласково бесѣдовалъ съ госпями, узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги, и наконецъ веселился съ ними какъ съ друзьями. Такъ въ древнія Папріархальныя времена, когда въкъ человѣческой [былъ не споль крапокъ, почпенными сѣдинами украшенный спарецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ—смотрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей.—Послѣ обѣда всѣ неимущіе брашья, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ : *Доброй,*

Доброй бояринъ и отецъ нашъ! мы пьемъ за твое здоровье! Сколько капель въ нашихъ таркахъ, столько лѣтъ живи благополучно! Они пили, и благодарныя слезы ихъ капали на бѣлую скаперть.

Таковъ былъ Бояринъ Матвѣй, вѣрной слуга Царской, вѣрной другъ человѣчества. Уже минуло ему шестидесятъ лѣтъ; уже кровь медленнѣе обращалась въ жилахъ его; уже тихое препешаніе сердца возвѣщало наступленіе жизненнаго вечера и приближеніе ночи—но добромъ ли бояться сего гуспаго, непроницаемаго мрака, въ которомъ перяются дни человѣческіе? Ему ли спрашиваться сего пѣниспаго пужи, когда съ нимъ доброе сердце его, когда съ нимъ добрыя дѣла его? Онъ идетъ впередъ безпрепятно, наслаждается послѣдними лучами заходящаго свѣтила, обращаетъ покойной взоръ на прошедшее, и съ радостнымъ—хотя

темнымъ, но не менѣе того радостнымъ предчувствіемъ заносишь ногу въ оную неизвѣстность. — Любовь народная, милость Царская были наградою добродѣтелей старца Боярина; но вънцемъ его щастія и радостей была любезная Нешалья, единственная дочь его. Уже давно оплакалъ онъ мать ея, которая заснула вѣчнымъ сномъ въ его объятіяхъ; но кипарисы супружеской любви покрылись цвѣтами любви родительской—въ юной Нешальѣ увидѣлъ онъ новой образъ умершей, и, вмѣсто горькихъ слезъ печали, возсіяли въ глазахъ его сладкія слезы нѣжности. Много цвѣтовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ; но нѣтъ подобнаго розѣ; роза всѣхъ прекраснѣе: много было красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо царство Русское искони почиталось жилищемъ красоты и пріятностей; но никакая красавица не могла сравняться съ

Напальею — Напалья была всѣхъ прелеснѣе. Пусть чипапелъ вообразитъ себѣ бѣлизну Италіанскаго мрамора и Кавказскаго снѣга: онѣ все еще не вообразитъ бѣлизны лица ея — и представя себѣ цвѣтъ Зефировой любовницы, все еще не будетъ имѣть совершеннаго понятія объ алоши щекъ Напальиныхъ. Я боюсь продолжая сравненіе, чтобы не наскучить чипапелю повпореніемъ извѣстнаго; ибо въ наше роскошное время весьма испощился магазинъ піищическихъ уподобленій красоты, и не одинѣ писапелъ съ досады кусаетъ перо свое, ища и не находя новыхъ. Довольно знать и того, что самые богомольные спарики, видя Боярскую дочь у обѣдни, забывали класъ земные поклоны, и самыя приспрасныя мапери отдавали ей преимущество передъ своими дочерями. Сокрапъ говорилъ, что красота пѣлесная бываетъ всегда

изображеніемъ душевной. Намъ должно повѣришь Сократу, ибо онъ былъ во первыхъ искуснымъ ваятелемъ, (слѣдственно зналъ принадлежности красоты плесной) а во вторыхъ мудрецомъ или любителемъ мудрости (слѣдственно зналъ хорошо красоту душевную). По крайней мѣрѣ наша прелестная Напалья имѣла прелестную душу, была нѣжна какъ горлица, невинна какъ агнецъ, мила какъ Май мѣсяцъ; однимъ словомъ, имѣла всѣ свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя Рускіе не читали тогда ни Локка о *воспитаніи*, ни Руссова *Эмilia*—во первыхъ для того, что сихъ Авторовъ еще и на свѣтѣ не было, а во вторыхъ и по тому, что худо знали грамотѣ — не читали и воспитывали дѣтей своихъ, какъ Напура воспитываетъ правки и цвѣпочки, то есть, поили и кормили ихъ, оставляя все прочее на произволъ Судьбы; но сія Судьба

была къ нимъ милоспива, и за до-
вѣренность, копорую имѣли они
къ ея всемогуществу, награждала
ихъ почти всегда добрыми дѣльми,
ушѣщеніемъ и подпорою ихъ спа-
рыхъ дней.

Одинъ великой Психологъ, ко-
пораго имени я право не упомяну,
сказалъ, что описаніе дневныхъ
упражненій человека есть вѣрнѣй-
шая характеристика его сердца.
По крайней мѣрѣ я такъ думаю, и
съ позволенія моихъ любезныхъ чи-
тапелей опишу, какъ Напалья, Бо-
ярская дочь, проводила время свое
отъ восхода до заката краснаго
солнца. Лишь только первые лучи
сего великолѣпнаго свѣтила пока-
зывались изъ-за упреннаго облака,
изливая на пихую землю жидкое,
неосязаемое золопо: красавица наша
пробуждалась, открывала черные
глаза свои, и перекрестившись бѣ-
лою апласною, до нѣжнаго локтя
обнаженною рукою, вспавала, надѣ-

вала на себя тонкое шелковое
плащье, камчатную пѣлогрѣю, и
сѣ распущенными темнорусыми во-
лосами подходила къ круглому ок-
ну высокаго своего перема, чѣобы
взглянуть на прекрасную карпи-
ну оживляемой Напуры — взгля-
нуть на златоглавую Москву, сѣ
копорою лучезарной день снималъ
шуманный покровъ ночи, и копо-
рая, подобно какой нибудь огромной
пшицѣ, пробужденной гласомъ упра,
въ вѣяніи вѣперка спряхивала сѣ
себя блестящую росу — взглянуть
на Московскія окрестности, на
мрачную, густую, необозримую
Марьину рощу, копорая какъ си-
зый, кудрявый дымъ перялась опѣ
глазъ въ неизмѣримомъ опдаленіи,
и гдѣ жили тогда всѣ дикіе звѣри
сѣвера; гдѣ страшной ревѣ ихъ за-
глушалъ мелодіи пшицъ поющихъ.
Сѣ другой стороны являлись На-
пальину взору сверкающіе изгибы
Москвы рѣки, цвѣпущія поля и ды-

мящіяся деревни, опкуда съ веселыми пѣснями выѣзжали прудобивые поселяне на работы свои — поселяне, копорые и по сіе время ни въ чемъ не перемѣнились, такъ же одѣваясь, такъ живупъ и работаюпъ, какъ прежде жили и работали, и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляюпъ намъ еще истинную / Рускую физиономію. Напалья смопрѣла, опершись на окно, и чувспвовала въ сердцѣ своемъ тихую радость; не умѣла краснорѣчиво хвалипъ Напуры, но умѣла ею наслаждапъся; молчала и думала: *какъ хороша Москва бѣлокаменная! какъ хороши ея окружности!* Но того не думала Напалья, что сама она въ упреннемъ своемъ нарядѣ была всего прекраснѣе. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидѣніями, красила нѣжныя щеки ея алѣйшимъ румянцемъ; солнечные лучи играли на бѣломъ ея лицѣ, и проницая сквозь черныя, пу-

шиспыя ресницы, сіяли въ глазахъ ея свѣплѣе, нежели на золопѣ. Волосы, какъ темно-кофейной бархатѣ, лежали на плечахъ и на бѣлой, полу-открышой груди; но скоро прелеспная скромность, стыдась самаго солнца, самаго вѣперка, самыхъ нѣмыхъ спѣнѣ, закрывала ее полопномѣ понкимѣ. По помѣ будила она свою няню, вѣрную служанку ея покойной мапери. *Вставай, мама!* говорила Напалья: *скоро благовѣстятѣ къ обѣднѣ.* Мама вспавала, одѣвалась, называла свою барышню раннею ппичкою, умывала ее ключевою водою, чесала ея длинныя волосы бѣлымѣ коспянымѣ гребнемѣ, заплепала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелеспницы жемчужною повязкою. Такимѣ образомѣ снарядившись, дожидались онѣ благовѣспа, и заперевѣ замкомѣ свѣплицу свою, (чпобы въ опсупствіе ихъ не закрался въ нее какой нибудь недоброй чловѣкѣ) оп-

правлялись кѣ обѣднѣ. „Всякой день?“ спросилъ чипашель. Конечно — таковъ былъ въ старину обычай — и развѣ зимою одна жестокая вьюга, а лѣпомъ проливной дождь съ грозою могли тогда удержавъ красную дѣвицу отъ исполненія сей набожной должности. Становясь всегда въ уголокъ прапезы, Напалья молилась Богу съ усердіемъ, и между тѣмъ изъ подлобья посмапривала на право и на лѣво. Въ старину не было ни клововъ, ни маскарадовъ, куда нынѣ ѣздящъ себя казать и другихъ смѣшрѣть: и шакъ гдѣ же, какъ не въ церкви могла тогда любопытная дѣвушка поглядѣть на людей? Послѣ обѣдни Напалья раздавала всегда нѣсколько копѣекъ бѣднымъ людямъ, и приходила къ своему родителю, съ нѣжною любовію поцѣловавъ его руку. Спарецъ всегда плакалъ отъ радости, видя, что дочь его день ото дня становилась лучше и ми-

лѣе, и не зналъ, какъ благодарить Бога за такой неоцѣненной даръ, за такое сокровище. Напалья садилась подлѣ него, или шить въ пальцахъ, или плести кружево, или сучить шелкъ, или низать ожерелье. Нѣжной родитель хопѣлъ смотрѣть на работу ея, но вмѣсто того смотрѣлъ на нее самоё, и наслаждался безмолвнымъ умиленіемъ. Чипапель! знаешь ли ты по собственному опыту родительскія чувства? Если нѣтъ, то вспомни по крайней мѣрѣ, какъ любовались глаза твои песпрою гвоздичкою или бѣленькимъ ясиномъ, посаженнымъ; съ какимъ удовольствіемъ разсматривалъ ты ихъ краски и пѣни, и сколько радовался мыслию: *это мой цвѣтокъ; я посадилъ его и выросилъ!* вспомни, и знай, что опцу еще веселѣе смотрѣть на милую дочь, и веселѣе думать: *она моя!*—Послѣ Рускаго сыпнаго обѣда Бояринъ Машвѣй

ложился опдыхашь, а дочь свою съ
 ея мамою оппускаль гуляшъ или
 въ садъ, или на большой зеленой
 лугъ, гдѣ нынѣ возвышающся *кра-*
сныя ворота съ прубящею Славою.
 Напалья рвала цвѣты, любовалась
 лепшающими бабочками, пишалась
 благоуханіемъ правъ, возвращалась
 домой весела и покойна, и прини-
 малась снова за рукодѣлье. Наспу-
 палъ вечеръ — новое гулянье, но-
 вое удовольствіе; иногда же юныя
 подружки приходили дѣлать съ нею
 часы прохлады, и разговаривашъ о
 всякой всячинѣ. Самъ доброй Боя-
 ринъ Маввѣй бывалъ ихъ собесѣд-
 никомъ, есѣли государственныя
 или нужныя домашнія дѣла не за-
 нимали его времени. Сѣдая борода
 его не пугала молодыхъ красавицъ;
 онъ умѣлъ забавляшъ ихъ пріят-
 нымъ образомъ, и рассказывалъ имъ
 приключенія благочестиваго Князя
 Владиміра и могучихъ богатырей
 Россійскихъ.

Зимою , когда не лъзя было гуляшь ни въ саду ни въ полѣ , Напалья капалась въ саняхъ по городу , и ѣздила по вечеринкамъ , на копорыя собирались однѣ дѣвушки , пѣвши и веселились и невиннымъ образомъ сокращають время. Тамъ мамы и няни выдумывали для своихъ барышенъ разныя забавы ; играли въ жмурки , пряпались , хоронили золото , пѣли пѣсни , рѣзвились не нарушая благоприспосовности , и смѣялись безъ насмѣшекъ , такъ что скромная и цѣломудренная Дріада могла бы всегда присупсповождать на сихъ вечеринкахъ. Глубокая полночь разлучала дѣвушекъ , и прелестная Напалья въ объятіяхъ мрака наслаждалась покойнымъ сномъ , копорымъ всегда юная невинность наслаждается.

Такъ жила Боярская дочь , и семнадцатая весна жизни ея наступила ; травка зазеленѣлась , цвѣты расцвѣли въ полѣ , жаворонки за-

пѣли—и Напалья, сидя поутиру въ свѣплицѣ своей подѣ окномѣ, смоп-
рѣла въ садѣ, гдѣ съ кусточка на
кусточекѣ порхали ппички, и нѣж-
но лобызаясь своими маленькими
носиками, пряпались въ густопу
лиспьевѣ. Красавица въ первой разѣ
замѣпила, что онѣ лемали парами
—сидѣли парами, и скрывались па-
рами. Сердце ея какѣ будто бы
вздогнуло—какѣ будто бы какой
нибудѣ чародѣй допронулся до него
волшебнымѣ жезломѣ своимѣ! Она
вздохнула—вздохнула въ другой и
въ прешій разѣ — посмопрѣла во-
кругѣ себя—увидѣла, что съ нею
никого не было, никого, кромѣ спа-
рой няни (копорая дремала въ уг-
лу горницы на красномѣ весеннемѣ
солнышкѣ) — опяшь вздохнула, и
вдругѣ бриллианшовая слеза сверк-
нула въ правомѣ глазѣ ея, — по-
помѣ и въ лѣвомѣ—и обѣ выкапи-
лись — одна капнула на грудь, а
другая оспановилась на румяной

щекѣ, въ маленькой нѣжной ямкѣ, копорая у милыхъ дѣвушекъ бываеѣ знакомѣ того, что Купидонѣ цѣловалѣ ихъ при рожденіи. Напалья подгорюнилась—чувствовала нѣкопорую грусть, нѣкопорую помность въ душѣ своей; все казалось ей не такѣ, все неловко; она вспала и опяѣ сѣла — наконецѣ, разбудивѣ свою маму, сказала ей, что сердце у нее поскуеѣ. Спарушка начала крещиѣ милую свою барышню, и сѣ нѣкопорыми *набожными оговорками* (*) браниѣ того человека, копорой взглянулѣ на прекрасную Напалью не чистымѣ глазомѣ, или похвалилѣ ея прелести не чистымѣ языкомѣ, не опѣ чистаго сердца, не въ доброй часѣ; ибо спарушка была увѣрена, что ее сглазили, и что внутренняя поска ея происходиѣ не опѣ чего дру-

(*) На прим. *прости Гослоди*, и прочее тому подобное, что можно еще слышать и опѣ нынѣшнихъ нянюшекѣ.

гова. Ахъ добрая спарушка! хопя ты и долго жила на свѣтѣ, однакожь многова не знала; не знала, что и какъ въ нѣкоторыя лѣта начинается у нѣжныхъ дочерей боярскихъ; не знала - - - Но можетъ быть и чипапели (если до сей минушы они все еще держатъ въ рукахъ книгу и не засыпаютъ) — можетъ быть и чипапели не знаютъ, что за бѣда случилась вдругъ съ нашею Героинею; чего она искала глазами въ горницѣ, отъ чего вздыхала, плакала, грустила. Известно, что до сего времени веселилась она какъ вольная ппашка; что жизнь ея текла, какъ прозрачной ручеекъ спремился по бѣленькимъ камешкамъ между злачныхъ, цвѣтущихъ бережковъ: что жъ сдѣлалось съ нею? Скромная Муза, повѣдай! - - - Съ небеснаго лазореваго свода, а можетъ быть откуда нибудь и повыше, слетѣла какъ маленькая ппичка Колибри, порхала,

порхала по чистому весеннему воздуху, и влѣпѣла въ Напальино нѣжное сердце — *потребность любить, любить, любить!!!* Вопѣ вся загадка; вопѣ причина красавицыной грусти — и есѣли она покажется кому нибудь изѣ чипапелей не совсѣмѣ поняпною, то пусть пребуеѣ онѣ подробнѣйшаго изѣясненія опѣ любезнѣйшей ему осьмнадцатилѣтней дѣвушки.

Сѣ сего времени Напалья во многомѣ перемѣнилась — спала не такѣ жива, не такѣ рѣзва — иногда задумывалась, — и хопя по прежнему гуляла въ саду и въ полѣ, хопя по прежнему проводила вечера сѣ подругами, но не находила ни въ чемѣ прежняго удовольствія. Такѣ человекѣ, вышедшій изѣ лѣтѣ дѣтства, видипѣ игрушки, копорыя соспавляли забаву его младенчествѣ, — берепѣся за нихѣ, хочепѣ играть; но чувспвуя, что онѣ уже не веселяѣ его,

оставляеѣ ихѣ со вздохомѣ. — Красавица наша не умѣла самой себѣ даѣь опчета въ своихѣ новыхѣ, смѣшенныхѣ, темныхѣ чувстввахѣ. Воображеніе представляло ей чудеса. На примѣрѣ, часто казалось ей, (не только во снѣ, но даже и наяву) что передѣ нею, въ мерцаніи опдаленной зари, носилсѣ какой-то образѣ, прелестной, милой призракѣ, копорой маниѣ ее къ себѣ Ангельскою улыбкою, и по томѣ исчезаеѣ въ воздухѣ. *Ахѣ!* восклицала Напалья, и просперпыя руки еѣ медленно опускались къ землѣ. Иногда же воспаленнымѣ мыслямѣ еѣ представлялся огромный храмѣ, въ копорой тысячи людей, мушинѣ и женщинѣ, спѣшили съ радостными лицами, держа другѣ друга за руку. Напалья хопѣла также войти въ него; но невидимая рука удерживала еѣ за одежду, и неизвѣстный голосѣ говорилѣ ей: *стой въ притворѣ храма; никто безѣ*

милаго друга не входитъ въ его внутренность. — Она не понимала сердечныхъ своихъ движеній; не знала, какъ полковапъ сны свои; не разумѣла, чего желала; но живо чувствовала какой-то недоспапокъ въ душѣ своей, и помилась. — Такъ, красавицы! ваша жизнь съ нѣкоторыхъ лѣтъ не можетъ быть щаслива, естли печетъ она какъ уединенная рѣка въ пустынѣ; а безъ милаго паспушка цѣлой свѣтъ для васъ пустыня, и веселые голоса подругъ, веселые голоса ппичекъ кажутся вамъ печальными опзывами уединенной скуки. Напрасно, обманывая самихъ себя, хопите вы пуспопу души своей наполнивъ чувствами дѣвической дружбы; напрасно избираете лучшую изъ подругъ своихъ въ предметъ нѣжныхъ побужденій вашего сердца! Нѣтъ, красавицы, нѣтъ! сердце ваше желаетъ чего-то другаго: оно хочетъ такого

сердца, которое не приближалось бы къ нему безъ сильнаго претепла; которое вмѣстѣ съ нимъ составляло бы одно чувство, нѣжное, страстное, пламенное — а гдѣ найти его, гдѣ? Конечно не въ Дафнѣ, конечно не въ Хлоѣ, которыя вмѣстѣ въ вами могутъ только горевать, тайно или явно — горевать и крушиться, желая и не находя того, чего вы сами ищете и не находите въ холодной дружбѣ, но что найдете — или въ пропивномъ случаѣ вся жизнь ваша будетъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ — найдете въ тѣни миртовой бесѣдки, гдѣ сидитъ теперь въ уныніи, въ поскѣ милой юноша съ свѣтлоглубыми глазами, и въ печальныхъ пѣсняхъ жалуется на вашу наружную жестокость. — Любезной читатель! проси мнѣ сіе опсупленіе! Не одинъ Спернъ былъ рабомъ пера своего. — Обращимся снова къ нашей повѣсти.

Бабушка моего дѣдушки съ великимъ краснорѣчіемъ описывала грусть нѣжной боярской дочери, можетъ быть отъ того, что она знала ее по собственному своему опыту; но я, покорной ея праправнукъ, весьма ослабилъ копію сего описанія. Чувствую—но пособишь не чѣмъ—и такъ далѣе!

Бояринъ Матвѣй скоро примѣтилъ, что Напалья спала пасмурнѣе; родительское сердце его попревожилось. Онъ спрашивалъ ее съ нѣжною заботливостію о причинѣ такой перемѣны, и наконецъ заключивъ, что дочь его не можетъ, отправилъ нарочнаго гонца къ сполѣпней шепкѣ своей, которая жила въ темнотѣ Муромскихъ лѣсовъ, собирала травы и коренья, обходилась болѣе съ волками и медвѣдями, нежели съ людьми Русскими, и прослыла естли не чародѣйкою, то по крайней мѣрѣ велемудрою спарушкою, искусною въ ле-

ченіи всѣхъ недуговъ человѣческихъ. Бояринъ Мамвѣй описалъ ей всѣ признаки Напальиной болѣзни, и просилъ, чшобы она посредствомъ своего искуссва возврапила внуку своей здравіе, а ему спарикѣ радость и спокойствіе. — Успѣхъ сего посольсва оспаеися въ неизвѣспности; въпрочемъ нѣтъ большой нужды и знашь его. Теперь должны мы приступишь къ описанію важнѣйшихъ приключеній.

Время и въ спарину такъ же скоро лепѣло, какъ нынѣ, и между тѣмъ, какъ наша красавица вздыхала и помилась, годъ перевернулся на оси своей: зеленые ковры весны и лѣта покрылись пушистымъ снѣгомъ; грозная царица хлада возсѣла на ледяной пресполѣ свой, и дохнула вьюгами на Руское царство; по еспѣ, зима наступила, и Напалья по своему обыкновенію пошла однажды къ обѣднѣ. Помолившись съ усердіемъ, она ненарочно

обрапила глаза свои къ лѣвому кры-
лосу — и что же увидѣла? Прекра-
сной, молодой человѣкъ, въ голу-
бомъ кафтанѣ съ золотыми пуго-
вицами, споялъ шамъ какъ царь сре-
ди всѣхъ прочихъ людей, и блестя-
щій, проницательный взоръ его
вспрѣшилъ съ ея взоромъ. Напалья
въ одну секунду вся покраснѣлась,
и сердце ея, запрепепавъ сильно,
сказало ей: *вотъ онъ!* . . . Она по-
шупила глаза свои, но не надолго;
снова взглянула на красавца, снова
запылала въ лицѣ своемъ, и снова
запрепепала въ своемъ сердцѣ. Ей
казалось, что любезной призракъ,
копорой ночью и днемъ прельщаль
ея воображеніе, былъ ничто иное,
какъ образъ сего молодого человѣ-
ка — и потому она смотрѣла на
него какъ на своего милаго знаком-
ца. Новой свѣтъ возсіялъ въ душѣ
ея, какъ будто бы пробужденной
явленіемъ солнца, но еще не при-
шедшей въ себя послѣ многихъ не-

связныхъ и замѣшанныхъ сновидѣній, волновавшихъ ее въ печеніе долгой ночи. „И такъ—думала Напашья—и такъ подлинно естъ на свѣтѣ такой милой красавецъ, такой человекъ,—такой прелестной юноша? . . . Какой ростъ! какая осанка! какое бѣлое, румяное лице! А глаза, глаза у него какъ молніи; я, робкая, боюсь глядѣть на нихъ. Онъ на меня смоприпѣ, смоприпѣ очень приспально—даже и тогда, когда молился. Конечно и я знакома ему; можетъ быть и онъ, подобно мнѣ, грустилъ, вздыхалъ, думалъ, думалъ и видѣлъ меня,—хотя темно, однакожь видѣлъ, такъ какъ я видѣла его въ душѣ моей.“

Чишатель долженъ знать, что мысли красныхъ дѣвушекъ бываютъ очень быстры, когда въ сердцѣ у нихъ начинается то, чего онъ долго не называютъ именемъ, и что Напашья въ сіи ми-

нушы чувспвовала. Обѣдня показала-
лась ей очень корошка. Няня де-
сять разъ дергала ее за камчашную
тѣлогрѣю, и десять разъ говорила
ей: *пойдемъ, барышня; все кончи-*
лось. Но барышня все еще не про-
галась съ мѣста, для того что и
прекрасной незнакомецъ споялъ
какъ вкопаной подлѣ лѣваго крыло-
са; они посмапривали другъ на дру-
га, и пихонько вздыхали. Сія нѣ-
мая сцена продолжалась нѣсколько
минутъ; но спарая мама, по сла-
бости зрѣнія своего, ничего не ви-
дала, и думала, что Напалья чи-
таетъ про себя молитвы и для
того нейдетъ изъ церкви. Нако-
нецъ дьячекъ загремѣлъ ключами:
тутъ красавица опомнилась, и ви-
дя, что церковь хотятъ запирашь,
пошла къ дверямъ; а за нею и мо-
лодой человекъ — она на лѣво, онъ
на право. Напалья раза два обспу-
пилась; раза два роняла платокъ,
и должна была ворочаться назадъ;

незнакомецъ управлялъ кушакъ свой, споялъ на одномъ мѣстѣ, смотрѣлъ — на красавицу, и все еще не надѣвалъ бобровой шапки своей, хопя на дворъ было холодно.

Напалья пришла домой, и ни о чемъ больше не думала, какъ о молодомъ человѣкѣ въ толубомъ кафтанѣ съ золопыми пуговицами. Она была не печальна, однако жъ и не очень весела, подобно такому чело-вѣку, который наконецъ узналъ, въ чемъ состоипѣ его блаженство, но имѣетъ еще слабую надежду имъ насладипься. За обѣдомъ она не ѣла, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ — ибо для чего не сказать намъ прямо и просто, что Напалья влюбилась въ незнакомца? „Въ одну мину? —“ (скажетъ чипапель:) „увидѣвъ въ первой разѣ, и не слы-хавъ отъ него ни слова?“ Милоспи-вые государи! я рассказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣ-вайтесь въ испинѣ; не сомнѣвай-

песь вѣ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣришь симпатіи, пошѣ поди отъ насъ прочь, и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру!—

Когда Бояринъ Матвѣй послѣ обѣда заснулъ — (не на Вольперскихъ креслахъ, такъ какъ нынѣ спялъ бояре, а на широкой дубовой лавкѣ)— Напалья пошла съ нянею вѣ свѣплицу свою, сѣла подъ любимымъ окномъ, вынула изъ кармана бѣлой плапокъ, хотѣла что-то сказать, но раздумала—взглянула на окончины, расписанныя морозомъ —оправила жемчужную повязку на головѣ своей, и попомъ, смотря себѣ на колѣни, тихимъ и немного дрожащимъ голосомъ спросила у няни, каковъ показался ей молодой человекъ, бывшій у обѣдни? Спа-

рушка не понимала, о комъ говоришь она. Надлежало изъясниться; но легко ли это для спыдливой дѣвушки? *Я говорю о томъ*, продолжала Напалья — *о томъ*, которой — которой былъ всѣхъ лучше. Няня все еще не понимала, и красавица принуждена была сказать, что онъ споялъ подлѣ лѣваго крылоса, и вышелъ изъ церкви за ними. „Я не примѣпила его“ — холодно отвѣчала старушка, и Напалья пихонько пожала прекрасными своими плечиками, удивляясь, какъ можно было его не примѣпить!

На другой день Напалья пришла всѣхъ ранѣе къ обѣднѣ, и вышла всѣхъ позже изъ церкви; но красавица въ голубомъ кафтанѣ шамъ не было — на прерпій день также не было, и чувствительная Боярская дочь не хотѣла ни пить ни ѣсть, переспала спать и насилу ходить могла, однако жь спаралась тайно

внутреннее свое мучение какъ опѣ
 родишеля, такъ и опѣ няни. Только
 по ночамъ лились слезы ея на
 мягкое изголовье. „Жестокой! (ду-
 мала она) жестокой! за чѣмъ скры-
 ваешься опѣ глазъ моихъ, копо-
 рые тебя всеминутно ищутъ: Раз-
 вѣ ты хочешь безвременной смер-
 ти моей? Я умру, умру—и ты не
 выронишь ни слезки на гробъ зло-
 щасной!“ — Ахъ! для чего самая
 нѣжнѣйшая, самая пламеннѣйшая
 изъ спрасей родится всегда съ
 горестію? ибо какой влюбленной не
 вздыхаетъ, какой влюбленной не
 поскуетъ въ первые дни спраси
 своей, думая, что его не любятъ
 взаимно!

На четвертой день Напалья
 опять пошла къ обѣднѣ, не смот-
 ря ни на слабость свою, ни на же-
 стой морозъ, ни на то, что Бо-
 яринъ Матвей, примѣпивъ нака-
 нунъ необыкновенную блѣдность
 на лицѣ ея, просилъ ее беречь

себя и не выходить со двора въ холодное время. Еще никого не было въ церкви. Красавица, стоя на своемъ мѣстѣ, смотрѣла на двери. Вошелъ первой человекъ—не онъ! вошелъ другой—не онъ! третій, четвертой—все не онъ! вошелъ пятой, и всѣ жилки задрожали въ Напальѣ—это онъ, тотъ красавецъ, котораго образъ навсегда въ душѣ ея впечатлѣлся! Отъ сильнаго внутренняго волненія она едва не упала, и должна была опереться на плечо няни своей. Незнакомецъ поклонился на всѣ четыре стороны, а ей особливо, и припомъ гораздо ниже и почтительнѣе, нежели прочимъ. Томная блѣдность изображалась на его лицѣ, но глаза его сіяли еще свѣтлѣе прежняго; онъ смотрѣлъ почти безпрестанно на прелестную Напалью (которая отъ нѣжныхъ чувствъ спала еще прелестнѣе), и вздыхалъ такъ неосторожно, что

она примѣшила движеніе груди его, и не взирая на свою скромность, угадывала причину. Любовь, надеждою оживляемая, алѣла въ сію минушу на щекахъ милой нашей красавицы; любовь сіяла въ ея вѣкахъ; любовь билась въ ея сердцѣ; любовь подымала руку ея, когда она крѣпилась. — Часъ обѣдни былъ для нее одною блаженною секундою. Всѣ спали выходивъ изъ церкви; она вышла послѣ всѣхъ, а съ нею и молодой человекъ. Вмѣсто того, чѣмбы иппи опять въ другую сторону, онъ пошелъ уже слѣдомъ за Напальею, копорая поглядывала на него и черезъ правое и черезъ лѣвое плечо свое. Чудное дѣло! любовники никогда не могутъ насмотрѣться другъ на друга, подобно какъ алчной корысполубецъ не можетъ никогда насытиться золопомъ. — У воропѣ Боярскаго дому Напалья въ послѣдній разъ взглянула на красавца, и нѣжнымъ взоромъ сказала

ему : *прости , милой незнакомецъ !*
 Калипка хлопнула, и Напальѣ по-
 слышалось , что молодой человекъ
 вздохнулъ ; по крайней мѣрѣ она
 сама вздохнула. — Спарушка няня
 была на сей разъ примѣпливѣе и
 не дожидавшись еще ни слова отъ
 Напальи, начала говорить о незна-
 комомъ красавцѣ , копорой прово-
 жалъ ихъ отъ церкви. Она хвалила
 его съ великимъ жаромъ; доказыва-
 ла, что онъ похожъ на ея покойна-
 го сына ; не сомнѣвалась въ знап-
 номъ родѣ его, и желала барышнѣ
 своей такого супруга. Напалья ра-
 довалась, краснѣлась, задумывалась,
 отвѣчала: *да! нѣтъ!* и сама не зна-
 ла, что отвѣчала.

На другой , на претпій, на чет-
 вертой день опять ходиликъ обѣднѣ;
 видѣли, кого видѣшь желали — воз-
 вращались домой, и у воротъ гово-
 рили нѣжнымъ взоромъ : *прости !*
 Но сердце красной дѣвушки естъ
 удивительная вещь : чѣмъ оно до-

вольно нынѣ, шѣмѣ не довольно завпра—все болѣе и болѣе, и желаніямѣ конца нѣтъ. Такимѣ образомѣ и Напальѣ показалось уже мало того, чѣобы смотрѣть на прекраснаго незнакомца, и видѣть нѣжность въ глазахѣ его; ей захотѣлось слышать его голосѣ, взять его за руку, бытъ поближе къ его сердцу, и проч. Что дѣлать? какѣ бытъ? Такія желанія искоренятъ трудно; а когда они не исполняются, красавицѣ бываетѣ грустно.—Напалья опять принялась за слезы. Судьба, Судьба! уже ли ты не сжалишься надѣ нею? Уже ли захочешь, чѣобы свѣтлые глаза ея опѣ слезѣ померкли?—Посмотримѣ, что будетѣ.

Однажды передѣ вечеромѣ, когда Боярина Машвѣя не было дома, Напалья увидѣла въ окно, что калишка ихѣ распворилась—вошелѣ человекѣ въ голубомѣ кафтанѣ, и работа выпала изѣ рукѣ Напальи-

ныхъ — ибо сей человекъ былъ прекрасной незнакомецъ. Няня! сказала она слабымъ голосомъ: кто это? Няня посмотрѣла, улыбнулась и вышла вонъ.

„Онъ здѣсь! няня усмѣхнулась; пошла къ нему, вѣрно къ нему — ахъ, Боже мой! что будетъ?“ думала Напалья, смотрѣла въ окно и видѣла, что молодой человекъ вошелъ уже въ сѣни. Сердце ея лепетало къ нему на встрѣчу; но нѣкоторая робость говорила ей: *останься!* Красавица повиновалась сему послѣднему голосу, только съ мучительнымъ принужденіемъ, съ великою поскою: ибо всего несноснѣе пропивишься влеченію своего сердца. Она вставала, ходила, бралась за то и за другое, и четверть часа показалась ей годомъ. Наконецъ дверь распворилась, и скрипъ ея потрясъ Напальину душу. Вошла няня — взглянула на барышню, улыбнулась, и — не сказала ни

слова. Красавица также не начинала говорить, и только однимъ робкимъ взоромъ спрашивала: *что, няня? что?* Спарушка какъ будто бы веселилась ея смущеніемъ, ея неперпѣніемъ — долго молчала и спустя уже нѣсколько минутъ, сказала ей: „знаешь ли, барышня, что эпотъ молодой человекъ боленъ?“ — *Боленъ? глѣбъ?* спросила Напалья, и цвѣтъ въ лицѣ ея перемѣнился. — „Очень боленъ, продолжала няня: у него такъ болитъ сердце, что бѣдной не можетъ ни пить ни ѣсть, блѣденъ какъ полошно, и насилу ходитъ. Ему сказали, что у меня есть лекарство на эту болѣзнь, и для того онъ прибѣлъ ко мнѣ, плачетъ горькими слезами, и проситъ, чтобы я помогла ему. Повѣришь ли, барышня, что у меня слезы на глазахъ навернулись? Такая жалость!“ — Чпо же, няня? дала ли ты ему лекарство? — „Нѣтъ; я велѣла подождать.“ —

Подождать? гдѣ?—, „Въ нашихъ сѣ-
няхъ.“— Можно ли? Тамъ превели-
кой холодъ; со всѣхъ сторонъ не-
сешь, а онъ боленъ!—, „Чтожь мнѣ
дѣлать? Внизу у насъ такой чадъ,
что онъ можетъ утробить до смер-
ти: куда жь его ввести, пока изго-
товлю лекарство? Развѣ сюда?
Развѣ прикажешь ему войти въ пе-
ремъ? Это будетъ доброе дѣло, ба-
рышня; онъ человѣкъ честной —
спасетъ за тебя Богу молишься,
и никогда не забудетъ твоей ми-
лости. Теперь же бабюшки нѣтъ
дома — сумерки, темно — никто
не увидитъ, и бѣды никакой нѣтъ:
вѣдь только въ сказкахъ мушкетеры
бываютъ страшны для красныхъ
дѣвушекъ! Какъ думаешь, судары-
ня?“ Напалья (не знаю, отъ чего)
дрожала, и прерывающимся голо-
сомъ обѣщала ей: *я думаю. . . .*
какъ хочешь. . . . ты лучше моего
знаешь. Тутъ няня отворила дверь
— и молодой человѣкъ бросился къ

ногамъ Напальинымъ. Красавица ахнула, и глаза ея на минушу закрылись; бѣлыя руки повисли, и голова приклонилась къ высокой груди. Незнакомецъ осмѣлился поцѣловать ея руку, въ другой, въ третій, четвертой разъ — потомъ осмѣлился поцѣловать красавицу въ розовыя губы, въ другой, въ третій, четвертой разъ, и съ такимъ жаромъ, что мама испугалась, и закричала: *баринъ! баринъ! помни уговоръ!* Напалья открыла черные глаза свои, которые прежде всего вспрѣпились съ черными глазами незнакомца, ибо они въ сію минушу были къ нимъ всего ближе; и въ тѣхъ и въ другихъ изображались пламенные чувства, любовію кипящее сердце. Напалья съ прудомъ могла приподнять голову, чтобы вздохомъ облегчить грудь свою. Тогда молодой человекъ началъ говорить — не языкомъ романовъ, но языкомъ истинной чув-

спвипельности; сказалъ простыми, но нѣжными, спрашными словами, что онъ увидѣлъ и полюбилъ ее, полюбилъ такъ, что не можетъ быть щасливъ и не хочетъ жить безъ взаимной любви ея. Красавица молчала; только сердце и взоры ея говорили — но недовѣрчивой незнакомецъ желалъ еще словеснаго подтвержденія, и споя на колѣняхъ, спросилъ у нее: „Напалья, прекрасная Напалья! любишь ли меня? Твой отвѣтъ рѣшитъ судьбу мою: я могу быть щасливѣйшимъ человекомъ на свѣтѣ, или шумящая Москва - рѣка будетъ гробомъ моимъ.“ — „Ахъ барышня! сказала жалоспливая няня: отвѣчай скорѣе, что онъ тебѣ нравенъ! Уже ли захочешь ты погубишь его душу?“ — *Ты милъ сердцу моему*, произнесла Напалья нѣжнымъ голосомъ, положивъ руку на плечо его. *Дай Богъ*, примолвила она, поднявъ глаза на небо, и обративъ ихъ снова

на восхищеннаго незнакомца—*дай Богъ, чтобъ я была столько же мила тебѣ!* Они обняли другъ друга; казалось, что дыханіе ихъ оспановилось. Кто видалъ, какъ въ первой разѣ цѣломудренныя любовники обнимаются; какъ въ первой разѣ добродѣтельная дѣвушка цѣлуетъ милаго друга, забывая въ первой разѣ дѣвическую стыдливость: пусть поэтъ и вообразитъ себѣ сію картину; я не смѣю описывать ее,—но она была протѣпательна — самая старая няня, свидѣтельница такого явленія, выронила капли двѣ слезъ и забыла напомнить любовнику объ уговорѣ; но богиня непорочности присупспвовала невидимо въ Напальиномъ перемѣ.

Послѣ первыхъ минутъ нѣмаго воспорга молодой человѣкъ, смотря на красавицу, залился слезами. *Ты платишь?* сказала Напалья нѣжнымъ голосомъ, приклонивъ голову свою къ его плечу.—, „Ахъ! я дол-

женѣ отккрыть тебѣ мое сердце , прелестная Напалья! (*) отвѣчалъ онѣ : оно еще не совершенно увѣрено въ своемъ щаспїи.“—*Чтожь ему надобно?* спросила Напалья , и съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣпа. —,,Обѣщай , что ты исполнишь мое пребываніе.“—*Скажи , скажи ; что такое? Исполню , все сдѣлаю , что велишь мнѣ!*—,,Въ нынѣшнюю ночь , когда зайдеиъ мѣсяцъ — въ то время , какъ поюиъ первые пѣшухи — я приѣду въ саняхъ къ вашимъ воротамъ; ты должна ко мнѣ выпши и ѣхати со мною: вотъ чего отъ тебя пребую!“—*Ѣхати? въ нынѣшнюю ночь? куда?*—,,Сперва въ церковь , гдѣ мы обвѣнчаемся; а по

(*) Читапелъ догадается , что старинные любовники говорили не совсѣмъ такъ , какъ здѣсь говорятъ они; но тогдашняго языка мы не могли бы теперь и понимать. Надлежало только нѣкоторымъ образомъ поддѣлаться подъ древній колоритъ.

помѣшуда, гдѣ я живу.“ — Какъ?
 безъ вѣдома отца моего? безъ его
 благословенія? — „Безъ его вѣдома,
 безъ его благословенія, или я по-
 гибѣ!“ — Боже мой! . . . Сердце у
 меня замерло. Уѣхать тихонько изъ
 дому родительскаго! Что же бу-
 детъ съ батюшкою? Онъ умретъ съ
 горя, и на душѣ моей останется
 страшной грѣхъ. Милой другъ! для
 чего намъ не броситься къ ногамъ
 его? Онъ полюбитъ тебя; благосло-
 витъ, и самъ отпуститъ насъ въ
 церковь. — „Мы бросимся къ ногамъ
 его, но черезъ нѣкоторое время. Те-
 перь онъ не можетъ согласиться
 на бракъ нашъ. Самая жизнь моя бу-
 детъ въ опасности, когда меня узна-
 ютъ.“ — Когда тебя узнаютъ?
 тебя, милаго душѣ моей? . . . Боже
 мой! какъ люди злы, если ты
 говоришь правду! Только я не могу
 повѣрить. Скажи мнѣ, какъ тебя зо-
 вутъ? — „Алексѣемъ.“ — Алексѣ-
 емъ? Я всегда любила это имя.

Что жь бѣды, естли тебя узнаютъ?
 — „Все будетъ тебѣ извѣстно, ко-
 гда ты согласишься сдѣлать меня
 щаспливымъ. Прелесная, милая
 Напалья! время проходишь; мнѣ не
 лзя быть долѣе съ тобою. Чтобы
 родитель твой, котораго я самъ
 люблю и почиаю за добрыя дѣла
 его—чтобы родитель твой не со-
 крушался и не почиалъ дочери сво-
 ей погибшею, я напишу къ нему
 письмо, и увѣдомлю, что ты жи-
 ва, и что онъ можетъ скоро уви-
 дѣть тебя. Скажи, скажи, чего ты
 хочешь: жизни моей или смер-
 ти?“—При сихъ словахъ, произне-
 сенныхъ твердымъ голосомъ, онъ
 вспалъ, и смотрѣлъ огненными,
 пламенными глазами на красавицу.
 „Ты меня спрашиваешь?“ сказала
 она съ чувствительностію: „развѣ
 я не обѣщала тебѣ повиноваться?
 Съ самаго младенчества привыкла
 я любить моего родителя, попому
 что и онъ любитъ меня, очень,

очень любишь—(пусть Напалья об-
терла платкомъ слезы свои, копо-
рыя одна за другою капали изъ глазъ
ея)—тебя знаю не давно, а люблю
еще больше, нежели его; какъ это
случилось, не знаю.“ — Алексѣй
обнялъ ее съ новымъ восхищеніемъ,
снялъ золотой перстень съ руки
своей, надѣлъ его на руку Напальѣ,
сказалъ: *ты моя!* и скрылся какъ
молнія. Старушка няня проводила
его со двора.

Кто будетъ обвинять Напалью;
кто будетъ порицать ее за то,
что она, видѣвъ только раза при
молодаго человѣка, и услышавъ отъ
него нѣсколько пріятныхъ словъ,
вдругъ рѣшилась бѣжать съ нимъ
изъ родительскаго дому, не зная,
куда — поручить судьбу свою не-
знакомому человѣку, котораго, по
собственнымъ рѣчамъ его, можно
было считать подозрительнымъ—а
что всего болѣе, оставивъ такого
добраго, чувствительнаго, нѣжнаго

опца: попѣ не знаетѣ, что есть любовь; не знаетѣ ея всемогущества. Ахѣ! она можетѣ сдѣлать преступникомѣ самого добродѣтельнѣйшаго человѣка! И кто, любивѣ пламенно въ жизни своей, не поступилѣ ни въ чемѣ пропивѣ снрогой нравственности: попѣ—щасливѣ! щасливѣ пѣмѣ, что спроситѣ его не была въ пропивоположности съ добродѣтелию—иначе послѣдняя признала бы слабость свою, и слезы щечнаго раскаянiя полились бы рѣкою. Лѣпописи человеческого сердца увѣряютѣ насѣ въ сей печальной истинѣ.

Что принадлежитѣ до няни, то молодой человѣкѣ (послѣ того, какѣ онѣ увидѣлѣ Напалью въ церкви) нашелѣ способѣ переговоритѣ съ нею и склонилѣ ее на свою спороную разными пышными обѣщанiями и подарками. Увы! кого не ослѣпляетѣ серебро и золото, а особливо подѣ спарость, когда корысто-

любіе бываєтѣ главною спраспїю челоуѣка! Спарушка забыла то, что она болѣе сорока лѣтъ служи- ла безпорочно и вѣрно въ домѣ Бо- ярина Матвѣя — забыла и продала себя незнакомцу. Однакожь, по оспашку чеспноспи, взяла съ него слово женихся на прекрасной На- палѣ, и до того времени не упо- треблять во зло ея любви и невин- носпи.

Напалѣ, по уходѣ своего любов- ника, спояла нѣсколько минутъ не- подвижно; на лицѣ ея видны были знаки сильныхъ душевныхъ дви- женій, но не сомнѣнія, не колебле- моспи — ибо она уже рѣшилась! и хопя тихой голосъ изъ глубины сердца, какъ будто бы изъ опдален- ной пещеры, спрашивалъ ее: *что ты дѣлаешь, безразсудная?* но дру- гой голосъ, тораздо сильнѣйшій, въ томъ же самомъ сердцѣ опвѣчалъ за нее: *люблю!*

Няня возвратилась успокоивъ
VI.

Напалю , говоря ей , что она будетъ супругою молодого красавца , и что жена , по самому закону , должна все оставитьъ и все забыть для мужа своего. — „Забыть?“ перервала Напалю , вслушавшись въ послѣднія слова: „нѣтъ! я буду помнить моего родителя , буду всякой день объ немъ молиться. Къ тому же онъ сказалъ , что мы скоро бросимся къ ногамъ бапюшкинымъ — не такъ ли , няня?“ — *Конечно , барышня!* отвѣчала спарушка: *а что онъ сказалъ , то будетъ.* — „Вѣрно будетъ!“ сказала Напалю , и лице ея спало веселѣе.

Бояринъ Маввѣй возвратился домой поздно , и думая , что дочь его уже спитъ , не зашелъ къ ней въ перемѣ. Полночь приближалась — Напалю думала не обо снѣ , а объ миломъ другѣ , которому навѣки отдавала она сердце свое , и котораго съ нетерпѣніемъ ожидала къ себѣ. Еще мѣсяцъ сіялъ на небѣ — мѣ-

сяцѣ , котрымѣ прежде глаза ея всегда веселились ; теперѣ онѣ спалѣ ей непріятенѣ ; теперѣ думала красавица : „Какѣ медленно капишься ты по круглому небу! Зайди скорѣе, мѣсяцѣ свѣплый! Онѣ , онѣ прїѣдетѣ за мною , когда ты сокроешься!“ — Луна опустилась — уже часѣ ея зашла за кругѣ земной — мракѣ вѣ воздухѣ сгустился — пѣшухи запѣли — мѣсяцѣ исчезѣ , и серебрянымѣ кольцомѣ брякнули вѣ Боярскія воропа. Напалья вздрогнула. *Ахѣ, няня! бѣги, бѣги скорѣе; онѣ прїѣхалѣ!* — Черезѣ минуѣ явился молодой человекѣ , и Напалья бросилась вѣ его объятїя. Вошѣ письмо кѣ своему родителю, — сказалѣ онѣ , показавѣ бумагу. — „Письмо кѣ моему родителю? Ахѣ! прочти его! я хочу слышать , что ты написалѣ.“ — Молодой человекѣ развернулѣ бумагу , и прочиталѣ слѣдующїя строки : „Я люблю милую дочь твою болѣе всего на

„свѣтъ—ты не согласишься бы оп-
 „дать ее за меня—она ѣдетъ со
 „мною—прости насъ!—любовь все-
 „го сильнѣе—можетъ быть со
 „временемъ я буду достоинъ на-
 „зыватья зятемъ твоимъ.“ —

Напалья взяла письмо, и хотя не
 умѣла читать, однакожь смотрѣла
 на него, и слезы лились изъ глазъ
 ея. „Напиши, сказала она, напиши
 еще, что я прошу его не плакать,
 не крушиться, и что эта бумага
 мокра отъ слезъ моихъ; напиши,
 что я не вольна сама въ себѣ, и
 чтобы онъ или забылъ или про-
 стилъ меня.“

Молодой человекъ вынулъ изъ
 кармана перо и чернилицу—напи-
 салъ, что говорила Напалья, и отпра-
 вилъ письмо на сполъ. По томъ
 красавица, надѣвъ лисью шубу свою,
 помолившись Богу, взявъ съ собою
 тотъ образъ, которымъ благосло-
 вила ее покойная мать, и подавъ
 руку щастливому любовнику, вы-

шла изъ перема, сошла съ высокаго крыльца, со двора, — взглянула на родишельской домъ, обперла послѣднія слезы, сѣла въ сани, прижалась къ милому, и сказала: *вези меня, куда хочешь!* Кучеръ ударилъ по лошадамъ, и лошади помчались; но вдругъ раздался жалобной голосъ: *меня покинули, меня бѣдную, несчастную!* Молодой человекъ оглянулся и увидѣлъ бѣгущую няню, копорая оспавалась на минушю въ свѣплицѣ, чпобы прибрапъ нѣкоторыя изъ драгоцѣнныхъ Напальиныхъ вещей, и копорую наши любовники совсѣмъ было-забыли. Лошадей удержали, посадили спарушку, снова поскакали, и черезъ четверть часа выѣхали изъ Москвы. На правой споронѣ дороги, вдали, свѣпился огонекъ: шуда поворопили, и Напалья увидѣла деревянную, низенькую церковь, занесенную снѣгомъ. Алексѣй—(читапель не забылъ имени молодаго человека)—

Алексѣй ввелъ любовницу свою во внутренность сего вѣсхаго храма (конечно не похожаго на попѣ, которой представлялся Наспаль во снѣ; но такъ юное воображеніе украшаетъ всѣ предметы!) храма, освѣщеннаго одною маленькою, слабо-горящею лампадою. Тамъ встрѣтилъ ихъ старой священникъ, согбенный бременемъ лѣтъ, и дрожащимъ голосомъ сказалъ имъ: „я долго ждалъ васъ, любезныя дѣти! Внукъ мой уже заснулъ.“ Онъ разбудилъ мальчика, въ углу церкви спавшаго; поставилъ любовниковъ передъ налой и началъ ихъ вѣнчать. Мальчикъ чинилъ, пѣлъ, что надобно; съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха и невѣсту, и дрожалъ при всякомъ порывѣ вѣтра, копорой шумѣлъ въ худое окно церкви. Алексѣй и Наспаль молились усердно, и произнося обѣщанія свои, смотрѣли другъ на друга съ умиленіемъ и сладкими слезами. По совершеніи

обряда престарѣлый священникъ сказалъ новобрачнымъ: *Я не знаю и не спрашиваю, кто вы; но именемъ великаго Бога, Котораго намъ и мракъ нощи и шумъ бури проповѣдуетъ — (въ сіе мгновеніе спрашно зашумѣлъ въперѣ) — именемъ Мепостижимаго, ужаснаго для злыхъ, для добрыхъ милосердаго, обѣщаю вамъ благоденствіе въ жизни, естли вы будете всегда любить другъ друга; ибо любовь супружеская есть любовь святая, Божеству пріятная, и кто соблюдаетъ ее въ чистомъ сердцѣ — въ нечистомъ же она жить не можетъ — тотъ пріятенъ Всевышнему. Грядите съ миромъ, и помните слова мои!* Новобрачные приняли благословеніе отъ старца, поцѣловали съ почпеніемъ руку его, поцѣловали другъ друга, вышли изъ церкви и поѣхали.

Въперѣ заносилъ дорогу; но рѣзвые кони лепѣли какъ молнія — ноздри ихъ дымились, паръ вился

сполбомъ , и пушистой снѣгъ опѣ
 копытѣ ихъ подымался вверхъ об-
 лаками. Скоро пупешественники
 наши вѣѣхали вѣ темноту лѣса ,
 гдѣ совсѣмъ не было дороги. Спа-
 рушка няня дрожала опѣ страха ;
 но прекрасная Напалья , чувствуя
 подлѣ себя милаго друга, ничего
 не боялась. Молодой супругъ оп-
 водилъ рукою всѣ вѣпъви и сучья,
 копорые грозили уколотъ бѣлое
 лице супруги его. Онъ держалъ ее
 вѣ своихъ объятіяхъ, когда сани о-
 пускались во глубину сугробовъ, и
 жаркими поцѣлуями удалялъ холодъ
 опѣ нѣжныхъ розъ, копорыя цвѣли
 на устахъ ея. Около чепырехъ ча-
 совъ ѣздили они по лѣсу, пробира-
 ясь сквозь ряды высокихъ деревъ.
 Уже лошади начинали утомляться,
 и съ прудомъ выпаскивали ноги
 свои изъ глубинъ снѣжныхъ ; сани
 двигались медленно, и наконецъ На-
 палья, пожалъ руку своего любез-
 наго, тихимъ голосомъ спросила у

него: *скоро ли мы прїѣдемъ?* Алексѣй посмотрѣлъ вокругъ себя, на вершины деревъ, и сказалъ, что жилище его не далеко. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ выѣхали они на узкую равнину, гдѣ стоялъ маленькой домикъ, обнесенной высокимъ заборомъ. На встрѣчу къ нимъ вышли пять или шесть человекъ съ пучками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, копорые висѣли у нихъ на кушакахъ. Спарушка няня, видя сіе дикое, уединенное жилище, посреди непроходимаго лѣса; видя сихъ вооруженныхъ людей и примѣтивъ на лицахъ ихъ нѣчто суровое и свирѣпое, пришла въ ужасъ, сплеснула руками и закричала: *ахти! мы погибли! мы въ рукахъ—у разбойниковъ!*

Теперь могъ бы я представишь спрашную карпину глазамъ чипапелей—прельщенную невинность, обманутую любовь, несчастную красавицу во власни варваровъ, убійцъ

— женою атамана разбойниковъ , свидѣтельницаю ужасныхъ злодѣйствъ, и наконецъ , послѣ мучительной жизни , издыхающую на эшафотѣ подъ сѣкирою правосудія, въ глазахъ несчастнаго родителя ; могъ бы предсавить все сіе вѣро- янымъ , естественнымъ , и чувствительной человѣкъ пролилъ бы слезы горести и скорби — но въ такомъ случаѣ я удалился бы отъ исторической истины, на которой основано мое повѣствованіе. Нѣтъ, любезной чипапелъ, нѣтъ ! на сей разъ побереги слезы свои — успокойся — спарушка няня ошиблась — Напалья не у разбойниковъ !

Напалья не у разбойниковъ!... Но кто же сей таинственный молодой человѣкъ, или, говоря языкомъ Осіанскимъ, *сынъ опасности и мрака*, живущій во глубинѣ лѣсовъ? — Прошу чипапъ далѣе.

Напалья попревожилась восклицаніемъ няни, схватила Алексѣя за

руку, и смотря ему въ глаза съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, но съ полною довѣренностію къ любимцу души своей, спросила: *гдѣ мы?* Молодой человѣкъ взянуль со гнѣвомъ на старушку; по томъ, устремивъ нѣжный взоръ на милую Напалью, отвѣчалъ ей съ улыбкою: *ты у добрыхъ людей — не бойся!* Напалья успокоилась; ибо попъ, кого она любила, велѣлъ ей успокоиться!

Вошли въ домикъ, раздѣленной на двѣ половины. „Здѣсь живутъ люди мои (сказалъ Алексѣй, указывая на право) а здѣсь я.“ Въ первой горницѣ висѣли мечи и бердыши, шишаки и панцыри, а въ другой спояла высокая кроватъ, и передъ иконою Богоматери горѣла лампада. Напалья шупъ же поспавила и свой образъ; помолилась, и взглянувъ умильно на Алексѣя, низехонько поклонилась ему какъ хозяину въ домъ. Молодой супругъ

снялъ съ красавицы лисью шубу, дыханіемъ своимъ опогрѣлъ ея руки, посадилъ ее на дубовую лавку, смотрѣлъ на прелесную, и плакалъ отъ радости. Милая Напалья вмѣстѣ съ нимъ плакала: ибо нѣжность и щастіе имѣющіе также слезы свои...

Красавица забыла свое любопытство, или, лучше сказать, она совсѣмъ не имѣла его, зная то, что милый душѣ ея не можетъ быть дурнымъ человекомъ. Ахъ! если бы всѣ люди, сколько ихъ было тогда въ Рускомъ царствѣ, въ одинъ голосъ сказали Напальѣ: *Алексѣй злодѣй!* она бы съ тихой улыбкою отвѣчала имъ: *нѣтъ! ... сердце мое знаетъ его лучше, нежели вы; сердце мое говоритъ, что онъ всѣхъ любезнѣе, всѣхъ добрѣе. Я васъ не слушаю.*

Но Алексѣй самъ говоритъ началъ. „Любезная Напалья! сказалъ онъ: тайна жизни моей должна шебѣ

открыться. Воля Всевышняго соединила насъ навѣки ; ничто уже не можетъ разорвать союза нашего. Супругъ не долженъ ничего скрывать отъ супруги своей. И такъ знай, что я сынъ несчастнаго Боярина Любославскаго“ — — —
Сынъ Любославскаго? Возможно ли? Батюшка сказывалъ мнѣ , что онъ пропалъ безъ вѣсти. — „Его уже нѣтъ на свѣтѣ! Выслушай. — Ты не помнишь , но конечно слыхала о тѣхъ волненіяхъ и бунтахъ , копорые лѣтъ за тринадцать передъ симъ возмущали спокойствіе нашего царства. Нѣкоторые изъ знаменѣйшихъ честлюбивыхъ Бояръ воспали противъ законной власпи юнаго Государя: но скоро гнѣвъ Божеской наказалъ мятежниковъ — разсѣялись какъ прахъ многочисленныя ихъ сообщники , и кровь главныхъ бунтовщиковъ пролилась на лобномъ мѣстѣ. Родитель мой по нѣкоторому подозрѣнію , но совер-

шенно ложному, взятъ былъ подѣспражу. Онъ имѣлъ непріятелей, которые хотѣли его погубить; представили доказательства мнимой его измѣны и согласія съ мятежниками; отецъ мой клялся въ своей невинности, но обвинительства осуждали его, и рука вышняго судіи готова была подписать ему смерть... надежда исчезала въ душѣ невиннаго — одинъ Всевышній могъ спасти его — и спасъ. Вѣрный другъ отворилъ ему дверь темницы — и родителю мой скрылся, взявъ съ собою самыхъ усерднѣйшихъ слугъ и меня, двѣнадцатилѣтняго сына своего. Въ предѣлахъ Росіи не было для насъ безопасности: мы удалились въ ту страну, гдѣ рѣка Свѣга вливается въ величественную Волгу, и гдѣ многочисленные народы поклоняющіяся лжепророку Магомету — народы суевѣрные, но страннoлюбивые. Они приняли насъ дружески, и мы около десяти лѣтъ

жили съ ними; не имѣли ни въ чемъ недоспапка, но безпрестанно горевали о своемъ опечесствѣ; сидѣли на высокомъ берегу Волги, и смотря на ея волны, несущіяся отъ спранъ Россійскихъ, проливали жаркія слезы; всякая ппица, летѣвшая съ запада (*), казалась намъ милѣе; всякую ппицу, на западъ летѣвшую, провожали мы глазами и — вздохами. — Между тѣмъ отецъ мой ежегодно посылалъ въ Москву пайнаго гонца, и получалъ письма отъ своего друга, копорыя всегда подавали ему надежду, что невинность наша рано или поздно опкроется, и что мы съ честію можемъ возвратиться въ опечесство. Но скорбь изсушила сердце моего родишеля; силы его исчезали, и глаза покрывались густымъ мракомъ. Безъ ужаса чувствовалъ онъ приближеніе конца своего — благосло-

(*) То есть, отъ Россіи.

вилъ меня—и сказавъ: *Богъ и другъ нашъ не оставятъ тебя*, умеръ въ моихъ объятіяхъ. Не буду говорить тебѣ о горести бѣднаго сироты; нѣсколько мѣсяцевъ глаза мои не просыхали.—Я увѣдомилъ друга нашего о моемъ несчастіи: въ отвѣтъ своемъ, изъясняя душевную скорбь о кончинѣ невиннаго спрадальца, умершаго въ странѣ иноплеменныхъ, и погребеннаго въ землѣ не Христіанской, сей благодѣтельный другъ звалъ меня въ Россію. „Верспахъ въ 40 отъ Москвы „(писалъ онъ), въ дремучемъ, непроходимомъ лѣсу, построилъ я уединенный домикъ, неизвѣстный никому, кромѣ меня и надежныхъ людей моихъ. Тамъ будешь ты жишь до времени въ совершенной безопасности. Посланный знаетъ сіе мѣсто.“—Я изъяснилъ благодарность мою госпепріимнымъ жителямъ Волжскихъ береговъ; простился съ зеленою могилою роди-

пеля моего; поцѣловалъ и оросилъ
 слезою каждый цвѣточикъ, каждую
 травку, на ней распускающую; возвра-
 тился съ вѣрными слугами въ пре-
 дѣлы Россіи, облобызалъ опечесп-
 венную землю—и въ густомъ тем-
 наго лѣса, на узкой равнинѣ, нашелъ
 сей пустынный домикъ, гдѣ пы-
 шеперь со мною, любезная Напалья.
 Здѣсь встрѣтилъ меня сѣдой спа-
 рецъ, и сказалъ дрожащимъ голо-
 сомъ: Ты сынъ Боярина Любослав-
 скаго! Господинъ мой, вѣрный другъ
 его—тотъ, кто хотѣлъ быть вто-
 рымъ отцомъ твоимъ, и строилъ для
 тебя сіе жилище—скончался! Но онъ
 помнилъ о сиротѣ при кончинѣ своей.
 Здѣсь найдешь все нужное для жи-
 зни; найдешь сокровища: они твои.
 — Я поднялъ глаза на небо; мол-
 чалъ—и слезы мои капились гра-
 домъ. „Кто будетъ моимъ помощ-
 никомъ? думалъ я: моимъ наслав-
 никомъ? Я одинъ въ свѣтѣ!...
 „Всевышній! Ты, кому поручилъ

VI. 18.

меня родишель мой! не оставь бѣд-
наго!“

„Я поселился въ пустынь; видѣлъ у себя множество серебра и золопа, но ни мало имъ не употреблялся. Черезъ нѣсколько дней захопѣлось мнѣ побывать въ царственномъ градѣ, гдѣ никто не могъ узнать меня. Старой служитель моего благодѣтеля указалъ мнѣ на деревьяхъ разныя мѣшцы, копорыя вели къ большой Московской дорогѣ, и копорыя никому кромѣ насъ не могли быть поняшны. Я увидѣлъ блестящія главы церквей, народное множество, огромные дома, всѣ чудеса царственного града, и радостныя слезы сверкнули въ глазахъ моихъ. Злапыя дни младенчества, дни невинности и забавы, проведенныя мною въ Руской столицѣ, представились моимъ мыслямъ какъ веселое сновидѣніе. Я искалъ нашего бывшаго дому, и нашелъ однѣ пустыя стѣны, въ копорыхъ порхали лепучія

мыши—хладной ужасъ разлился по моей внушренности.

„По помѣ я часпо бывалъ въ Москвѣ, и живалъ тамъ по два и по три дни, останавливаясь въ одной тихой гостинницѣ и называя себя иногороднымъ купцомъ; часпо видалъ Государя, отца народнаго; часпо слышалъ о благодѣянїяхъ родителя моего, когда Бояре, собираясь на площади противъ соборной церкви, рассказывали другъ другу всѣ добрыя и похвальныя дѣла, украшавшія столицу. Возвращаясь въ пустыню, я сражался съ дикими звѣрями, которыхъ мы должны были испреблять для собственной нашей безопасности; но часпо, выпуская изъ рукъ добычу, упadalъ на землю и проливалъ слезы. Вездѣ было мнѣ грустно—въ пустомъ лѣсу и среди народа. Съ горестію ходилъ я по улицамъ царственнаго града, и смотря на людей, которые встрѣчались со мною, ду-

малѣ : Они идутѣ къ роднымѣ и ближнимѣ ; ихѣ дожидаются ; имѣ будутѣ рады — мнѣ итти не къ кому ; меня никто не дожидается ; никто о сиротѣ не думаетѣ ! Иногда хотѣлось мнѣ бросишься къ ногамѣ Государя, увѣришь его въ невинности опца моего, въ моей вѣрности къ Царю благочестивому , и поручишь его милосердію судьбу мою ; но какая-то могущественная, невидимая рука не допускала меня исполнишь сего намѣренія.

„Пришла мрачная осень, пришла скучная зима; лѣсное уединеніе сдѣлалось для меня еще несноснѣе. Я чаще прежняго спалѣ вѣздилъ въ городѣ и — увидѣлъ тебя, прекрасная Напалья. Ты показалась мнѣ Ангеломѣ Божіимѣ — — нѣтъ ! говоряшь, что сіяніе Ангеловѣ ослабляетѣ глаза человѣческіе, и что на нихѣ не лѣзя смотрѣть долго ; а мнѣ хотѣлось безпрестанно глядѣть на тебя. Я видалѣ прежде

многихъ красавицъ, дивился ихъ прелестямъ, и часпо думалъ: *Господь Богъ не сотворилъ ничего лучше красныхъ Московскихъ дѣвушекъ*; но глаза мои на нихъ смопрѣли, а сердце молчало и не прогалось—онѣ казались мнѣ *тужими*. Ты же первымъ взглядомъ влила какой-то огонь въ мое сердце; первымъ взглядомъ привлекла къ себѣ душу мою, копорая пошчасъ полюбила тебя какъ *родную свою*. Мнѣ хотѣлось броситься и прижать тебя къ моей груди, такъ крѣпко, чшобы ничшо уже насъ разлучить не могло. — Ты ушла, и мнѣ показалось, чшо красное солнце закапилось, и ночь наспувила. Я споялъ на улицѣ, и не чувспвовалъ снѣга, копорой на меня сыпался; наконецъ пришелъ въ себя — спалъ разспрашиваешь, и узнавъ, кшо ты, возврапился въ свою го-спинницу, и размышлялъ о милой дочери Боярина Машвѣя. Бапюшка

часто говаривалъ мнѣ о любви, ко-
 торую почувствовалъ онъ къ мате-
 ри моей, увидѣвъ ее въ первый
 разъ, и которая не давала ему покоя
 до самаго того времени, какъ ихъ
 повели въ церковь. „Со мною по-
 „же дѣлается, думалъ я; и мнѣ не
 „льзя быть ни покойнымъ ни ща-
 „сливымъ безъ милой Напальи. Но
 „какъ надѣяться? Любимой Царской
 „Бояринъ захочетъ ли выдать дочь
 „свою за такого человѣка, котора-
 „го отецъ почитается преступни-
 „комъ? Правда, если бы она по-
 „любила меня. . . съ нею и пусты-
 „ня лучше Москвы бѣлокаменной.
 „Можетъ быть ошибаюсь — поль-
 „ко мнѣ казалось, что она взгля-
 „дывала на меня ласково. . . но я
 „вѣрно ошибаюсь. Какъ этому
 „быть? Такое щастіе не вдругъ
 „приходитъ!“ — Наступила ночь —
 и прошла, но глаза мои сномъ не
 смыкались. Ты безпрестанно была
 передо мною или въ душѣ моей —

креспилась бѣлою рукою своею, и
 пряпала ее подъ соболью шубейку.
 — На другой день почувсѣвовалъ я
 сильную боль въ головѣ и превели-
 кую слабость, копорая заспавила
 меня около двухъ супокъ проле-
 жать на постелѣ. — *Такъ!* пере-
 рвала Напалья: *такъ!* я это зна-
 ла; сердце мое тосковало не да-
 ромъ. Ми на другой ни на третій
 день не было тебя у обѣдни.

„Однакожь и самая болѣзнь не мѣ-
 шала мнѣ о тебѣ думать. Одинъ
 изъ слугъ моихъ былъ въ домѣ сво-
 его родителя, видѣлся съ своею
 нянею, и уговорилъ ее припши ко
 мнѣ въ госпинницу. Я открылъ
 спарушкѣ любовь мою; просилъ,
 кланялся, увѣрялъ въ моей благо-
 дарности — и наконецъ она согла-
 силась быть мнѣ помощницею. —
 Прочее ты знаешь. Я видѣлъ тебя
 въ церкви — иногда льспился быть
 любимымъ, примѣчая въ глазахъ
 твоихъ нѣжную умильность, и

краску на лицѣ своемъ, когда встрѣчались наши взоры—наконецъ рѣшился узнать судьбу мою — упалъ къ ногамъ своимъ, и бѣдной сирота спалъ щасливѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ. Могъ ли я послѣ своего признанія расстаться съ побою? Могъ ли жить подъ другимъ кровомъ, и всякой часъ безпокоиться, и всякой часъ думать: *жива ли она? не угрожаютъ ли ей какія опасности? холодной вѣтеръ не знобитъ ли нѣжнаго лица ея? не тоскуетъ ли ея сердце? ахъ! не сватается ли за прекрасную какой нибудь женихъ, богатой и знатной?* — Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ оставалось умереть, или жить съ побою! — Священникъ загородной церкви, который насъ вѣнчалъ, былъ не подкупленъ, а упрошенъ мною; слезы мои пронули старца.

„Теперь извѣстно тебѣ, кто супругъ твой; теперь совершились всѣ мои желанія. Грусть, скука!

простите! Для васъ уже нѣтъ мѣста въ уединенномъ моемъ домикѣ. Милая Напалья любишь меня; милая Напалья со мною! — Но я вижу помноспъ въ глазахъ твоихъ; тебѣ надобно успокоиться, любезная души моей. Ночь проходитъ, и скоро утренняя заря покажется на небѣ.“ —

Алексѣй поцѣловалъ Напальину руку. Красавица вздохнула. *Ахъ! для чего нѣтъ съ нами батюшки!* сказала она, прижавшись къ сердцу супруга: *когда мы съ нимъ увидимся? когда онъ благословитъ насъ? когда я при немъ поцѣлую тебя, милаго друга моего?—* „Тотъ (оправдалъ Алексѣй) тотъ милостивый Богъ, Который далъ мнѣ тебя, вѣрно все для насъ сдѣлаетъ. Положимся на Него: Онъ пошлетъ намъ случай упасть къ ногамъ своего родителя и принять его благословеніе.“

Сказавъ сіи слова, онъ вспалъ и

вышелъ въ переднюю горницу. Тамъ сидѣли люди его съ нянею, копорая (увѣрившись, что они не разбойники, и что длинные ножи служатъ имъ только обороною отъ лѣсныхъ звѣрей) переспала бояться, познакомилась съ ними, и съ любопытствомъ старой женщины спрашивала о молодомъ ихъ господинѣ, о причинѣ пусыинической жизни его, и проч. и проч. Алексѣй пошепталъ на ухо одному человѣку, и черезъ минушу никого не осталось въ передней: спарушку схватили подъ руки и увели въ другую половину. Молодой супругъ возвратился къ своей любезной — помогъ ей раздѣться — сердца ихъ бились — онъ взялъ ее за бѣлую руку . . . Но скромная Муза моя закрываетъ бѣлымъ платкомъ лице свое — ни слова! . . . Священный занавѣсъ опускается, священный и не проницаемый для глазъ любопытныхъ!

А вы, щаспливые супруги, блаженствуйте въ сердечныхъ воспорахъ подъ вліяніемъ звѣздъ небесныхъ; но будьте цѣломудренны въ самыхъ высочайшихъ наслажденіяхъ спраспи своей! Невинная спыдливоспъ да живепъ съ вами неразлучно — и нѣжные цвѣты удовольствія не завянутъ никогда на супружескомъ ложѣ вашемъ! —

Уже солнце взошло высоко на небѣ, и разсыпало по снѣгу миліоны блестящихъ діамантовъ; но въ спальнѣ нашихъ супруговъ все еще царствовало глубокое молчаніе. Спарушка мама давно вспала, раздѣсять подходила къ двери, слушала и ничего не слыхала; наконецъ вздумала пихонько поспучаться, и сказала довольно громко: *пора вставать — пара вставать!* Черезъ нѣсколько минутъ дверь опперли. — Алексѣй былъ уже въ голубомъ кафтанѣ своемъ; но красавица лежала еще на постелѣ, и долго не могла

взглянуть на спарушку, спыдась— не извѣстно чего. Розы на щекахъ ея не много поблѣднѣли; въ глазахъ изображалась томная слабость — но никогда Напалья не была такъ привлекательна, какъ въ сіе упрѣ. Она одѣлась съ помощію своей няни, помолилась Богу со слезами, и дожидалась супруга своего, коимъ между шѣмъ занимался хозяйствомъ, приказывалъ готовитьъ обѣды и прочее, что нужно въ домашнемъ быту. Когда онъ возвратился къ любезной супругѣ, она съ нѣжносцію обняла его и сказала тихимъ голосомъ: *Милой другъ! я думаю о батюшкѣ—ахъ! онъ вѣрно тоскуетъ, плачетъ, сокрушается!.. Мнѣ бы хотѣлось объ немъ слышать; хотѣлось бы знать, здоровъ ли онъ — —* Напалья не договорила; но Алексѣй понялъ ея желаніе, и немедленно отправилъ въ Москву человека, чтобы навѣдаться о Бояринѣ Машвѣѣ.

Но мы предупредимъ сего посланнаго и посмопримъ, чпо дѣлаешся въ царственномъ градѣ.— Бояринъ Машвѣй долго ждалъ къ себѣ поутру милой своей Напальи, и наконецъ пошелъ въ ея перемъ. Тамъ все было пусто, все въ безпорядкѣ. Онъ изумился — увидѣвъ на столѣ письмо, развернулъ его, прочиталъ—не вѣрилъ глазамъ своимъ—прочиталъ въ другой разъ—хотѣлъ еще не вѣришь—но дрожащія ноги его подогнулись—онъ упалъ на землю. Нѣсколько минувъ продолжалось его безпамятство. Образумившись, приказалъ онъ людямъ вести себя къ Государю. *Государь!* сказалъ препенущій спарецъ — *Государь! . . .* Онъ не могъ говорить, и подалъ Царю Алексѣево письмо. Чело благочеспиваго Монарха помрачилось гнѣвомъ. *Кто сей недостойный соблазнитель?* сказалъ онъ: *но вездѣ найдетъ его грозная рука правосудія*—сказалъ, и во всѣ

спраны Рускаго царства отправи-
лись гонцы, съ повелѣніемъ искашь
Напалью и ея похищителя.

Царь утѣшалъ Боярина какъ сво-
его друга. Вздохи и слезы облег-
чили сѣсенную грудь несчаст-
наго родителя, и чувство гнѣва въ
сердцѣ его уступило мѣсто нѣж-
ной горести. „Богъ видѣлъ“—ска-
залъ онъ, взглянувъ на небо—„Богъ
„видѣлъ, какъ я любилъ тебя, не-
„благодарная, жестокая, милая На-
„палья! . . . Такъ, Государь! она и
„теперь мила мнѣ, болѣе всего на
„свѣтѣ! . . . Кто увезъ ее изъ ро-
„дительскаго дому? Гдѣ она? чѣмъ
„съ нею дѣлается? . . . Ахъ! на спа-
„роси лѣтъ моихъ я побѣждалъ бы
„за нею на край свѣта! . . . Мо-
„жетъ быть какой нибудь злодѣй
„обольстилъ невинную и послѣ бро-
„силъ, погубилъ ее. . . Нѣтъ! дочь
„моя не могла полюбить злодѣя!...
„Но для чего же не опкрыться ро-
„дителю? . . . Кто бы онъ ни былъ,

„я обнялъ бы его какъ сына. Развѣ
 „Государь меня не жалуетъ? Развѣ
 „онъ не спалъ бы жаловавъ и зя-
 „тя моего? . . . Не знаю, что ду-
 „мать! . . . Но ее нѣтъ! . . . Я плачу:
 „она не видитъ слезъ моихъ—ум-
 „ру: она не зашворитъ глазъ отца
 „своего, отца, которой полагалъ
 „въ ней жизнь и душу свою! . . .
 „Правда, безъ воли Всевышняго ни-
 „чего не дѣлается; можетъ быть
 „я заслужилъ наказаніе руки Его. . .
 „Покоряюсь безъ роптанія! . . . Объ
 „одномъ прошу тебя, Господи: будь
 „ей отцомъ милосердымъ во всякой
 „спранѣ. Пусть умру въ горести
 „—лишь бы дочь моя была благо-
 „получна! . . . Не лъзя, чпобы она не
 „любила меня; не лъзя. . . “—(Тутъ
 Бояринъ Машвѣй взялъ письмо, и
 снова прочиталъ его.)—„Ты пла-
 „кала; эша бумага мокра отъ слезъ
 „твоихъ: я буду хранить ее на мо-
 „емъ сердцѣ, какъ послѣдній знакъ
 „любви твоей.—Ахъ! еспѣли ты

„ко мнѣ возврапишься, хопя за
 „часъ до моей смерпи... Но какъ
 „угодно Всевышнему! — Между
 „пѣмъ опецъ пвой, сиропа на спа-
 „роспи, будепъ опцомъ нещасп-
 „ныхъ и гореспныхъ; обнимая ихъ
 „какъ дѣпей своихъ—какъ пвоихъ
 „брапій—онъ скажетъ имъ со сле-
 „зами: *друзья! молитесь о Ма-*
 „*таль!*“ — Такъ говорилъ Бояринъ
 Машвѣй, и чувспвипельной Царь
 былъ пронупъ до глубины сердца.

Опнынѣ, добрый Бояринѣ, жизнь
 пвоя покрывается мракомъ печали
 — увы! и самая добродѣпель не
 можетъ насъ предохранить опъ
 гореспи! Безпреспанно будешъ пы
 думать о милой сердца пвоего —
 вздыхать и сидѣть подгорюнив-
 шись передъ широкими воропами
 своего дому! Никто, никто не при-
 несепъ тебѣ вѣспи о прелеспной
 Напальѣ! Царскіе гонцы возвра-
 паясь, и вздохъ ихъ будепъ опвѣ-
 помъ на вопросы пвои. Сядутъ бѣд-

ные за сполы нищелюбиваго Боярина, но хлѣбъ его покажется имъ горекъ — ибо они увидятъ скорбь на лицѣ своего благодѣтеля! —

Между тѣмъ Алексѣевъ посланный возвратился въ пустыню съ извѣстіемъ, что Бояринъ Мапвѣй былъ во дворцѣ Царскомъ, и что во всей Россіи велѣно искать его пропавшей дочери. Но милая Напалья хотѣла знать болѣе, и спрашивала, что написано было на лицѣ родителя ея, когда онъ возвращался изъ дворца Государева; вздыхали ли онъ, плакали ли онъ — не произносили ли пихонько ея имени? Посланный не могъ отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ*; ибо онъ хотѣя и видѣлъ Боярина, но смотрѣлъ на него не проницательными глазами нѣжной дочери. *Для того*, сказала Напалья, *для того не могу я превратиться въ невидимку или въ маленькую птичку, чтобы слетать въ Москву бло- каменную, взглянуть на родителя,*

поцѣловать руку его, выронить на нее слезу горючую, и возвратиться къ милости моему другу? — „Ахъ нѣтъ! я не пустилъ бы тебя! опѣвалъ Алексѣй: почему знаешь, что бы могло съ тобою случиться? Нѣтъ, мой другъ! я не могу и вздумать о разлукѣ — а ты можешь!“ — Напалья почувствовала нѣжную укоризну, и оправдалась передъ супругомъ улыбкою, слезами и поцѣлуемъ.

Теперь надлежало бы мнѣ описывать щастіе юныхъ супруговъ и любовниковъ, сокрытыхъ лѣснымъ мракомъ отъ цѣлаго свѣта; но вы, которые наслаждаетесь подобнымъ щастіемъ, скажите, можно ли описать его? — Напалья и Алексѣй, живучи въ своемъ уединеніи, не видали, какъ текло или лепѣло время. Часы и минуты, дни и ночи, недѣли и мѣсяцы сливались въ пустынь ихъ какъ струи рѣчныя, не различаемыя глазомъ

человѣческимъ. Ахъ! удовольствія любви бывають всегда одинаковы, но всегда новы и безчисленны. Нашалья просыпалась и — любила; вставала съ постели и — любила; молилась и — любила; что ни думала, все любила и всѣмъ наслаждалась — Алексѣй по же, и чувства ихъ составляли восхищительную гармонію.

Но чисташель не долженъ думать, чтобы они въ уединенной жизни своей только смотрѣли другъ на друга и сидѣли опъ упра до вечера поджавъ руки — нѣтъ! Нашалья принялась за рукодѣлье, за пальцы, и скоро вышила разными шелками и разными узорами двѣ прекрасныя ширинки: первую для милаго супруга, чтобы онъ упиралъ ею блое лице свое, а другую для любезнаго родителя. *Когда нибудь мы поѣдемъ къ нему!* говорила красавица, и шихонько вздыхала. — Что принадлежишь до

Алексѣя, то онѣ, сидя подлѣ своей супруги, рисовалѣ перомѣ разные ландшафты и карпинки—любовался тѣмѣ, что нравилось Натальѣ, и старался поправить то, что ей казалось несовершеннымѣ. Такѣ, любезный чипапелѣ! Алексѣй умѣлѣ рисовать, и припомѣ весьма не худо, ибо сама Природа выучила его сему искусству. Онѣ видѣлѣ образѣ кудрявыхѣ деревѣ въ рѣкахѣ прозрачныхѣ, и вздумалѣ означать тѣмѣ сію на бумагѣ; опытѣ былѣ удаченѣ, и скоро чертежи его сдѣлались вѣрными копіями Напуры; не только дерева, но и другіе предметы изображались имѣ съ величайшею точностію. Красавица смотрѣла на движеніе руки его, и дивилась, какѣ онѣ могѣ однимѣ чертами пера своего представлять разные виды: то рощу дубовую, то башни Московскія, то дворецѣ Государевѣ.—Но Алексѣй уже не сражался съ

дикими звѣрями, такъ какъ прежде; ибо они (какъ будто бы изъ уваженія къ прекрасной Напальѣ, новой обишпельницѣ ихъ дремучаго лѣса) не приближались къ жилищу супруговъ, и ревѣли только въ опдаленіи.

Такимъ образомъ прошла зима; снѣгъ распаялъ; рѣки и ручьи зашумѣли, земля опушилась травкою, и зеленые пучечки распустились на деревьяхъ. Алексѣй выбѣжалъ изъ своего домику, сорвалъ первой цвѣточекъ и принесъ его Напальѣ. Она улыбнулась, поцѣловала своего друга — и въ самую сію минуточку запѣли въ лѣсу весеннія ппички. *Ахъ! какая радость! какое веселье!* сказала красавица: — *мой другъ! пойдѣмъ гулять!* — Они пошли, и сѣли на берегу рѣки. „Знаешь ли, сказала Напалья супругу своему — знаешь ли, что прошедшею весною не могла я безъ грусти слушать ппичекъ? Теперь мнѣ кажется, буд-

то я ихъ разумѣю и одно съ ними думаю. Посмотри: здѣсь на кусточкѣ поютъ двѣ ппички — кажется, малиновки — посмотри, какъ онѣ обнимаются крылышками; онѣ любятъ другъ друга, такъ, какъ я люблю тебя, мой другъ, и какъ ты меня любишь! Не правда ли?“ Всякой можетъ вообразить себѣ опѣшъ Алексѣевъ и разныя удовольствія, которыя весна принесла съ собою для нашихъ пустынниковъ.

Но нѣжная дочь, наслаждаясь любовію, не забывала и своего родителя. Алексѣй долженъ былъ всякую недѣлю два или три раза посылать въ Москву человека, навѣдываться о Бояринѣ Матвѣѣ. Въспи привозились одинакія: Бояринъ дѣлалъ добрыя дѣла, печалился, кормилъ бѣдныхъ и говорилъ имъ: *друзья! помолитесь о Маталѣ!* Наталья вздыхала, и смотрѣла на образъ.

Однажды возвратился посланный

сѣ великою поспѣшностію. „Госу-
 „дарь! сказалъ онѣ Алексѣю: Моск-
 „ва въ смятеніи. Свирѣпые Ли-
 „шовцы возспали на Руское цар-
 „ство. Я видѣлъ, какъ жипели пре-
 „спольнаго града собирались пе-
 „редъ дворцомъ Государевымъ, и
 „какъ Бояринъ Машвѣй, именемъ
 „Царя православнаго, ободрялъ вои-
 „новъ; я видѣлъ, какъ толпы народ-
 „ныя бросали вверхъ шапки свои,
 „воскликая въ одинъ голосъ: *ум-*
 „*ремъ за Царя Государя! умремъ*
 „*за отечество, или побѣдимъ Ли-*
 „*товцевъ!* Я видѣлъ, какъ Руское
 „воинство въ ряды спановилось,
 „какъ сверкали его мечи и берды-
 „ши и копья булашныя. Завпра
 „выдешъ оно въ поле, подъ началь-
 „ствомъ воеводъ храбрѣйшихъ.“ —
 Сердце Алексѣево запрепешало;
 кровь закипѣла — онѣ схватилъ со-
 спѣны мечъ опца своего — взгля-
 нулъ на супругу — и мечъ упалъ
 на землю — слезы показались въ

глазахъ его. Напалья взяла его за руку и не говорила ни слова. — „Любезная Напалья! сказалъ Алексѣй по нѣкоторомъ молчаніи: ты желаешь возрашиться въ домъ къ своему родителю?“

Маталья. Съ побою, мой другъ, съ побою! Ахъ! я не смѣла говорить тебѣ; только мнѣ всегда казалось, что мы напрасно скрываемся отъ бапюшки. Увидя насъ, онъ такъ обрадуется, что все забудетъ; а я возьму за руку тебя и его, заплачу отъ радости, и скажу: *вотъ они; вотъ тѣ, которыхъ люблю—теперь я совершенно счастлива!*

Алексѣй. Но мнѣ надобно заслужить прежде милость Царскую. Теперь есть къ тому случай.

Маталья. Какой же, мой другъ?

Алексѣй. Бѣжать на войну, срашиться съ непріятелями Рускаго царства, и побѣдить. Царь увидитъ тогда, что Любославскіе любятъ

его, и вѣрно служащѣ своему опечеснву.

Маталья. Побѣдѣмъ, мой другъ! Лишь бы ты былъ со мною: я всюду гопова.

Алексѣй. чпо ты говоришь, милая Напалья? Тамъ лепаяющѣ смертоносныя стрѣлы; тамъ рубящся мечами: какъ тебѣ бхатъ со мною?

Маталья. И такъ ты хочешь меня оставишь? хочешь моей смерти? попому чпо я не могу жить безъ тебя. Давно ли, мой другъ, давно ли говорилъ ты, чпо никогда не покинешь меня? А теперь думаешь бхатъ одинъ, и еще шуда, гдѣ лепаяющѣ стрѣлы? Кпо защишишь тебя? . . Нѣтъ, ты возьмешь меня съ собою—или бѣдная Напалья не мила уже сердцу швоему!

Алексѣй обнялъ свою супругу. „Побѣдѣмъ, сказалъ онъ, побѣдѣмъ, и умремъ вмѣстѣ, еспьли такъ Богу

угодно! Только на войнѣ не бываетъ женщинѣ, милая Напалья!“ — Красавица подумала, улыбнулась, пошла въ спальню и заперла за собою дверь. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ опшуда прекрасной опрокъ. . . . Алексѣй изумился; но скоро узналъ въ семъ юномъ красавцѣ любезную дочь Боярина Мапвѣя, и бросился цѣловать ее. Напалья одѣлась въ плаще своего супруга, которое носилъ онъ будучи принадапи или чепырнадапи лѣтъ. „Я меньшей брапъшвой, сказала она съ усмѣшкою: теперь дай мнѣ только мечъ оспрой и копье булапное, шишакъ, панцырь и щипъ желѣзной — увидишь, что я не хуже мущины.“ — Алексѣй не могъ нарадоваться своимъ милымъ героемъ, выбралъ ему самое легкое оружіе, нарядилъ его въ панцырь, сдѣланной изъ мѣдныхъ колецъ (на копорыхъ было подписано: *съ нами Богъ; никто же на*

ны! (*); вооружилъ людей своихъ ,
гопovýchъ умереть за любезнаго
господина; надѣлѣ лапы покойнаго
опца своего — и черезъ нѣсколько
часовъ въ пуспынномъ домикѣ оспа-
лась одна Напальина мама съ дву-
мя спариками.

А мы оставимъ на нѣсколько
времени супруговъ нашихъ, въ на-
деждѣ, что Небо не оставитъ ихъ,
и будетъ имъ защитою въ опасно-
стяхъ, тамъ, гдѣ лепашутъ смер-
тоносныя стрѣлы, гдѣ мечи свер-
каютъ какъ молніи, гдѣ копья пре-
щипъ и ломаются, гдѣ кровь чело-
вѣческая льется рѣками, гдѣ герои
умираютъ за свое опечесство и дѣ-
лаются безсмертными. Возвратим-
ся въ Москву — тамъ началась наша
исторія, тамъ должно ей и кон-
чаться.

(*) Въ оружейной Московской Палатѣ
я видѣлъ много панцырей съ сею
надписью.

Увы! какая пуспота въ споліцѣ Россійской! Все тихо, все печально. На улицахъ не видно никого, кромѣ слабыхъ старцевъ и женщинъ, которые съ унылыми лицами идущъ въ церковь, молишь Бога, чтобы Онъ отвратилъ грозную пучу отъ Рускаго царства, даровалъ побѣду православнымъ воинамъ, и разсѣялъ сонмы Липовскіе. Добросердечный, чувствительный Царь стоялъ на высокомъ крыльцѣ своемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вѣсти отъ начальниковъ воинства, пошедшаго на встрѣчу врагамъ многочисленнымъ. Бояринъ Матвѣй неразлученъ съ Царемъ благочестивымъ. „Государь! говоришь онъ: надѣйся на Бога и на храбрость своихъ подданныхъ, храбрость, которая опличаетъ ихъ отъ всѣхъ иныхъ народовъ. Спрашно разятъ мечи Россійскіе; пверда, подобно камню, грудь сыновъ пвоихъ — побѣда будетъ всегда вѣрною ихъ подругою“ —

Такъ говорилъ Бояринъ ; думалъ о
благѣ опечеснѣва — и вздыхалъ о
своей дочери.

Въ попу , въ пыли прискакалъ
вѣспникъ — Царь воспрѣчаеиъ его
на половинѣ крыльца, и дрожащею
рукою развертываетъ письмо вое-
начальниковъ. . . . Первое слово есиъ
побѣда ! — Побѣда ! восклицаетъ
онъ въ радости — *побѣда !* восклица-
ютъ Бояре — *побѣда !* народъ повпо-
ряетъ — и во всемъ царствѣ
градъ раздавался одинъ голосъ: *по-
бѣда !* и во всѣхъ сердцахъ было од-
но чувство: *радость !*

Начальники доносили Государю
обо всемъ съ величайшею подробно-
стию. Сраженіе было самое жесто-
кое. Уже первый рядъ Рускаго воин-
ства, иѣснимый безчисленнымъ
множествомъ Липовцевъ, начиналъ
колебаться , и хотѣлъ уступитьъ
врагу сильнѣйшему; но вдругъ какъ
громъ загремѣлъ голосъ : *умремъ
или побѣдимъ !* и въ то же мгнове-

ніе опѣ рядовѣ Россійскихѣ опдѣ-
 лился молодой воинѣ, и съ мечемѣ
 въ рукѣ бросился на непріятелей;
 за нимѣ бросились и другіе; все
 воинство двинулось, и восклицая:
умремѣ или побѣдимѣ! успреми-
 лось какѣ буря на Липовцевѣ, ко-
 торые, не взирая на великое число
 свое, скоро побѣжали и разсѣялись.
 „Мы не можемѣ, писали начальни-
 ки, восхвалимѣ по достоинству по-
 го юнаго воина, которому принад-
 лежимѣ вся честь побѣды, и копо-
 рой гналѣ, разилѣ непріятелей, и
 собственною рукою плѣнилѣ ихѣ
 предводителя. Повсюду слѣдовалѣ
 за нимѣ братѣ его, прекрасной оп-
 рокѣ, и закрывалѣ его щипомѣ сво-
 имѣ. Онѣ не хочемѣ объявимѣ имени
 своего никому, кромѣ тебя Госу-
 даря.—Побѣжденные Липовцы спѣ-
 шамѣ изѣ предѣловѣ Россіи, и ско-
 ро воинство швое возвратишся со
 славою во градѣ Москву. Мы сами
 представимѣ Царю непобѣдимаго

юношу, спасишеля опечества, и до-
стойнаго всей швоей милоспи.“ --

Царь съ неперпѣніемъ ожидалъ
своихъ героевъ, и выѣхалъ встрѣ-
пипъ ихъ въ поле, вмѣспѣ съ Бо-
яриномъ Матвѣемъ и съ другими
чиновниками. Въ Москвѣ никого не
осталось ; слабые спарцы, забывъ
слабость свою, спѣшили за городъ
на встрѣчу къ своимъ дѣтямъ; суп-
руги и мапери, неся младенцовъ
или ведя ихъ за руки, спѣшили шу-
да же. Первый рядъ воинства по-
казался, — впорой и прешій ; раз-
ноцвѣпныя знамена бѣяли надъ оны-
ми : воины шли съ обнаженными
мечами, ровнымъ шагомъ ; назади
ѣхали конные — впереди начальни-
ки, подъ сѣнію профеевъ. Увидѣли
Государя, и восклицанія: *побѣда и*
здравіе Царю Россійскому! загре-
мѣли въ воздухъ. Воеводы упали
передъ нимъ на колѣна. Онъ под-
нялъ ихъ и сказалъ съ улыбкою ми-
лоспи: *благодарю васъ именемъ оте-*

тества.—,,Государь! опвѣчали они: мы спарались исполнить должность свою! Но Богъ даровалъ намъ побѣду рукою сего юнаго воина.“ — Тупъ юный воинъ, споявшій подлѣ нихъ съ пошупленнымъ взоромъ, преклонилъ колѣно. *Кто ты, храбрый юноша?* спросилъ Государь, простирая къ нему правую руку свою: *имя твое должно быть славно въ предѣлахъ Рускаго царства.*—,,Государь! опвѣчалъ юноша: сынъ осужденнаго Боярина Любославскаго, скончавшаго дни свои въ спранѣ иновѣрныхъ, приносилъ тебѣ свою голову.“ — Царь поднялъ глаза на небо. ,,Благодарю Тебя, Боже! (сказалъ онъ) что Ты посылаешь мнѣ случай хопя опчаспи загладить неправосудіе и злобу людей, и заспраданіе невиннаго опца наградишь доспойнаго сына! Такъ, храбрый юноша! невинность родителѣ швоего опкрылась — къ нещастію, поздно! Увы! я былъ тогда незрѣ-

лымъ опрокомъ, и Бояринъ Матвѣй не имѣлъ еще мѣста въ совѣтѣ моемъ. Злые Бояре оклеветали Любославскаго; одинъ изъ нихъ, кончая недавно жизнь свою, признался въ несправедливости доносовъ, по которымъ осудили невиннаго. Видишь слезы мои.—Будь же другомъ Царя своего, первымъ по Бояринъ Матвѣй!“—„И такъ память опца моего, сказалъ Алексѣй, чиста отъ поношенія! . . . Но я—я виненъ передъ побою, Государь великій! я увезъ дочь Боярина Матвѣя изъ родительскаго дому!“—Царь удивился. *Гдѣжь она?* спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ — — Но Бояринъ нашелъ уже дочь свою: прекрасная Напалья, въ одеждѣ воина, бросилась въ его объятія; шишакъ спалъ съ головы ея, и русые волосы по плечамъ разсыпались. Изумленный, восхищенный родитель не смѣлъ вѣришь сему явленію: но сердце чувствительнаго старца сильнымъ

препеиномъ своимъ увѣряло его , что милая нашлася. Едва могъ онъ перенести радость свою , и упалъ бы на землю, есѣли бы другіе Бояре не поддержали его. Долго не говорилъ онъ ни слова , опустивъ голову на плечо Напальѣ; наконецъ назвалъ ее именемъ, какъ будто бы желая видѣть, опкликнется ли она — назвалъ ее своею милою , прекрасною , — и при каждомъ ласковомъ словѣ сіялъ новой лучъ радости на лицѣ его, которое такъ долго было печальнымъ ! Казалось , будто языкъ его учился произносить давно забытыя имена: споль медленно онъ ихъ выговаривалъ! и повпорялъ споль часпо! Напалья цѣловала его руки. *Ты меня такъ же любишь!* говорила она—*такъ же любишь!* и теплые ручки слезъ договаривали за нее прочее. Все воинство пребывало въ пишинѣ и въ молчаніи. Государь былъ пронупъ сердечно, взялъ Алексѣя за руку и подвелъ его къ Боярину. *Вотъ,*

сказала Напалья—*вотъ супругъ мой! прости его, родитель мой, и люби такъ, какъ меня любишь!* Бояринъ Машвѣй поднялъ голову, посмотрѣлъ на Алексѣя и подалъ ему дрожащую руку свою. Молодой человѣкъ хопѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни; но спарецъ прижалъ его къ своему сердцу вмѣстѣ съ милою дочерью. . .

Царь. Они достойны другъ друга, и будущъ пвоимъ упѣщеніемъ въ спароспи.

„Она дочь моя (сказалъ Бояринъ Машвѣй прерывающимся голосомъ)—онъ сынъ мой—Господи! дай мнѣ умереть въ ихъ объятіяхъ!“

Спарецъ снова прижалъ ихъ къ своему сердцу.

Чипапель вообразилъ себѣ все послѣдующее.—Спарушку няню привезли въ городъ. Бояринъ Машвѣй простилъ ее; и призвавъ къ себѣ по-

го Священника, копорой вѣнчалъ Алексѣя и Напалью, хотѣлъ, чтобы онъ снова благословилъ ихъ въ его присушствіи. Супруги жили щасливо и пользовались особенною Царскою милоспію. Алексѣй оказалъ важныя услуги своему опечеспву и Государю, услуги, о копорыхъ упоминается въ разныхъ историческихъ рукописяхъ. Благодарпвой Бояринъ Машвѣй дожилъ до самой глубокой старости, и веселился своею дочерью, своимъ зятемъ и прекрасными дѣтьми ихъ. Смерть явилась ему въ видѣ юнѣйшаго и любезнѣйшаго внука его; онъ хотѣлъ обнять милаго опрока — и скончался. — Больше я ничего не слыхалъ отъ бабушки моего дѣдушки; но за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, прогуливаясь осенью по берегу Москвы рѣки, близъ темной сосновой роши, нашелъ надгробной камень, заросшій зеленымъ мохомъ и разломленный рукою време-

ни — съ великимъ трудомъ могъ я
прочищать на немъ слѣдующую над-
пись: *здѣсь погребенъ Алексѣй Лю-*
бославской съ своего супругою. Сша-
рые люди сказывали мнѣ, что на
семъ мѣстѣ была нѣкогда церковь
— вѣроятно, самая та, гдѣ вѣнча-
лись наши любовники, и гдѣ они
захотѣли лежать и по смерти сво-
ей.

С І Е Р Р А - М О Р Е Н А.

Въ цвѣтущей Андалузїи—шамъ,
гдѣ шумящъ гордыя пальмы, гдѣ
благоухающъ мирповыя рощи, гдѣ
величественный Гвадалквивиръ ка-
пашъ медленно свои воды, гдѣ воз-
вышается розмариномъ увѣнчанная
Сіерра-Морена (*) — шамъ уви-
дѣлъ я Прекрасную, когда она въ
уныніи, въ горести, спояла подлѣ
Алонзова памятника, опершись на
него лилейною рукою своею; лучъ
упреннаго солнца позлащалъ бѣлую
урну, и возвышалъ прогашельныя
прелести нѣжной Эльвиры; ея ру-
сые волосы, рассыпаясь по пле-
чамъ, падали на черный мраморъ.

(*) То есть, черная Гора.

Эльвира любила юнаго Алонза : Алонзо любилъ Эльвиру , и скоро надѣялся быть супругомъ ея ; но корабль , на которомъ плылъ онъ изъ Маіорки (гдѣ жилъ отецъ его), погибъ въ волнахъ моря. Сія ужасная вѣсть сразила Эльвиру. Жизнь ея была въ опасности. . . . Наконецъ опчаяніе превратилось въ тихую скорбь и томность. Она соорудила мраморный памятникъ любимцу души своей , и каждый день орошала его жаркими слезами.

Я смѣшалъ слезы мои съ ея слезами. Она увидѣла въ глазахъ моихъ изображеніе своей горести, въ чувствахъ сердца моего узнала собственныя свои чувства , и назвала меня другомъ. Другомъ! . . . Какъ сладостно было имя сіе въ устахъ любезной! — Я въ первый разъ поцѣловалъ тогда руку ея.

Эльвира говорила мнѣ о своемъ незабвенномъ Алонзѣ ; описывала красоту души его , свою любовь ,

свои воспорги, свое блаженство; по шомъ опчаяніе, поску, горестъ, и наконецъ — ушѣшеніе, опраду, находимую сердцемъ ея въ миломъ дружествѣ. Тупъ взоръ Эльвирина блиспалъ свѣплѣе; розы на лицѣ ея оживлялись и пылали; рука ея съ горячностію пожимала мою руку.

Увы! въ груди моей свирѣпствовало пламя любви: сердце мое старало опъ чувствъ своихъ; кровь кипѣла — и мнѣ надлежало шайпъ спраспъ свою!

Я шайлъ оную; шайлъ долго. Языкъ мой не дерзалъ именовать шого, что пишала въ себѣ душа моя: ибо Эльвира клялась не любить никого, кромѣ своего Алонза; клялась не любить въ другой разъ. Ужасная клятва! Она заграждала уста мои.

Мы были неразлучны; гуляли вмѣстѣ на зланныхъ берегахъ величественнаго Гвадалквивира; сидѣли надъ журчащими его водами, подлѣ горестнаго Алонзова памятника, въ

тишинѣ и безмолвіи ; одни сердца наши говорили. Взоръ Эльвириной , вспрѣчаясь съ моимъ , опускался къ землѣ или обращался на небо. Два вздоха вылетали , соединялись , и мѣшаясь съ зефиромъ , исчезали въ пространствахъ воздуха. Жаръ дружескихъ моихъ объятій возбуждалъ иногда препепѣ въ нѣжной Эльвириной груди — быспрый огонь разливался по лицу прекрасной — я чувствовалъ скорое біеніе пульса ея — чувствовалъ , какъ она хотѣла успокоиться , хотѣла удержати стремленіе крови своей , хотѣла говоришь . . . но слова на устахъ замирали. — Я мучился и наслаждался.

Часомъ темная ночь заснигала насъ въ опдаленномъ уединеніи. Звучное эхо повпоряло шумъ водопадовъ , который раздавался между высокихъ утесовъ Сіерры - Морены , въ ея глубокихъ разсѣлинахъ и долинахъ. Сильные вѣтры волновали

и крупили воздухъ; багряныя молніи вились на черномъ небѣ, или блѣдная луна надъ сѣдыми облаками восходила. — Эльвира любила ужасы Напуры: они возвеличивали, восхищали, пипали ея душу.

Я былъ съ нею! . . . и радовался стущенію ночныхъ мраковъ. Они сближали сердца наши; они скрывали Эльвиру отъ всей Природы — и я пѣмъ живѣе, пѣмъ *нераздѣльнѣе* наслаждался ея присутствіемъ.

Ахъ! можно сражаться съ сердцемъ, долго и упорно; но кто побѣдитъ его? — Бурное спремленіе яроспныхъ водъ разрываетъ всѣ оплошы, и каменныя горы распадаются отъ силы огненнаго вещества, въ ихъ нѣдрахъ заключеннаго.

Сила чувствъ моихъ все преодолѣла, и долго-шаймая спрасъ излилась въ нѣжномъ признаніи!

Я стоялъ на колѣняхъ, и слезы

мои пекли рѣкою. Эльвира блѣднѣла — и снова уподоблялась розѣ. Знаки страха, сомнѣнія, скорби, нѣжной помноспи, мѣнялись на лицѣ ея! . . .

Она подала мнѣ руку, съ умильнымъ взоромъ. — „Жестпокой!“ сказала Эльвира — но сладкой голосъ ея смягчилъ всю жестпокоспъ сего упрека — „жестпокой! пы не доволенъ кропкими чувспвами дружбы; пы принуждаешь меня нарушишь обѣщъ священный и поржеспвенный! . . . Пуспъ же громы небесные поразяпъ кляпвопреспупницу! . . . Я люблю тебя!“ . . . Огненные поцѣлуи мои запечатлѣли уста ея.

Боже мой! . . . Сія минуша была щаспливѣйшею моею жизни!

Эльвира пошла къ Алонзову памянику, спала передъ нимъ на колѣни, и обнимая бѣлую урну, сказала прогашельнымъ голосомъ: „Тѣнь любезнаго Алонза! проспишь

ли свою Эльвиру? . . . Я клялась
вѣчно любить тебя, и вѣчно лю-
бить не преспану; образъ твой
сохранился въ моемъ сердцѣ; всякой
день буду украшать цвѣтами твой
памятникъ; слезы мои будутъ все-
гда мѣшаться съ утреннею и ве-
чернею росою на семъ хладномъ
мраморѣ! — Но я клялась еще не
любить никого, кромѣ тебя. . . . и
люблю! . . . Увы! я надѣялась на
сердце свое, и поздно увидѣла опа-
сность! Оно посковало — было
одно въ проспанномъ мірѣ — иска-
ло утѣшенія — дружба явилась ему
въ вѣнцѣ невинности и добродѣ-
тели. . . . Ахъ! . . . любезная тѣнь!
проспишь ли свою Эльвиру?“

Любовь моя была краснорѣчива:
я успокоилъ милую, и всѣ облака
исчезли въ Ангельскихъ очахъ ея.

Эльвира назначила день для на-
шего вѣчнаго соединенія, предалась
нѣжнымъ чувствамъ своимъ, и я
наслаждался небомъ! — Но громъ

собирался надѣ нами. . . . Рука моя
препещетъ!

Все радовалось въ Эльвириномъ
замкѣ; все готовилось къ брачному
торжеству. Ея родспвенники лю-
били меня — Андалузія должен-
ствовала бытъ въпорымъ моимъ
отечеспвомъ!

Уже розы и лиліи на олпарѣ
благоухали, и я приблизился къ
оному съ прелеспною Эльвиною,
съ воспоргомъ въ душѣ, съ слад-
кимъ препешомъ въ сердцѣ; уже
священникъ готовился утвердитъ
союзъ нашъ своимъ благословеніемъ
— какъ вдругъ явился незнакомецъ,
въ черной одеждѣ, съ блѣднымъ ли-
цемъ, съ мрачнымъ видомъ; кин-
жалъ блисталъ въ рукѣ его. „Вѣ-
роломная!“ сказалъ онъ Эльвирѣ:
„ты клялась бытъ вѣчно моею, и
забыла свою клятву! Я клялся лю-
бить тебя до гроба: умираю. . . .
и люблю!“ . . . Уже кровь лилась
изъ его сердца: онъ вонзилъ кин-

жалъ въ грудь свою, и палъ мерт-
вый на помостѣ храма.

Эльвира, какъ громомъ поражен-
ная, въ изсшупленіи, въ ужасѣ вос-
кликнула: „Алонзо! Алонзо!“ . . . и
лишилась памяти. — Всѣ стояли
неподвижно. Внезапность спраш-
наго явленія изумила присущспву-
ющихъ.

Сей блѣдный незнакомецъ, сей
грозный самоубійца, былъ Алонзо.
Корабль, на копоромъ онъ плылъ
изъ Маіорки, погибъ; но Алжирцы
извлекли юношу изъ волнъ, чшобы
оковащъ его цѣпами тяжкой неволи.
Черезъ годъ онъ получилъ свободу
— лепѣлъ къ предмету любви своей
— услышалъ о замужствѣ Эльвири-
номъ, и рѣшился наказашъ ее. . . .
своею смертію.

Я вынесъ Эльвиру изъ храма.
Она пришла въ себя — но пламя
любви навѣкъ угасло въ очахъ и
сердцѣ ея.

„Небо спрашно наказало клятво-

преступницу“, сказала мнѣ Эльвира: „я убійца Алонзова! Кровь его палилѣ меня. Удались опѣ несчастной! Земля разступилась между нами, и щещино будешь проспирапѣ ко мнѣ руки свои! Бездна раздѣлила насѣ навѣки. Можешь только взорами своими расправляпѣ неизлечимую рану моего сердца. Удались опѣ несчастной!“

Моя горестѣ, мое опчаяніе не могли пронупѣ ее. — Эльвира погребла несчастнаго Алонза на помѣ мѣстѣ, гдѣ оплакивала нѣкогда мнимую смертѣ его, и заключилась вѣ спрожайшемѣ изѣ женскихѣ монастырей. Увы! она не хотѣла проспишѣся со мною! . . . не хотѣла, чпюбы я вѣ послѣдній разѣ обнялѣ ее со всею горячностію любви, и видѣлѣ вѣ глазахѣ ея хопя одно сожалѣніе о моей учаспи!

Я былѣ вѣ изступленіи—искалѣ вѣ себѣ чувспвипельнаго сердца; но сердце подобно камню лежало вѣ

груди моей — искалъ слезъ, и не находилъ ихъ — мершвое, спрашное уединеніе окружало меня.

День и ночь слились для глазъ моихъ въ вѣчной сумракъ. Долго не зналъ я ни сна, ни опдохновенія; скипался по пѣмъ мѣспамъ, гдѣ бывалъ вмѣспѣ — съ жестокою и нещасною; хотѣлъ найти слѣды, оспашки, часпи *моей* Эльвиры, напечатлѣнія души ея. . . . но хладъ и пьма вездѣ меня вспрѣчали!

Иногда приближался я къ уединеннымъ спѣнамъ того монастыря, гдѣ заключилась неумолимая Эльвира: — шамъ грозныя башни возвышались, желѣзные запоры на вратахъ чернѣлись, вѣчное безмолвіе обипало, и какой-то унылой голосъ вѣщалъ мнѣ: „для тебя уже нѣтъ Эльвиры!“

Наконецъ я удалился опѣ Сіерры-Морены — оставилъ Андалузію, Гишпанію, Европу — видѣлъ печальные оспашки древней Пальми-

ры, нѣкогда славной и великолѣпной — и шамъ, опершись на развалины, внималъ глубокой, краснорѣчивой пишинѣ, царспвующей въ семъ запусѣнїи, и одними громами прерываемой. Тамъ, въ обѣяпіяхъ меланхолїи, сердце мое размягчилось — шамъ слеза моя оросила сухое плѣніе — шамъ, помышляя о жизни и смерти народовъ, живо возчувспвовалъ я суешу всего подлуннаго, и сказалъ самому себѣ: „Что еспъ жизнь человѣческая? Что бытіе наше? Единъ мигъ, и все исчезнепъ! Улыбка щаспія и слезы бѣдспвія покрояпся единою горспїю черной земли!“ — Сїи мысли чудеснымъ образомъ успокоили мою душу.

Я возвратился въ Европу, и былъ нѣкошорое время игралищемъ злобы людей, нѣкогда мною любимыхъ; хотѣлъ еще видѣпъ Андалузїю, Сїерру-Морену, и узналъ, что Эльвира преселилась уже въ обипели

небесныя; пролилъ слезы на ея могилѣ, и обперъ ихъ навѣки.

Хладный міръ! я тебя оставилъ!
— Безумныя существа, человѣками
именуемыя! я васъ оставилъ!
Свирѣпствуйте въ люпыхъ своихъ
изступленіяхъ, перзайте, умерщ-
вляйте другъ друга! Сердце мое
для васъ мертво, и судьба ваша его
не трогаетъ.

Живу теперь въ странѣ печаль-
наго сѣвера, гдѣ глаза мои въ пер-
вой разѣ озарились лучемъ солнеч-
нымъ; гдѣ величественная Напура
изъ нѣдръ безчувствія приняла ме-
ня въ свои объятія и включила въ
систему *эфемернаго* бытія — живу
въ уединеніи, и внимаю бурямъ.

Тихая ночь — вѣчной покой —
святое безмолвіе! къ вамъ, къ вамъ
проспираю мои объятія!

ОСТРОВЪ БОРНГОЛЬМЪ.

Друзья! прошло красное лѣто ;
злапая осень поблѣднѣла ; зелень
увяла ; деревья спояшъ безъ плодовъ
и безъ лиспьевъ ; шуманное небо
волнуется какъ мрачное море ; зим-
ній пухъ сыплется на хладную зем-
лю — проспимся съ Природою до
радоспнаго весенняго свиданія ; укро-
емся опъ вьюгъ и мяпелей — укро-
емся въ шихомъ кабинетѣ сво-
емъ ! Время не должно шягопишъ
насъ ; мы знаемъ лекарство опъ
скуки. Друзья ! дубъ и береза пы-
лаюшъ въ каминѣ нашемъ — пустьъ
свирѣпспвуется въперъ , и засы-
паетъ окна бѣлымъ снѣгомъ ! Ся-
демъ вокругъ алаго огня , и будемъ
разсказывать другъ другу сказки и
повѣсти и всякія были.

Вы знаете, что я странствовалъ въ чужихъ земляхъ, далеко, далеко отъ моего отечества, далеко отъ васъ, любезныхъ моему сердцу; видѣлъ много чуднаго, слышалъ много удивительнаго; многое вамъ рассказывалъ, но не могъ рассказать всего, что случилось со мною. Слушайте — я повѣствую — повѣствую истину, не выдумку.

Англія была крайнимъ предѣломъ моего путешествія. Тамъ сказалъ я самому себѣ: „отечество и друзья ожидаютъ меня; время успокоиться въ ихъ объятіяхъ; время посвятить страннической жезлъ твоей сыну Майну (*); время повѣстовать его на густѣйшую въѣвь того дерева, подъ которымъ игралъ ты въ юныхъ лѣтахъ твоихъ“ — ска-

(*) Во времена древности странники, возвращаясь въ отечество, посвящали жезлы свои Меркурію.

залъ, и сѣлъ въ Лондонѣ на корабль *Британію*, чпобы плыть къ любезнымъ спранамъ Россіи.

Быстро капились мы на бѣлыхъ парусахъ вдоль цвѣпущихъ береговъ величественной Темзы. Уже безпредѣльное море засинѣлось передъ нами; уже слышали мы шумъ его волненія — но вдругъ перемѣнился въперъ, и корабль нашъ, въ ожиданіи благопріятнѣйшаго времени, долженъ былъ остановиться прошивъ мѣсечка Гревзенда.

Вмѣстѣ съ Капитаномъ вышелъ я на берегъ; гулялъ съ покойнымъ сердцемъ по зеленымъ лугамъ, украшеннымъ Природою и прудолюбіемъ, — мѣстамъ рѣдкимъ и живописнымъ; наконецъ, утомленный жаромъ солнечнымъ, легъ на праву, подъ сполѣпнимъ вязомъ, близъ морскаго берега, и смотрѣлъ на влажное пространство, на пѣнистые валы, копорые въ безчисленныхъ рядахъ изъ мрачной опдален-

носпи неслися кѣ острову съ глухимъ ревомъ. Сей унылой шумъ и видъ необозримыхъ водъ начинали склоняпъ меня кѣ той дремотѣ, кѣ тому сладоспному бездѣйствію души, въ копоромъ всѣ идеи и всѣ чувства оспанавливаются и цѣпенѣюпъ, подобно вдругъ замерзающимъ ключевымъ спруямъ, и копорое еспъ самой разипельнѣйшей и самой піипической образъ смерпи; но вдругъ вѣпъви поспряслись надъ моею головою. . . . Я взглянулъ и увидѣлъ — молодаго человѣка, худого, блѣднаго, помнаго — болѣе привидѣніе, нежели человѣка. Въ одной рукѣ держалъ онъ гипару, другою срывалъ листочки съ дерева, и смотрѣлъ на синее море неподвижными черными глазами своими, въ копорыхъ сіялъ послѣдній лучъ угасающей жизни. Взоръ мой не могъ спрѣпиться съ его взоромъ; чувства его были мершвы для внѣшнихъ предметовъ; онъ

стоялъ въ двухъ шагахъ отъ меня, но не видалъ ничего, не слыхалъ ничего.— Несчастной молодой человекъ! думалъ я: ты убитъ рокомъ. Не знаю ни имени, ни рода твоего; но знаю, что ты несчастливъ!

Онъ вздохнулъ; поднялъ глаза къ небу, — опушилъ ихъ опять на волны морскія — оплошелъ отъ дерева, сѣлъ на праву, заигралъ на своей гитарѣ печальную прелюдію, смотря безпрестанно на море, и запѣлъ тихимъ голосомъ слѣдующую пѣсню (на Датскомъ языкѣ, копорому училъ меня въ Женевѣ пріятель мой Докторъ Н. Н.):

Законъ осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ?

Какой законъ свяще
Твоихъ врожденныхъ чувствъ?
Какая власть сильнѣ
Люби и красоты?

Люблю, — любить вѣкъ буду.
 Кляните страсть мою,
 Безжалостныя души,
 Жестокія сердца!

Священная Природа!
 Твой нѣжный другъ и сынъ
 Невиненъ предъ тобою.
 Ты сердце мнѣ дала;

Твои дары благіе
 Украсили ее—
 Природа, ты хотѣла,
 Чшобъ Лилу я любилъ!

Твой громъ гремѣлъ надъ нами,
 Но насъ не поражалъ,
 Когда мы наслаждались
 Въ объятіяхъ любви. —

О Борнгольмъ, милый Борнгольмъ!
 Къ тебѣ моя душа
 Спиремится безпрестанно;
 Но тщетно слезы лью,

Томлюся и вздыхаю!
 Навѣкъ я удаленъ
 Родительскою клятвой
 Отъ береговъ твоихъ!

Еще ли ты, о Лила!
 Живешь въ поскѣ своей?
 Или въ волнахъ шумящихъ
 Скончала злую жизнь?

Явися мнѣ, явися,
 Любезнѣйшая тѣнь;
 Я самъ въ волнахъ шумящихъ
 Съ тобою погребусь.

Тупѣ, по невольному внутрен-
 нему движенію, хопѣлъ я бросить-
 ся къ незнакомцу, и прижать его
 къ сердцу своему; но Капитанъ
 мой въ самую сію минушу взялъ
 меня за руку, и сказалъ, что бла-
 гопріятный вѣтеръ развѣваетъ на-
 ши парусы, и что намъ не должно
 терять времени. — Мы поплыли.
 Молодой человекъ, бросивъ гишару
 и сложивъ руки, смотрѣлъ въ слѣдъ
 за нами, — смотрѣлъ на синее
 море. —

Волны пѣнились подъ рулемъ ко-
 рабля нашего; берегъ Гревзендской
 скрылся въ отдаленіи; сѣверныя
 провинціи Англіи чернѣлись на дру-

гомъ краю горизонта — наконецъ все исчезло, и пищи, копорыя долго вились надъ нами, полетѣли назадъ къ берегу, какъ будто бы испрашенные необозримою моря. Волненіе шумныхъ водъ и шуманное небо оспались единственнѣмъ предметомъ глазъ нашихъ, предметомъ величественнымъ и спрашнымъ. — Друзья мои! чпобы живо чувствовавъ всю дерзость человѣческаго духа, надобно быть на открытомъ морѣ, гдѣ *одна тонкая досетка*, какъ говоритъ Виландъ, *отдѣляетъ насъ отъ влажной смерти*; но гдѣ искусный пловецъ, распуская парусы, лепишъ, и въ мысляхъ своихъ видишъ уже блескъ золота, копорымъ въ другой части міра наградишся смѣлая его предприимчивость. Nil mortali-bus arduum est — *нѣтъ для смертныхъ невозможнаго*, думалъ я съ Горациемъ, теряясь взоромъ въ безконечности Неппунова царства.

Но скоро жестокой припадокъ морской болѣзни лишилъ меня чувства. Шестъ дней глаза мои не открывались ; и томное сердце , орошаемое пѣною бурныхъ волнъ (*), едва билось въ груди моей. Въ седьмой день я ожилъ , и хопя съ блѣднымъ , но радостнымъ лицомъ вышелъ на палубу. Солнце по чистому лазоревому своду капилось уже къ западу ; море , освѣщаемое золотыми его лучами , шумѣло ; корабль лепѣлъ на всѣхъ парусахъ по громадамъ разсѣкаемыхъ валовъ , которые тщетно силились опередить его. Вокругъ насъ , въ разномъ отдаленіи , развѣвались бѣлые , голубые и розовые флаги ; а на правой сторонѣ чернѣлось нѣчто подобное землѣ.

Гдѣ мы? спросилъ я у Капитана. „Плаваніе наше благополучно, ска-

(*) Въ самомъ дѣлѣ пѣна волнъ часто орошала меня, лежащаго почти безъ памяти на палубѣ.

залъ онѣ: мы прошли Зундѣ; берега Швеціи скрылись отъ глазъ нашихъ. На правой сторонѣ виднѣе вы Дашской островъ Борнгольмъ, мѣсто опасное для кораблей; тамъ мѣли и камни паялися на днѣ морскомъ. Когда наступилъ ночь, мы бросимъ якорь.“

Островъ Борнгольмъ, островъ Борнгольмъ! повторилъ я въ мысляхъ, и образъ молодого Гревзендскаго незнакомца оживился въ душѣ моей. Печальные звуки и слова пѣсни его опозвались въ моемъ слухѣ. „Они заключающъ въ себѣ тайну сердца его, думалъ я: но кто онѣ? Какіе законы осуждающъ любовь несчастнаго? Какая клятва удалила его отъ береговъ Борнгольма, столь ему милаго? Узнаю ли когда нибудь его исторію?“

Между тѣмъ сильной вѣтеръ несъ насъ прямо къ острову. Уже открылись грозныя скалы его, откуда съ шумомъ и пѣною сверга-

лись кипящіе ручьи во глубину морскую. Онѣ казался со всѣхъ сторонѣ неприступнымъ, со всѣхъ сторонѣ огражденнымъ рукою величественной Натуры; ничего, кромѣ печальнаго, кромѣ страшнаго, не представлялось на сѣдыхъ утесахъ. Съ ужасомъ видѣлъ я шамъ образъ хладной, безмолвной вѣчности, образъ неумолимой смерти, и того неописаннаго Творческаго могущества, передъ которымъ все смертное трепещать должно.

Солнце погрузилось въ волны — и мы бросили якорь. Вѣтеръ утихъ, и море едва, едва колебалось. Я смотрѣлъ на островъ, которой какою-то неизъяснимою силою влекъ меня къ берегамъ своимъ; какое-то темное предчувствіе говорило мнѣ: „шамъ можешь удовлетворить своему любопытству, и Борнгольмъ останется на вѣки въ твоей памяти!“ — Наконецъ, узнавъ, что не далеко отъ берега есть рыбачьи

хижины, рѣшился я просить у Каппана шлюпки и ѣхать на островъ съ двумя или тремя мапрозами. Онъ говорилъ объ опасности, о подводныхъ камняхъ; но видя непреклонность своего пассажира, согласился исполнить мое требование, съ тѣмъ условіемъ, чтобы я на другой день рано поутру на корабль возвратился.

Мы поплыли, и благополучно пристали къ берегу, въ небольшомъ тихомъ заливѣ. Тутъ встрѣтили насъ рыбаки, люди грубые и дикіе, выросшіе на холодной спихии, подъ шумомъ валовъ морскихъ, и незнакомые съ улыбкою дружелюбнаго привѣтствія; впрочемъ не хищные и не злые люди. Услышавъ, что мы желаемъ посмотрѣть островъ и ночевать въ ихъ хижинахъ, они привязали нашу лодку, и повели насъ, сквозь распавшуюся кремнистую гору, къ своимъ жилищамъ. Черезъ полчаса вышли мы на про-

спрaнную, зеленую равнину, гдѣ, подобно какъ на долинахъ Альпійскихъ, разсѣяны были низенькіе деревянные домики, рощицы и громады камней. Тутъ оставилъ я своихъ мапировъ, а самъ пошелъ далѣе, чшобы насладаться еще нѣсколько времени пріятностями вечера; мальчикъ, лѣтъ принацапи, былъ проводникомъ моимъ.

Алая заря не угасла еще на свѣтломъ небѣ; розовой свѣтъ ея сыпался на бѣлые гранишы, и вдали, за высокимъ холмомъ, освѣщалъ оспрыя башни древняго замка. Мальчикъ не могъ сказать мнѣ, кому принадлежалъ сей замокъ. „Мы шуда не ходимъ, говорилъ онъ, — и Богъ знаетъ, что тамъ дѣлается!“ — Я удвоилъ шаги свои, и скоро приблизился къ большому гошическому зданію, окруженному глубокимъ рвомъ и высокою стѣною. Вездѣ царствовала тишина; вдали шумѣло море; послѣдній лучъ

вечерняго свѣта угасалъ на мѣд-
ныхъ шпицахъ башенъ.

Я обошелъ вокругъ замка — во-
ропа были запершы, мосты подня-
шы. Проводникъ мой боялся, самъ
не зная чего, и просилъ меня иппи
назадъ къ хижинамъ; но могъ ли
любопытной человѣкъ уважить та-
кую прозьбу?

Наспупила ночь, и вдругъ раз-
дался голосъ — эхо повпорило его,
и опяшь все умолкло. Мальчикъ
опъ спрахъ схватилъ меня обѣи-
ми руками, и дрожалъ какъ прескуп-
никъ въ часъ казни. Черезъ ми-
нупу снова раздался голосъ — спра-
шивали: *кто тамъ?* Чужеземецъ,
сказалъ я, приведенный любопыт-
ствомъ на сей оспровъ; и еспли
госпепрїимство почиается добро-
дѣшелію въ спѣнахъ вашего замка,
то вы укроете спранника на тем-
ное время ночи. — Опвѣта не было;
но черезъ нѣсколько минутъ загре-
мѣлъ и опустился съ верьху башни

подъемной мостъ : съ шумомъ оп-
 ворились воропа — высокой чело-
 вѣкъ, въ длинномъ черномъ плащѣ,
 вспрыгнулъ меня, взялъ за руку
 и повелъ въ замокъ. Я оборотился
 назадъ : но мальчикъ, провожающей
 мой, скрылся.

Воропа хлопнули за нами; мостъ
 загремѣлъ и поднялся. Черезъ об-
 ширной дворъ, заросшій куспар-
 никомъ, крапивою и полынью, при-
 шли мы къ огромному дому, въ ко-
 торомъ свѣтился огонь. Высокой пе-
 ристиль въ древнемъ вкусѣ велъ къ
 желѣзному крыльцу, котораго спу-
 пени звучали подъ ногами нашими.
 Вездѣ было мрачно и пусто. Въ пер-
 вой залѣ, окруженной внутри го-
 пиической колонадою, висѣла лампа-
 да, и едва, едва изливала блѣдный
 свѣтъ на ряды позлащенныхъ спол-
 повъ, которые отъ древности на-
 чинали разрушаться ; въ одномъ
 мѣстѣ лежали части карниза, въ

другомъ опломки пиласпировъ, въ прешьемъ цѣлыя упавшія колонны. Путеводитель мой нѣсколько разъ взглядывалъ на меня проницательными глазами, но не говорилъ ни слова.

Все сіе сдѣлало въ сердцѣ моемъ странное впечатлѣніе, смѣшенное опчаспи съ ужасомъ, опчаспи съ тайнымъ неизъяснимымъ удовольствіемъ, или лучше сказать, съ пріятнымъ ожиданіемъ чего-то чрезвычайнаго.

Мы прошли еще черезъ двѣ или три залы, подобныя первой, и освѣщенные такими же лампадами. Потомъ отворилась дверь на право — въ углу небольшой комнаты сидѣлъ почтенной сѣдовласой старецъ, облокотившись на столъ, гдѣ горѣли двѣ бѣлыя восковыя свѣчи. Онъ поднялъ голову, взглянулъ на меня съ нѣкоторою печальною ласкою, подалъ мнѣ слабую свою руку, и сказалъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ: „Хотя вѣчная горестъ обитаетъ въ

спѣнахъ здѣшняго замка, но спран-
никъ, пребующій гостепріимства,
всегда найдетъ въ немъ мирное
приспанище. Чужеземецъ! я не
знаю тебя; но ты человекъ — въ
умирающемъ сердцѣ моемъ жива
еще любовь къ людямъ — мой домъ,
мой обѣщаніе тебѣ отворснны. “ —

Онъ обнялъ, посадилъ меня, и спа-
раясь развеселилъ мрачный видъ
свой, уподоблялся хопя ясному,
но хладному осеннему дню, копо-
рой напоминаешь болѣе горесннюю
зиму, нежели радосннее лѣто. Ему
хотѣлось быть привѣпливымъ, —
хотѣлось улыбкою вселилъ въ ме-
ня довѣренность и пріятныя чув-
ства дружелюбія; но знаки сердеч-
ной печали, углубившіеся на лицѣ
его, не могли исчезнуть въ одну
мину.

„Ты долженъ, молодой чело-
вѣкъ — сказалъ онъ — ты долженъ
извѣстнть меня о происшествіяхъ
свѣта, мною оставленнаго, но еще

не совсѣмъ забытаго. Давно живу я въ уединеніи; давно уже не слышу ничего о судьбѣ людей. Скажи мнѣ, царствуетъ ли любовь на земномъ шарѣ? Курился ли еиміамъ на олпяхъ добродѣтели? Благодарствуютъ ли народы въ спрахахъ, побою видѣнныхъ?“ — Свѣтъ наукъ, отвѣчалъ я, распространяется болѣе и болѣе; но еще спруишся на землѣ кровь человѣческая — лѣются слезы несчастныхъ — хвалятъ имя добродѣтели, и спорятъ о существѣ ея. — Спарецъ вздохнулъ и пожалъ плечами.

Узнавъ, что я Россіянинъ, сказалъ онъ: „Мы происходимъ отъ одного народа съ вашимъ. Древніе жилища оспрововъ Рюгена и Борнгольма были Славяне. Но вы прежде насъ озарились свѣтомъ Христіанства. Уже великолѣпные храмы, единому Богу посвященные, возносились къ облакамъ въ спрахахъ вашихъ; но мы, во мракъ идо-

лопоклонства, приносили кровавыя жертвы безчувственнымъ испугамъ. Уже въ поржественныхъ гимнахъ славили вы великаго Творца вселенной; но мы, ослѣпленные заблужденіемъ, хвалили въ неспроиныхъ пѣсняхъ идоловъ баснословія.“ — Спарецъ говорилъ со мною объ исторіи сѣверныхъ народовъ, о происшествіяхъ древности и новыхъ временъ; говорилъ такъ, что я долженъ былъ удивляться уму его, знаніямъ, и даже краснорѣчію.

Черезъ полчаса онъ вспалъ и пожелалъ мнѣ доброй ночи. Слуга, въ черномъ плащѣ, взявъ со стола одну свѣчу, повелъ меня черезъ длинныя узкіе переходы — и мы вошли въ большую комнату, обвѣщенную древнимъ оружіемъ, мечами, копьями, лапами и шишаками. Въ углу, подъ золопымъ балдахиномъ, стояла высокая кровать, украшенная рѣзьбою и древними барельефами.

Мнѣ хотѣлось предложишь множество вопросовъ сему человѣку; но онѣ, не дожидаясь ихъ, поклонился и ушелъ въ ту мину; желѣзная дверь хлопнула — звукъ спрашно раздался въ пусныхъ стѣнахъ — и все утихло. Я легъ на постелю — смотрѣлъ на древнее оружіе, освѣщаемое сквозь маленькое окно слабымъ лучемъ мѣсяца — думалъ о своемъ хозяинѣ, о первыхъ словахъ его: *здѣсь обитаетъ вѣчная горестъ* — мечталъ о временахъ прошедшихъ, о тѣхъ приключеніяхъ, копорымъ сей древній замокъ бывалъ свидѣтелемъ — мечталъ, подобно такому человѣку, копорой между гробовъ и могилъ взираетъ на прахъ умершихъ, и оживляетъ его въ своемъ воображеніи. — Наконецъ образъ печальнаго Гревзендскаго незнакомца представился душѣ моей, и я заснулъ.

Но сонъ мой не былъ покоенъ. Мнѣ казалось, что всѣ лапы, ви-

сѣвшія на спѣнѣ , превратились въ рыцарей ; что сіи рыцари приближались ко мнѣ съ обнаженными мечами, и съ гнѣвнымъ лицомъ говорили: „Нещаспной ! какъ дерзнулъ ты пристапъ къ нашему оспрову ? Развѣ не блѣднѣющѣ плавали при видѣ гранипныхъ береговъ его ? Какъ дерзнулъ ты войти въ спрашное свяпилице замка ? Развѣ ужасъ его не гремишъ во всѣхъ окрестностяхъ ? Развѣ спранникъ не удаляется отъ грозныхъ его башенъ ? Дерзкой ! умри за сіе пагубное любопытство ! “ — Уже мечи заспучали надо мною ; уже тысячи ударовъ сыпались на грудь мою — но вдругъ все скрылось — я пробудился , и черезъ минушю опять заснулъ . Тупъ новая мечпа возмутила духъ мой . Мнѣ казалось, что спрашной громъ раздавался въ замкѣ ; желѣзныя двери спучали , окна пряслися , полъ колебался , и ужасное крылапое чудовище , ко-

пораго описать не умѣю, съ ревомъ и свиспомъ лепѣло къ моей постелѣ. Сновидѣніе исчезло; но я не могъ уже спать, чувствовалъ нужду въ свѣжемъ воздухѣ, приблизился къ окну, увидѣлъ подлѣ него маленькую дверь, отворилъ ее, и по крупной лѣстницѣ — сошелъ въ садъ.

Ночь была ясная; свѣтъ полной луны осребрялъ темную зелень на древнихъ дубахъ и вязахъ, которые соспавляли густую, длинную алею. Шумъ морскихъ волнъ соединялся съ шумомъ листьевъ, попрясаемыхъ вѣтромъ. Вдали бѣлѣлись каменные горы, копорыя, подобно зубчатой стѣнѣ, окружающѣ островъ Борнгольмъ; между ими и стѣнами замка видѣнъ былъ съ одной стороны большой лѣсъ, а съ другой открытая равнина и маленькія рощицы.

Сердце все еще билось у меня отъ спрашныхъ сновидѣній, и кровь

моя не переставала волноваться. Я вступилъ въ темную алею, подъ кровъ шумящихъ дубовъ, и съ нѣкопорымъ благоговѣйнымъ спрахомъ углублялся во мракъ ея. Мысль о Друидахъ возбудилась въ душѣ моей—и мнѣ казалось, что я приближаюсь къ тому священицу, гдѣ храняшся всѣ таинства и всѣ ужасы ихъ богослуженія. Наконецъ сія длинная алея привела меня къ розмариновымъ кустамъ, за которыми возвышался песчаной холмъ. Мнѣ хотѣлось взойти на вершину его, чтобы опшуда при свѣтѣ ясной луны взглянуть на картину моря и острова; но путь представился глазамъ моимъ опверснѣе во внутренность холма. Оно было не велико, и человекъ съ трудомъ могъ войти въ него. Непреодолимое любопытство влекло меня въ сію пещеру, которая походила болѣе на дѣло рукъ человеческихъ, нежели на произведеніе дикой На-

пуры. Я вошелъ — почувствовалъ сырость и холодъ — но рѣшился итти далѣе, и сдѣлавъ шаговъ десять впередъ, разсмотрѣлъ нѣсколько ступеней внизъ и широкую желѣзную дверь, копорая, къ моему удивленію, была не заперта. Какъ будто бы невольнымъ образомъ рука моя отворила ее — шупъ, за желѣзною решепкою, на копорой висѣлъ большой замокъ, горѣла лампада, привязанная ко своду; а въ углу, на соломенной постелѣ, лежала молодая, блѣдная женщина въ черномъ платьѣ. Она спала; русые волосы, съ копорыми переплелись желпыя соломенки, закрывали высокую грудь ея, едва, едва дышащую; одна рука, бѣлая, но изсохшая, лежала на землѣ, а на другой покоилась голова спящей. Естли бы живописецъ хотѣлъ изобразить помную, безконечную, всегдашнюю скорбь, осыпанную маковыми цвѣтами Морфея: то сія женщина

могла бы служить прекраснымъ образцомъ для кисти его.

Друзья мои! кого не прогаепъ видѣ несчастнаго? Но видѣ молодой женщины, спирающей въ подземной темницѣ — видѣ слабѣйшаго и любезнѣйшаго изъ всѣхъ существъ, угнетеннаго судьбою — могъ бы влить чувство въ самой камень. Я смотрѣлъ на нее съ горестію, и думалъ самъ въ себѣ: „Какая варварская рука лишила тебя дневнаго свѣта? не ужели за какое нибудь тяжкое преступленіе? Но миловидное лице твое, но тихое движеніе груди твоей, но собственное сердце мое, увѣряютъ меня въ твоей невинности!“

Въ самую сію минуту она проснулась — взглянула на решепку — увидѣла меня — изумилась — подняла голову — вспала — приблизилась, — опустила глаза въ землю, какъ будто бы собираясь съ мыслями — снова устремила

ихъ на меня , хотѣла говоришь , и
— не начинала.

„Есѣли чувствительность
спранника — (сказалъ я черезъ нѣ-
сколько минуѣ краснорѣчиваго
молчанія) — рукою судьбы приве-
деннаго въ здѣшній замокъ и въ
эту пещеру , можетъ облегчить
твою участь ; есѣли искреннее
его соспрананіе заслуживаетъ
твою довѣренность : пребуй его
помощи!“ — Она смотрѣла на меня
неподвижными глазами , въ копо-
рыхъ видно было удивленіе , нѣко-
торое любопытство , нерѣшимость
и сомнѣніе. Наконецъ , послѣ силь-
наго внутренняго движенія , копо-
рое какъ будто бы электрическимъ
ударомъ потрясло грудь ея , оповѣ-
чала она твердымъ голосомъ : „Кто
бы ты ни былъ ; какимъ бы случа-
емъ ни зашелъ сюда — чужеземецъ !
я не могу пребывать опѣ тебя ни-
чего , кромѣ сожалѣнія. Не въ тво-
ихъ силахъ переменить долю мою.

Я лобызаю руку, которая меня наказываетъ.“ — Но сердце твое невинно? сказалъ я: оно конечно не заслуживаетъ такого жестокаго наказанія? — „Сердце мое, оправдала она, могло быть въ заблужденіи. Богъ прости въ слабую. Надеюсь, что жизнь моя скоро кончится. Оставь меня, незнакомецъ!“ —

Тутъ приблизилась она къ решеткѣ, взглянула на меня съ ласкою, и тихимъ голосомъ повпорила: „Ради Бога оставь меня! . . . Если онъ самъ послалъ тебя — пусть, котораго страшное проклятіе гремитъ всегда въ моемъ слухѣ — скажи ему, что я спрадаю, спрадаю день и ночь; что сердце мое высохло отъ горести; что слезы не облегчаютъ уже боли моей. Скажи, что я безъ ропота, безъ жалобъ сношу заключеніе; что я умру его нѣжною, несчастною“ — — Она вдругъ замолчала, задумалась, удалилась отъ решетки, спала на колѣни, и

закрыла руками лице свое ; черезъ минути поспрѣла на меня, снова пошупила глаза въ землю, и сказала съ нѣжною робостію: „Ты можешь бышь знаешь мою исторію ; но естли не знаешь, то не спрашивай меня — ради Бога не спрашивай! . . . Чужеземецъ , прости!“ — Я хотѣлъ иппи, сказавъ ей нѣсколько словъ , излившихся прямо изъ души моей ; но взоръ мой еще вспрѣпился съ ея взоромъ — и мнѣ показалось, что она хочетъ узнать отъ меня нѣчто важное для своего сердца. Я остановился , — ждалъ вопроса ; но онъ , послѣ глубокаго вздоха, умеръ на блѣдныхъ устахъ ея. Мы распались.

Вышедши изъ пещеры , не хотѣлъ я затворить желѣзной двери, чпобы свѣжій , чистой воздухъ сквозь решетку проникъ въ пещицу и облегчилъ дыханіе несчастной. Утренняя заря алѣла на небѣ ; ппички пробудились ; въперокъ свѣ-

валъ росу съ кустовъ и цвѣт-
ковъ, копорые росли вокругъ пес-
чаного холма. — Боже мой! думалъ
я — Боже мой! какъ горестно быть
исключеннымъ изъ общества жи-
выхъ, вольныхъ, радостныхъ тва-
рей, копорыми вездѣ населены
необозримыя пространства Напу-
ры! Въ самомъ свѣрѣ, среди высо-
кихъ мшистыхъ скалъ, ужасныхъ
для взора, твореніе руки Твоей
прекрасно, — твореніе руки Тво-
ей восхищаетъ духъ и сердце. И
здѣсь, гдѣ пѣнистыя волны отъ
начала міра сражающся съ грани-
тыми утесами, — и здѣсь десница
Твоя напечатлѣла живые знаки
Творческой любви и благодати; и
здѣсь въ часъ утра розы цвѣтутъ
на лазоревомъ небѣ; и здѣсь нѣж-
ные зефиры дышатъ ароматами; и
здѣсь зеленые ковры расстилаю-
ся какъ мягкой бархатъ подъ но-
гами человека; и здѣсь поютъ ппич-
ки — поютъ весело для веселаго,

печально для печальнаго, пріятно для всякаго; и здѣсь скорбящее сердце въ объятіяхъ чувствительной Природы можетъ облегчиться отъ бремени своихъ горестей! Но — бѣдная, заключенная въ темницѣ, не имѣетъ сего утѣшенія; роса упренная не окропляетъ ея помянаго сердца; вѣтерокъ не освѣжаетъ исплѣвшей груди; лучи солнечные не озаряютъ помраченныхъ глазъ ея; пихія, бальзамическія изліянія луны не питаютъ души ея кропками сновидѣніями и пріятными мечтами. Творецъ! почто даровалъ Ты людямъ гибельную власть дѣлать несчастными другъ друга и самихъ себя? — — Силы мои ослабли и глаза закрылись, подѣвъ вѣтвями высокаго дуба, на мягкой зелени. Сонъ мой продолжался около двухъ часовъ.

„Дверь была отворена; чужестранецъ входилъ въ пещеру“ — вотъ что услышалъ я, проснувшись

— опкрылѣ глаза и увидѣлѣ спарца, хозяина своего; онѣ сидѣлѣ въ задумчивости на дерновой лавкѣ, шагахѣ въ пяпи отѣ меня; подлѣ него стоялѣ попѣ человѣкѣ, копто-рой ввелѣ меня въ замокѣ. Я подошелѣ кѣ нимѣ. Спарецѣ взглянулѣ на меня съ нѣкопторою суровостию; вспалѣ, пожалѣ мою руку — и видѣ его сдѣлался ласковѣе. Мы вошли вмѣспѣ въ густую алею, не говоря ни слова. Казалось, чпо онѣ въ душѣ своей колебался, и былѣ въ нерѣшимости; но вдругѣ оспановился, и устремивѣ на меня пронцапельный, огненный взорѣ, спросилѣ пвердымѣ голосомѣ: *ты видѣлѣ ее?* — Видѣлѣ, опвѣчалѣ я, видѣлѣ, не узнавѣ, кпо она, и за чпо спрада-епѣ въ шемницѣ. — Узнаешь, сказалѣ онѣ, узнаешь, молодой человѣкѣ, и сердце пвое обольепся кровію. Тогда спросишь у самого себя: за чпо Небо изліяло всю чашу гнѣна Своего на сего слабаго, сѣдаго

спарца; спарца, копорой любилъ добродѣшель; копорой чпилъ святыя законы Его? — Мы сѣли подъ деревомъ, и спарецъ разсказалъ мнѣ ужаснѣйшую испорію — испорію, копорой вы теперъ не услышите, друзья мои; она оспаетъ до другаго времени. На сей разъ скажу вамъ одно то, что я узналъ пайну Гревзендскаго незнакомца, — пайну спрашную! —

Маппрозы дожидались меня у воротъ замка. Мы возвратились на корабль, подняли парусы, и Борнгольмъ скрылся отъ глазъ нашихъ.

Море шумѣло. Въ горестной задумчивости споялъ я на палубѣ, взявшись рукою за мачту. Вздохи пѣснили грудь мою — наконецъ я взглянулъ на небо, — и вѣперъ свѣялъ въ море слезу мою.

МАРѢА ПОСАДНИЦА,
ИЛИ
ПОКОРЕНІЕ НОВАГОРОДА.

Историческая Повѣсть.

(Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ Россійской Исторіи! говоритъ Издашель сей повѣсти. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы опечесства присоединить область Новгородскую къ своей Державѣ: хвала ему! Однакожь сопротивленіе Новогородцевъ не есть бунтъ какихъ нибудь Якобинцевъ: они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ опчасши самими Великими Князьями: на примѣръ, Ярославомъ, ушвердишелемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было предвидѣшь, что сопротивленіе обратится въ гибель Новугороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ охотной жершвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, кошорый сообщаю здѣсь любителямъ Истории и — сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знашнихъ Новогордцевъ, переселенныхъ Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ другіе города. Всѣ главныя происшествія согласны съ Исторіею. И лѣтописи и старинныя пѣсни опдають справедливость великому уму Марѣы Борецкой, сей чудной женщины, кошорая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не кспаша!) бытъ Капономъ своей Республики.

Кажешся, что старинный Авторъ сей повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаеть честь его справедливости, хотя при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ кровь Новогородская явно играетъ въ немъ. Тайное побужденіе (*motif*), данное имъ фанатизму Марѣы, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродѣтельную женщину.)

КНИГА ПЕРВАЯ.

Раздался звукъ *Ветеваго колокола*, и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ. Опцы семействъ вырываются изъ объятий супругъ и дѣтей, чптобы спѣшишь, куда зовешъ ихъ опечесво. Недоумѣніе, любопытство, страхъ и надежда влекутъ гражданъ шумными толпами на великую площадь. Всѣ спрашивающіе: никто не опвѣстивуешъ... Тамъ, прошивъ древняго дому Ярославова, уже собралися Посадники съ золопыми на груди медалями, Тысяцкіе съ высокими жезлами, Бояре, Люди Жишые со знаменами и Спароспы всѣхъ пяпи Концовъ Новгородскихъ (*) съ серебряными сѣкирами. Но еще не видно никого на мѣстѣ лобномъ или Вадимовомъ (гдѣ возвышался мраморный образъ сего Вишязя). Народъ

(*) Такъ назывались части города: Конецъ Неровскій, Гончарскій, Славянскій, Загородскій и Плотинскій.

крикомъ своимъ заглушаетъ звонъ колокола, и пребуетъ отккрытія Веча. Іосифъ Дблинскій, имениный гражданинъ, бывшій семь разъ Степеннымъ Посадникомъ — и всякой разъ съ новыми услугами опечесиву, съ новою чеспію для своего имени — всходитъ на желѣзныя ступени, отккрываетъ сѣдую, почпенную свою голову, смиренно кланяется народу и говоритъ ему, что Князь Московскій прислалъ въ Великій Новгородъ своего Боярина, копорый желаетъ всенародно объявить его пребыванія. . . Посадникъ сходитъ — и Бояринъ Іоанновъ являясь на Вадимовомъ мѣстѣ, съ видомъ гордымъ, въ одеждѣ воинской, и мечемъ препоясанный. То былъ Воевода, Князь Холмскій, мужъ благоразумный и пвердый — правая рука Іоаннова въ предпріятіяхъ воинскихъ, око его въ дѣлахъ государспвенныхъ — храбрый въ битвахъ, велерѣчивый въ Совѣтѣ. Всѣ

безмолвспвуюпѣ. Бояринѣ хочепѣ
говоришѣ. . . но юные, надменные
Новгородцы восклицаютѣ: *смирисѣ*
предѣ великимѣ народомѣ! Онѣ мед-
литѣ — тысячи голосовѣ повпо-
ряютѣ: *смирисѣ предѣ великимѣ на-*
родомѣ! Бояринѣ снимаетѣ шлемѣ
сѣ головы своей — и шумѣ умол-
каетѣ.

„Граждане Новгородскіе!“ вѣ-
щаетѣ онѣ: „Князь Московскій и
„всея Россіи говоришѣ сѣ вами —
„внимайте!

„Народы дикіе любятѣ независи-
„моспѣ, народы мудрые любятѣ по-
„рядокѣ: а нѣтѣ порядка безѣ вла-
„спи самодержавной. Ваши предки
„хотѣли правишѣ сами собою и бы-
„ли жерпвою люпыхѣ сосѣдовѣ или
„еще люпѣйшихѣ внутреннихѣ ме-
„ждоусобій. Спарецѣ добродѣтель-
„ный, споя на прагѣ вѣчности, за-
„клиналѣ ихѣ избрашѣ Владѣтеля.
„Они повѣрили ему: ибо человекѣ

„при дверяхъ гроба можетъ гово-
 „ришь только истину.

„Граждане Новгородскіе! въ снѣ-
 „нахъ вашихъ родилось , утверди-
 „лось , прославилось самодержавіе
 „земли Руской. Здѣсь великодуш-
 „ной Рюрикъ пворилъ судъ и прав-
 „ду; на семъ мѣстѣ древніе Ново-
 „городцы лобызали ноги своего оп-
 „ца и Князя , который примирилъ
 „внутренніе раздоры, успокоилъ и
 „возвеличилъ городъ ихъ. На семъ
 „мѣстѣ они проклинали гибельную
 „вольность и благословляли спа-
 „сительную власъ Единаго. Преж-
 „де , ужасные только для самихъ
 „себя и несчастные въ глазахъ со-
 „сѣдовъ, Новгородцы подъ держав-
 „ною рукою Варяжскаго Героя сдѣ-
 „лались ужасомъ и зависію дру-
 „гихъ народовъ ; и когда Олегъ
 „храбрый двинулся съ воинствомъ
 „къ предѣламъ юга , всѣ племена
 „Славянскія покорялись ему съ ра-
 „достью , и предки ваши , повари-

„щи его славы, едва вѣрили своему
„величію.

„Олеѣ, слѣдуя за печеніемъ
„Днѣпра, возлюбилъ красные бере-
„га его, и въ благословенной спра-
„нѣ Кіевской основалъ столицу сво-
„его обширнаго государсва ; но
„Великій Новгородъ былъ всегда де-
„сницею Князей Великихъ, когда
„они славили дѣлами имя Руское.
„Олеѣ подъ щипомъ Новогород-
„цевъ прибилъ щипъ свой къ вра-
„памъ Цареградскимъ. Святославъ
„сѣ дружиною Новогородскою раз-
„сѣялъ какъ прахъ воинсво Ци-
„мисхія, и внукъ Ольгинъ сѣ ва-
„шими предками былъ прозванъ
„Владѣтелемъ міра.

„Граждане Новогородскіе ! не
„только воинскою славою обязаны
„вы Государямъ Рускимъ : еспьли
„глаза мои, обращаясь на всѣ Кон-
„цы вашего града, видятъ повсюду
„злапыя кресты великолѣпныхъ

„храмовъ святой Вѣры; естѣли
 „шумъ Волхова напоминаетъ вамъ
 „попъ великій день, въ который
 „знаки идолослуженія погибли съ
 „шумомъ въ быспрыхъ волнахъ
 „его: по вспомните, что Влади-
 „миръ соорудилъ здѣсь первый
 „храмъ истинному Богу; Владиміръ
 „низвергъ Перуна въ пучину Вол-
 „хова! . . . Естѣли жизнь и соб-
 „спвенность священны въ Новѣ-
 „городѣ, по скажите, чья рука
 „оградила ихъ безопасностію? . . .
 „Здѣсь“ — (указывая на домъ Яро-
 „слава) — „здѣсь жилъ мудрый
 „законодатель, благошворитель ва-
 „шихъ предковъ, Князь великодуш-
 „ный, другъ ихъ, котораго называ-
 „ли они впорымъ Рюрикомъ! . . .
 „Помощь неблагодарное! вни-
 „май справедливымъ укоризнамъ!

„Новгородцы, бывъ всегда стар-
 „шими сынами Россіи, вдругъ оп-
 „дѣлились отъ братьевъ своихъ; бывъ
 „вѣрными подданными Князей, ны-

„нѣ смѣюся надѣ ихѣ власпію. . .
 „и въ какія времена? О спыдѣ име-
 „ни Рускаго! Родство и дружба по-
 „знаюся въ напасяхѣ: любовь
 „къ опеческву также. . . . Богѣ въ
 „неисповѣдимомѣ совѣтѣ Своемѣ
 „положилѣ наказаніе землю Рускую.
 „Явились варвары безчисленные,
 „пришельцы отъ спранѣ никому
 „неизвѣстныхъ (*), подобно симѣ
 „пучамѣ насѣкомыхѣ, копорыя Не-
 „бо во гнѣвѣ Своемѣ гонитѣ бурею
 „на жапву грѣшника. Храбрые Сла-
 „вяне, изумленные ихѣ явленіемѣ,
 „сражаются и гибнутѣ; земля Ру-
 „ская обогрывается кровію Рускихѣ;
 „города и села пылаютѣ; гремятѣ
 „цѣпи на дѣвахѣ и спарцахѣ. . .
 „Чпожѣ дѣлаютѣ Новогородцы? Спѣ-
 „шатѣ ли на помощь къ братьямѣ
 „своимѣ? . . Нѣтѣ! пользуясь сво-
 „имѣ удаленіемѣ отъ мѣстѣ крово-
 „пролитія, пользуясь общимѣ бѣд-

(*) Такѣ думали въ Россіи о Татарахѣ.

„спвіемъ Князей, опнимають у
 „нихъ власць законную, держать
 „ихъ въ спѣнахъ своихъ какъ въ
 „темницѣ, изгоняють, призыва-
 „ють другихъ и снова изгоняють.
 „Государи Новгородскіе, попомки
 „Рюрика и Ярослава, должны были
 „слушаться Посадниковъ и прече-
 „пать *Вечеваго колокола*, какъ пруду-
 „бы Суда Спрашнаго! Наконецъ
 „никто уже не хотѣлъ бытъ Кня-
 „земъ вашимъ, рабомъ мятежнаго
 „Веча. . . . Наконецъ Рускіе и Ново-
 „городцы не узнають другъ друга!
 „Опъ чего же такая перемѣна
 „въ сердцахъ вашихъ? Какъ древнее
 „племя Славянское могло забыть
 „кровь свою? . . . Корысполубіе,
 „корысполубіе ослѣпило васъ! Ру-
 „скіе гибнутъ, Новгородцы бога-
 „тѣютъ. Въ Москву, въ Кіевъ, въ
 „Владиміръ, привозятъ пруды Хри-
 „стіанскихъ вишязей, убіенныхъ
 „невѣрными, и народъ, осыпавъ
 „пепломъ главу свою, съ воплемъ

„вспрѣчаешѣ ихѣ : въ Новгородѣ
 „привозяшѣ товары чужеземные ,
 „и народѣ съ радостными воскли-
 „цаніями привѣтствуютѣ госпдей
 „(*) иностранныхѣ ! Рускіе счита-
 „ютѣ язвы свои: Новгородцы счи-
 „таютѣ злая монета. Рускіе
 „въ узахѣ : Новгородцы славятѣ
 „вольность свою!

„Вольность! . . . но вы также раб-
 „ствуете. Народѣ! я говорю съ по-
 „бою. Бояре честлюбивые , уни-
 „чтоживѣ власть Государей, сами
 „овладѣли ею. Вы повинуетесь —
 „ибо народѣ всегда повиноваться
 „долженѣ — но только не священ-
 „ной крови Рюрика, а купцамѣ бо-
 „гатымѣ. О спыдѣ ! попомки Сла-
 „вянѣ дѣлятѣ зломѣ права Вла-
 „стителей! Роды Княжескіе , из-
 „древле именитые , возвысились
 „дѣлами храброспи и славы : ваши
 „Посадники, Тысяцкіе , Люди Жи-

(*) То есть, купцовѣ.

„пые , обязаны своимъ достоин-
 „ствомъ благопріятному вѣпру и
 „хипросіямъ корысплюбія. При-
 „выкшіе къ выгодамъ торговли ,
 „поргующъ и благомъ народа; кпо
 „имъ обѣщаютъ злопо , поому они
 „васъ обѣщаютъ. Такъ , извѣстны
 „Князю Московскому ихъ друже-
 „спвенныя, пайныя связи съ Лип-
 „вою и Казимиромъ. Скоро , скоро
 „вы соберешесь на звукъ *Ветеваго*
 „колокола , и надменный Полякъ
 „скажетъ вамъ на лобномъ мѣстѣ:
 „вы рабы мои ! . . . Но Богъ и ве-
 „ликій Іоаннъ еще о васъ пекутся.

„Новгородцы! земля Руская вос-
 „кресаетъ. Іоаннъ возбудилъ отъ
 „сна древнее мужество Славянъ ,
 „ободрилъ унылое воинство , и бе-
 „рега Камы были свидѣтелями по-
 „бѣдъ нашихъ. Дуга мира и завѣ-
 „ща возсіяла надъ могилами Кня-
 „зей Георгія , Андрея , Михаила.
 „Небо примирилось съ нами, и ме-
 „чи Татарскіе испутились. Наспа-

„ло время меспи, время славы и пор-
 „жества Христіянскаго. Еще ударъ
 „послѣдній не совершился; но Іоаннъ,
 „избранный Богомъ, не опустилъ
 „державной руки своей, доколѣ не со-
 „крушилъ враговъ и не смѣшаетъ
 „ихъ праха съ землею персію.
 „Димитрій, поразивъ Мамаю, не
 „освободилъ Россіи: Іоаннъ все
 „предвидилъ; и зная, что раздѣле-
 „ніе государства было виною бѣдъ
 „свѣй его, онъ уже соединилъ всѣ
 „Княжества подъ своею державою,
 „и признанъ Власпелиномъ земли
 „Руской. Дѣти опечесства, послѣ
 „горестной долговременной разлу-
 „ки, обѣмлются съ веселіемъ предъ
 „очами Государя и мудраго опца
 „ихъ.

„Но радость его не будетъ со-
 „вершенна, доколѣ Новгородъ, древ-
 „ній, великій Новгородъ, не возвра-
 „щится подъ сѣнь опечесства. Вы
 „оскорбляли его предковъ: онъ все
 „забываетъ, если ему покори-

„песь. Іоаннѣ, достпойный владѣшь
 „міромѣ, желаешѣ только бышь
 „Государемѣ Новгородскимѣ! . . .
 „Вспомнише, когда онѣ былѣ мир-
 „нымѣ госпемѣ посреди васѣ;
 „вспомнише, какѣ вы удивлялись
 „его величію, когда онѣ, окружен-
 „ный своими вельможами, шелѣ по
 „спогнамѣ Новаграда въ домѣ Яро-
 „славовѣ; вспомнише, съ какимѣ
 „благоволеніемѣ, съ какою мудро-
 „спію онѣ бесѣдовалѣ съ вашими
 „Боярами о древностяхѣ Нового-
 „родскихѣ, сидя на поспавленномѣ
 „для него пронѣ близѣ мѣспа Рю-
 „рикова, опкуда взорѣ его обни-
 „малѣ всѣ *Концы* града и веселыя
 „окреспности; вспомнише, какѣ
 „вы единодушно восклицали: *Да*
 „*здравствуетѣ Князь Московскій,*
 „*великій и мудрый!* Такому ли Го-
 „сударю не славно повиновашься,
 „и для того единспвенно, чпобы
 „вмѣспѣ съ нимѣ совершенно осво-
 „бодить Россію опѣ ига варваровѣ?

„Тогда Новгородъ еще болѣе укра-
 „сился и возвеличился въ мірѣ.
 „Вы будете *первыми* сынами Рос-
 „си: здѣсь Іоаннъ пославши протѣ
 „свой и воскресивъ щасливыя
 „времена, когда не шумное *Вече*,
 „но Рюрикъ и Ярославъ судили
 „васъ какъ опцы дѣшей, ходили по
 „спогнамъ и вопрошали бѣдныхъ,
 „не угнетаютъ ли ихъ богатые?
 „Тогда бѣдные и богатые равно бу-
 „дутъ щасливы, ибо всѣ поддан-
 „ные равны предъ лицомъ Владыки
 „самодержавнаго.

„Народъ и граждане! да вла-
 „ствуетъ Іоаннъ въ Новгородѣ,
 „какъ онъ въ Москвѣ властвуетъ!
 „или — внимайте его послѣдному
 „слову — или храброе воинство,
 „гопское сокрушитъ Тапаръ, въ
 „грознамъ ополченіи явится преж-
 „де глазамъ вашимъ, да усмиритъ
 „мятежниковъ! . . . Миръ или вой-
 „на? отвѣтствуйте!“

Съ симъ словомъ Бояринъ Іоан.
II.

новѣ надѣлъ шлемѣ, и сошелъ съ лобнаго мѣста.

Еще продолжается молчаніе. Чиновники и граждане въ изумленіи. Вдругъ колеблющаяся толпа народная, и громко раздаются восклицанія: *Марѳа! Марѳа!* Она всходитъ на желѣзныя ступени, тихо и величаво; взираетъ на безчисленное собраніе гражданъ, и безмолвствуетъ.... Важность и скорбь видны на блѣдномъ лицѣ ея.... Но скоро осѣненный гореснію взоръ блеснулъ огнемъ вдохновенія; блѣдное лицо покрылось румянцемъ, и Марѳа вѣщала:

„Вадимъ! Вадимъ! здѣсь лилась
„священная кровь твоя: здѣсь при-
„зываю Небо и себя во свидѣтели,
„что сердце мое любитъ славу
„опечества и благо согражданъ;
„что скажу истину народу Ново-
„городскому, и гошова запечата-
„лъ ее моею кровію. Жена дер-
„заетъ говорить на Вечѣ: но пред-

„ки мои были друзья Вадимовы ; я
 „родилась въ спанѣ воинскомъ подѣ
 „звукомъ оружія ; отецъ , супругъ
 „мой погибли , сражаясь за Новго-
 „родъ. Вотъ право мое быть за-
 „щищницею вольности! оно купле-
 „но цѣною моего щастія. . . .“

Говори, славная дочь Моваграда!
 воскликнулъ народъ единогласно —
 и глубокое безмолвіе снова изъявило
 его вниманіе.

„Попомки Славянъ великодуш-
 „ныхъ! васъ называюпѣ мятежни-
 „ками! . . . За то ли , что вы подѣ-
 „яли изъ гроба славу ихъ? Они бы-
 „ли свободны , когда текли съ во-
 „стока на западъ избравъ себѣ жи-
 „лище во вселенной , свободны по-
 „добно орламъ , парившимъ надъ
 „ихъ головою въ обширныхъ пусты-
 „няхъ древняго міра. . . . Они утвер-
 „дились на красныхъ берегахъ Иль-
 „меня , и все еще служили одному
 „Богу. Когда Великая Имперія (*),
 (*) Римская.

„какѣ вешхое зданіе , сокрушалась
 „подѣ сильными ударами дикихѣ
 „Героевѣ Сѣвера; когда Готѣы, Ван-
 „далы, Эрулы и другія племена
 „Скиѣскія искали вездѣ добычи,
 „жили убійствами и грабежемѣ,
 „погда Славяне имѣли уже селе-
 „нія и города, обрабатывали землю,
 „наслаждались пріятными искус-
 „ствами мирной жизни, но все еще
 „любили независимость. Подѣ сѣ-
 „нію дерева чувствительный Сла-
 „вянинѣ игралѣ на струнахѣ изоб-
 „рѣшеннаго имѣ мусикійскаго орудія
 „(*), но мечѣ его висѣлъ на вѣпѣ-
 „вахѣ, готѣовый наказатѣ хищника и
 „пирана. Когда Боянѣ, Князь Авар-
 „скій, спрашнѣ для Императорѣвѣ
 „Греціи, попребовалѣ, чѣобы Сла-
 „вяне ему поддались, они гордо и
 „спокойно отвѣтствовали : *Никто*
 „*во вселенной не можетѣ поработитѣ*

(*) См. Византійскихѣ Историковѣ,
 Теофилакѣта и Теофана.

„насъ, доколѣ не выдутъ изъ упо-
 „ребленія мети и стрѣлы (*)!...
 „О великія воспоминанія древности!
 „вы ли должны склоняшь насъ къ
 „рабству и къ узамъ?

„Правда, съ теченіемъ временъ
 „родились въ душахъ новыя спра-
 „спи; обычаи древніе, спаситель-
 „ные, забывались, и неопытная
 „юность презирала мудрые совѣ-
 „щія спарцевъ: тогда Славяне при-
 „звали къ себѣ знаменитыхъ храб-
 „роспию Князей Варяжскихъ, да
 „повелѣвающъ юнымъ, мятежнымъ
 „воинствомъ. Но когда Рюрикъ за-
 „хотѣлъ самовольно властвовать,
 „гордость Славянская ужаснулась
 „своей неоспорожности, и Вадимъ
 „храбрый звалъ его предъ судъ на-
 „рода. *Метъ и боги да будутъ на-*
 „*шими судіями!* отвѣтствовалъ
 „Рюрикъ — и Вадимъ палъ опъ ру-
 „ки его, сказавъ: *Новгородцы! на*

(*) См. Менандера.

„мѣсто, обогрѣнное моею кровію,
 „приходите оплакивать свое нераз-
 „уміе — и славить волюность, когда
 „она съ торжествомъ явится снова
 „въ стѣнахъ вашихъ. . . . Исполни-
 „лось желаніе великаго мужа: на-
 „родъ собирается на священной
 „могилѣ его, свободно и независимо
 „рѣшивъ судьбу свою.

„Такъ, кончина Рюрика — да
 „опладимъ справедливостъ сему
 „знаменишному Вишязю! — мудраго
 „и смѣлаго Рюрика, воскресила сво-
 „боду Новгородскую. Народъ, из-
 „умленный его величіемъ, невольно
 „и смиренно повиновался; но ско-
 „ро, не видя уже Героя, пробудил-
 „ся отъ глубокаго сна, и Олегъ,
 „испытавъ многократно его упор-
 „ную непреклонностъ, удалился
 „отъ Новгорода съ воинствомъ
 „храбрыхъ Варягъ и Славянскихъ
 „юношей, искавъ побѣды, дани-
 „ковъ и рабовъ между другими
 „Скиѣскими, менѣе отважными и

„гордыми племенами. Съ шого вре-
 „мени Новгородъ признавалъ въ
 „Князьяхъ своихъ единспвенно пол-
 „ководцевъ и военачальниковъ : на-
 „родъ избиралъ власти граждан-
 „скія, и повинуюсь имъ, повиновал-
 „ся усшаву воли своей. Въ Кіевля-
 „нахъ и другихъ Россіянахъ опцы
 „наши любили кровь Славянскую,
 „служили имъ какъ друзьямъ и
 „братьямъ, разили ихъ непріате-
 „лей и вмѣспѣ съ ними славились
 „побѣдами. Здѣсь провелъ юность
 „свою Владиміръ; здѣсь, среди при-
 „мѣровъ народа великодушнаго,
 „образовался великій духъ его;
 „здѣсь мудрая бесѣда старцевъ на-
 „шихъ возбудила въ немъ желаніе
 „вопроситъ всѣ народы земные о
 „спайнспвахъ Вѣры ихъ, да оп-
 „кроепся истина ко благу людей;
 „и когда, убѣжденный въ свяпо-
 „спи Христїанспва, онъ принялъ
 „его опѣ Грековъ, Новгородцы,
 „разумнѣе другихъ племенъ Сла-

„вянскихъ , изъявили и болѣе рев-
 „носпи къ новой истинной Вѣрѣ.
 „Имя Владиміра священо въ Новѣ-
 „городѣ ; священна и любезна па-
 „мять Ярослава : ибо онъ первый
 „изъ Князей Рускихъ утвердилъ
 „законы и вольность Великаго гра-
 „да. Пусть дерзость называетъ
 „опцевъ нашихъ неблагодарными ,
 „за то, что они отражали власпо-
 „любивыя предпріятія его попом-
 „ковъ! Духъ Ярославовъ оскорбился
 „бы въ небесныхъ селеніяхъ, есль-
 „ли бы мы не умѣли сохранить
 „древнихъ правъ, освященныхъ его
 „именемъ. Онъ любилъ Новгород-
 „цевъ, ибо они были свободны; ихъ
 „признапельность радовала его
 „сердце , ибо только души благо-
 „родныя могутъ быть признапель-
 „ными : рабы повинуются и нена-
 „видятъ! Нѣтъ, благодарность на-
 „ша поржесивуетъ, доколѣ народъ
 „во имя отечества собирается
 „предъ домомъ Ярослава, и смонря

„на сіи древнія спѣны, говоришѣ
 „сѣ любовію: *тамъ жилъ другъ*
нашъ!

„Князь Московскій укоряешѣ пе-
 „бя, Новгородъ, самымъ твоимъ
 „благоденствіемъ — и въ сей винѣ
 „не можемъ оправдаться! Такъ ко-
 „нечно: цвѣтущіе обласпи Нового-
 „родскія, поля запытаются класами,
 „житницы полны, богатства льют-
 „ся къ намъ рѣкою; Великая *Тан-*
 „за (*) гордится нашимъ союзомъ;
 „чужеземные госпи ищущіе друж-
 „бы нашей, удивляются славѣ Ве-
 „ликаго града, красотѣ его зданій,
 „общему избытку гражданъ, и, воз-
 „вращаясь въ страну свою, гово-
 „ряшѣ: *мы видѣли Новгородъ, и*
ничего подобнаго ему не видали!
 „Такъ конечно: Россія бѣдствуетъ
 „— ея земля обогрязается кровію,

(*) Союзъ вольныхъ Нѣмецкихъ горо-
 довъ, который имѣлъ свои конторы
 въ Новгородѣ.

„веси и грады опустѣли, люди
 „какѣ звѣри въ лѣсахъ укрывающ-
 „ся; отецѣ ищещѣ дѣтей и не на-
 „ходишѣ; вдовы и сироты просятѣ
 „милоспыни на распутіяхъ. Такѣ,
 „мы щасптивы — и виновны, ибо
 „дерзнули повиноватѣся законамѣ
 „своего блага, дерзнули не учаспво-
 „ватѣ въ междоусобіяхъ Князей,
 „дерзнули спасти имя Руское отѣ
 „спыда и поношенія, не приняшѣ
 „оковъ Татарскихъ и сохранишѣ дра-
 „гоцѣнное достоинство народное!

„Не мы, о Россіане нещаспные,
 „но всегда любезные намѣ братья!
 „не мы, но вы насѣ оставили, ко-
 „гда пали на колѣна предѣ гордымѣ
 „Ханомѣ и требовали цѣпей для
 „спасенія поносной жизни; когда
 „свирѣпый Батый, видя свободу
 „единого Новаграда, какѣ яростный
 „левѣ успремился расперзатѣ его
 „смѣлыхъ гражданѣ; когда опцы
 „наши, готовясь къ славной битвѣ,
 „остприли мечи на спѣнахъ своихъ

„— безъ робости: ибо знали, что
 „умрутъ, а не будутъ рабами! . . .
 „Напрасно, съ высоты башенъ,
 „взоръ ихъ искалъ вдали друже-
 „спвенныхъ легионовъ Рускихъ, въ
 „надеждѣ, что вы захопите въ по-
 „слѣдній разъ и въ послѣдней огра-
 „дѣ Руской вольности еще сра-
 „зисься съ невѣрными! Одиѣ роб-
 „кія толпы бѣглецовъ являлись на
 „путихъ Новаграда; не спукъ ору-
 „жія, а вопль малодушнаго опчая-
 „нія былъ вѣспникомъ ихъ прибли-
 „женія; онѣ пребовали не спрѣлъ
 „и мечей, а хлѣба и крова! . . . Но
 „Батый, видя опважностъ свобод-
 „ныхъ людей, предпочелъ безопас-
 „ностъ свою злобному удовольствію
 „мести. Онѣ спѣшилъ удалишь-
 „ся! . . . Напрасно граждане Ново-
 „городскіе молили Князей восполь-
 „зоваться такимъ примѣромъ и об-
 „щими силами, съ именемъ Бога Ру-
 „скаго, ударить на варваровъ: Князя
 „плашили дань и ходили въ спанѣ

„Татарскій обвиняють другъ друга
 „въ замыслахъ пропивъ Батыея; ве-
 „ликодушіе сдѣлалось предметомъ
 „доносовъ, къ несчастію ложныхъ! ...
 „И еспьли имя побѣды въ печеніе
 „двухъ столбпій сохранилось еще
 „въ языкѣ Славянскомъ, то не громъ
 „ли Новгородскаго оружія напо-
 „миналъ его землѣ Руской? не опцы
 „ли наши разили еще враговъ на
 „берегахъ Невы? Воспоминаніе
 „горестное! Сей Випись добродѣ-
 „тельный, драгоцѣнный оспапокъ
 „древняго геройства Князей Варяж-
 „скихъ, заслуживъ имя безсмерт-
 „ное съ вѣрною Новгородскою дру-
 „жиною, храбрый и щасливый ме-
 „жду нами, оставилъ здѣсь и славу
 „и щаспіе, когда предпочелъ имя
 „Великаго Князя Россіи имени Но-
 „вгородскаго Полководца: не вели-
 „чіе, но униженіе и горестъ ожи-
 „дали Александра во Владимірѣ —
 „и шопѣ, кпо на берегахъ Невы
 „давалъ законы храбрымъ Лифлянд-

„скимъ Рыцарямъ, долженъ былъ
„упасъ къ ногамъ Сарпака.

„Іоаннъ желяетъ повелѣвать Ве-
„ликимъ градомъ: не удивительно!
„онъ собственными глазами видѣлъ
„славу и богатство его. Но всѣ на-
„роды земные и будущія столѣтія
„не преспали бы дивиться, еспли
„бы мы захопѣли ему повиновать-
„ся. Какими надеждами онъ мо-
„жетъ обольстить насъ? Одни не-
„щасные легковѣрны; одни не-
„щасные желяютъ переменъ —
„но мы благоденствуемъ и свобод-
„ны! благоденствуемъ отъ того,
„что свободны! Да молиъ Іоаннъ
„Небо, чпобы Оно во гнѣвъ Своемъ
„ослѣпило насъ: тогда Новгородъ
„можетъ возненавидѣть щасіе и
„пожелать гибели; но доколѣ ви-
„димъ славу свою и бѣдствія Кня-
„жествъ Рускихъ, доколѣ гордимся
„ею и жалѣемъ объ нихъ, дополѣ
„права Новгородскія всего свяще-
„намъ по Богѣ.

„Я не дерзну оправдывати васъ,
 „мужи избранные общемо довѣрен-
 „носпію для правленія! клевета въ
 „устахъ власполюбія и зависпи не-
 „достойна опроверженія. Гдѣ спра-
 „на цвѣтешъ и народъ ликуешъ,
 „шамъ правители мудры и добро-
 „дѣтельны. Какъ! вы торгуете
 „благомъ народнымъ? но могутъ ли
 „всѣ сокровища міра замѣнить вамъ
 „любовь согражданъ вольныхъ? Кто
 „узналъ ея сладость, тому чего
 „желать въ мірѣ? развѣ послѣдня-
 „го щасія умереть за отече-
 „ство!

„Несправедливостъ и власполю-
 „біе Іоанна не запмѣваютъ въ гла-
 „захъ нашихъ его похвальныхъ
 „свойствъ и добродѣтелей. Давно
 „уже молва народная извѣстила
 „насъ о его величіи, и люди воль-
 „ные желали имѣть госпомъ Само-
 „власпишеля; искреннія сердца
 „ихъ свободно изливались въ радо-

„спныхъ восклицаніяхъ при его
 „шоржеспвенномъ вѣздѣ. Но знаки
 „усердія нашего конечно обманули
 „Князя Московскаго: мы хопѣли
 „изъявить ему пріятную надежду,
 „что рука его свергнетъ съ Россіи
 „иго Татарское: онъ вздумалъ, что
 „мы пребудемъ отъ него уничто-
 „женія нашей собственною воль-
 „носпи! Нѣтъ, нѣтъ! да будетъ
 „великъ Іоаннъ, но да будетъ ве-
 „ликъ и Новгородъ! Да славится
 „Князь Московскій испребленіемъ
 „враговъ Христіанства, а не дру-
 „зей и не братій земли Руской,
 „которыя она еще славится въ
 „мірѣ! Да прерветъ оковы ея, не
 „возлагая ихъ на добрыхъ и свобод-
 „ныхъ Новгородцевъ! Еще Ахманъ
 „дерзаетъ называть его своимъ
 „данникомъ: да идетъ противъ Мон-
 „гольскихъ варваровъ, и вѣрная
 „дружина наша опкроетъ ему
 „путь къ спану Ахманову! Когда
 „же сокрушитъ врага, тогда мы

„скажемъ ему:“ Іоаннѣ! ты возвра-
тилъ землѣ Руской честь и свобо-
ду, копорыхъ мы никогда не теря-
ли. Владѣй сокровищами, найден-
ными побою въ станѣ Тапарскомъ:
они были собраны съ земли твоей;
на нихъ нѣтъ клейма Новгород-
скаго: мы не плашили дани ни Ба-
тшею, ни потомкамъ его! Цар-
ствуй съ мудростію и славою; за-
лечи глубокія язвы Россіи; сдѣлай
подданныхъ своихъ и нашихъ бра-
тій щасливыми — и естли когда ни-
будь соединенныя твои Княжества
превзойдутъ славою Новгородъ;
естли мы позавидуемъ благоден-
ствію твоего народа; естли Все-
вышній накажетъ насъ раздорами,
бѣдствіями, униженіемъ: тогда —
клянемся именемъ опечества и сво-
боды! — тогда придемъ не въ спо-
лицу Польскую, но въ царственный
градъ Москву, какъ нѣкогда древ-
ніе Новгородцы пришли къ храб-
рому Рюрику; и скажемъ — не Ка-

зимиру, но шебѣ: *владѣй нами! мы*
уже не умѣемъ править собою!

„Ты содрогаешься, о народъ ве-
 „ликодушный! . . . Да идепѣ мимо
 „насѣ сей печальный жребій! Будь
 „всегда достоинѣ свободы, и будешь
 „всегда свободнымѣ! Небеса право-
 „судны и ввергающѣ въ рабство
 „одни порочные народы. Не спра-
 „шисѣ угрозѣ Иоанновыхѣ, когда
 „сердце швое пылаешѣ любовію къ
 „опеческву и къ святымѣ успавамѣ
 „его; когда можешѣ умерешѣ за
 „ческѣ предковѣ своихѣ и за благо
 „попомсква!

„Но еспѣли Иоаннѣ говоришѣ
 „испину; еспѣли въ самомѣ дѣлѣ
 „гнусное корысполюбіе овладѣло
 „душами Новгородцевѣ; еспѣли
 „мы любимѣ сокровища и нѣгу бо-
 „лѣе добродѣтели и славы: то ско-
 „ро ударитѣ послѣдній часѣ нашей
 „вольности, и *Ветевый колоколѣ*,
 „древній гласѣ ея, падешѣ съ баш-
 „ни Ярославовой и навсегда умолк-

„нешѣ! . . . Тогда , тогда мы поза-
 „видуемѣ щаспію народовѣ , копо-
 „рые никогда не знали свободы.
 „Ея грозная тѣнь будетѣ являть-
 „ся намѣ подобно мертвецу блѣд-
 „ному и перзаетѣ сердце наше без-
 „полезнымѣ раскаяніемѣ!

„Но знай , о Новгородѣ ! что съ
 „упрапою вольности изсохнетѣ и
 „самый источникѣ твоего богат-
 „ства: она оживляетѣ трудолюбіе,
 „изощряетѣ серпы и запитѣ ни-
 „вы ; она привлекаетѣ иностран-
 „цевѣ въ наши стѣны съ сокрови-
 „щами торговли ; она же окри-
 „ляетѣ суда Новгородскія , когда
 „они съ богатымѣ грузомѣ по вол-
 „намѣ несущся . . . Бѣдность , бѣд-
 „ность накажетѣ недоспойныхѣ
 „гражданѣ , не умѣвшихѣ сохранить
 „наслѣдія опцевѣ своихѣ ! Померк-
 „нетѣ слава твоя , градѣ Великій ;
 „опустѣютѣ многолюдные *Концы*
 „твои ; широкія улицы зароснутѣ
 „правою , и великолѣпіе твое , ис-

„чезнувѣ навѣки, будещѣ баснею
 „народовѣ. Напрасно любопытный
 „спранникѣ среди печальныхъ раз-
 „валинѣ захочещѣ искапѣ того мѣ-
 „ста, гдѣ собиралось Вече, гдѣ
 „споялѣ домѣ Ярославовѣ и мра-
 „морный образѣ Вадима: никто ему
 „не укажешѣ ихѣ. Онѣ задумается
 „горестно и скажешѣ только: здѣсь
 „былѣ Новгородѣ!“...

Тутѣ спрашный вопль народа не
 далѣ уже говоришѣ Посадницѣ.
 „Нѣшѣ, нѣшѣ! мы всѣ умремѣ за
 „опечесство!“ восклицающѣ безчи-
 сленные голоса: „Новгородѣ Госу-
 „дарѣ нашѣ! да явишѣ Іоаннѣ съ
 „воинствомѣ!“ Марѣа, споя на Ва-
 димовомѣ мѣстѣ, веселишѣ дѣй-
 ствіемѣ ея рѣчи. Чтобы еще болѣе
 воспалишѣ умы, она показываешѣ
 цѣпѣ, гремишѣ ею въ рукѣ своей и
 бросаешѣ на землю: народѣ еѣ из-
 скупленіи гнѣва попираешѣ оковы
 ногами, взывая: *Новгородѣ Госу-
 дарѣ нашѣ! война, война Іоанну! На-*

прасно Посолъ Московскій желяетъ еще говоришь именемъ Великаго Князя и пребуетъ вниманія: дерзкіе подвемлютъ на него руку, и Марѳа должна защищать Боярина. Тогда онъ извлекаетъ мечъ, ударяетъ имъ о подножіе Вадимова образа, и возвысивъ голосъ свой, съ душевною скорбію произноситъ: „И такъ да „будетъ война между Великимъ „Княземъ Іоанномъ и гражданами „Новгородскими! да возвращаясь „*клятвенныя письма* (*)! Богъ да „судитъ вѣроломныхъ!“ . . . Марѳа вручаетъ Послу грамоу Іоаннову и принимаетъ Новгородскую. Она даетъ ему спражу и *знамя мѣра*. Народныя толпы передъ нимъ разсупающа. Бояринъ выходитъ изъ града. Тамъ ожидала его Московская дружина. . . . Марѳа, опершись

(*) Клятвенными письмами назывались дружественные трактаы. При объявленіи войны надлежало всегда возвращать ихъ.

на образъ Вадимовъ , слѣдуетъ за нимъ взоромъ своимъ. Посолъ Іоанновъ садится на коня, и еще съ горестію взираетъ на Новгородъ. Железные запоры спускаютъ на городскихъ воропахъ , и Бояринъ тихо ѣдетъ по Московской дорогѣ , провождаемый своими воинами. Вечерніе лучи солнца угасали на ихъ блестящемъ оружіи.

Марѳа вздохнула свободно. Видя ужасный мятежъ народа (копорый, подобно бурнымъ волнамъ , спремился по спогнамъ , и безпрестанно восклицалъ: *Новгородъ Государь нашъ! смерть врагамъ его!*) внимая грозному набату, копорый гремѣлъ во всѣхъ пяти Концахъ города (въ знакъ объявленія войны), сія величаяя жена подѣмлетъ руки къ Небу, и слезы текутъ изъ глазъ ея. „О тѣнь моего супруга!“ тихо вѣщаетъ она съ умиленіемъ: „я исполнила клятву свою! Жребій брошенъ : да будетъ , что угодно

„Судьбѣ!“... Она сходитъ съ Вадимова мѣста.

Вдругъ раздается прескѣ и громъ на великой площади... земля колеблется подъ ногами... набатъ и шумъ народный умолкаютъ... всѣ въ изумленіи. Густое облако пыли закрываетъ отъ глазъ домъ Ярослава и лобное мѣсто... Сильный порывъ вѣтра разноситъ наконецъ густую мглу, и всѣ съ ужасомъ видятъ, что высокая башня Ярославова, новое гордое зданіе народного богатства, пала съ *Ветевымъ колоколомъ* и дымишся въ своихъ развалинахъ (*). . . . Пораженные симъ явленіемъ, граждане безмолвствуютъ... Скоро пишина прерывается голосомъ, внятнымъ, но подобнымъ глухому спону, какъ будто бы исходящему изъ глубокой пещеры: *О Новгородѣ! такъ падетъ*

(*) Лѣтописи наши говорятъ о паденіи новой колокольни и ужасѣ народа.

слава твоя! такъ истезнетъ твое величіе! . . . Сердца ужаснулись. Взоры устремились на одно мѣсто; но слѣдъ голоса исчезъ въ воздухъ вмѣстѣ съ словами: напрасно искали, напрасно хотѣли знать, кто произнесъ ихъ. Всѣ говорили: *мы слышали!* никто не могъ сказать, отъ кого? Именистые Чиновники, устрашенные народнымъ впечатлѣніемъ болѣе, нежели самымъ происшествіемъ, всходили одинъ за другимъ на Вадимово мѣсто и спарались успокоить гражданъ. Народъ пребывалъ мудрой, великодушной, смѣлой Марѳы: посланные нигдѣ не могли найти ее.

Между тѣмъ настала бурная ночь. Засвѣпились факелы: сильный вѣтеръ безпрестанно задувалъ ихъ; безпрестанно надлежало приносить огонь изъ домовъ сосѣдственныхъ. Но Тысяцкіе и Бояре ревностно прудились съ гражданами: опрыли Ветевый колоколъ

и повѣсили на другой башнѣ. Народъ хотѣлъ слышать священный и любезный звонъ его — услышалъ и казался покойнымъ. Спешенный Посадникъ распустилъ *Вече*. Толпы рѣдѣли. Еще друзья и ближніе останавливались на площади и на улицахъ говорить между собою; но скоро настала всеобщая тишина, подобно какъ на морѣ послѣ бури, и самые огни въ домахъ (гдѣ жены Новгородскія съ безпокойнымъ любопытствомъ ожидали отцовъ, супруговъ и дѣтей) одинъ за другимъ погасли.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ густотѣ дремучаго лѣса, на берегу великаго озера Ильменя, жилъ мудрый и благочестивый опшельникъ Θεодосій, дѣдъ Марыи Посадницы, нѣкогда знаменитѣйшій изъ

Боярѣ Новгородскихѣ. Онѣ сем-
десять лѣтъ служилѣ опеческву :
мечемѣ, совѣтомѣ, добродѣтелию, и
наконецѣ захопѣлѣ служишѣ Богу
ѣдиному въ пишинѣ пуспыни; пор-
жесквенно проспился съ народомѣ
на Вечѣ, видѣлѣ слезы добрыхѣ со-
гражданѣ, слышалѣ сердечныя бла-
гословенія за долговременную Ново-
городскую вѣрность его, самѣ пла-
калѣ опѣ умиленія и вышелѣ изѣ
града. Злапая медаль его висѣла въ
Софійской церкви, и всякій новый
Посадникѣ украшался ею въ день
избранія.

Уже давно онѣ жилѣ въ пуспынѣ,
и только два раза въ годѣ могла
приходишѣ къ нему Марѣа, бесѣдо-
вашѣ съ нимѣ о судьбѣ Новгорода
или о радостяхѣ и печаляхѣ ея
сердца. Сошедши съ Вадимова мѣ-
ста при звукѣ набапа, она спѣшила
къ нему съ юнымѣ Мірославомѣ(*),

(*) Въ Новгородѣ было еще обыкнове-
ніе называшься древними Славянски-
VI.

и нашла его спящаго на колѣняхъ предъ уединенною хижиною: онъ совершалъ вечернее моленіе. „Молись, добродѣтельный спарецъ!“ сказала она: „буря угрожаетъ опечеснву.“ — *Знаю*, оповѣстивовалъ пустынникъ, и съ гореснію указалъ рукою на небо (*). Густая туча висѣла и волновалась надъ Новымградомъ; изъ глубины ея сверкали красныя молніи и вылетали шары огненные. Станицы плотоядныхъ врановъ парили надъ злапыми крестами храмовъ, какъ будто бы въ ожиданіи скорой добычи. Между тѣмъ люпыя звѣри спрашно были во мракѣ лѣса, и древнія сосны, ударяясь въпьями одна объ другую, прещали на корняхъ своихъ...

ми именами. Такъ, на примѣрѣ, лѣтописи сохранили намъ имя Рашмѣра, одного изъ поварищей Александра Невскаго.

(*) Въ старину хотѣли всегда читать на небѣ предстоящую гибель людей.

Марѣа пвердымъ голосомъ сказала
 пуспыннику: „Когда бы все небо за-
 „пылало и земля какъ море восколе-
 „балась подъ моими ногами, и по-
 „гда бы сердце мое не успрашилось:
 „если Новугороду должно погиб-
 „нуть, то могу ли думать о жиз-
 „ни своей?“ Она извѣспила его о
 происшествіи. Θεодосій обнялъ ее
 съ горячностію. „Великая дочь мо-
 „его сына!“ вѣщаль онъ съ умиле-
 ніемъ: „последняя опрасль нашего
 „славнаго рода! въ тебѣ пылаетъ
 „кровь Молинскихъ: она не совсѣмъ
 „охладила и въ моемъ сердцѣ, из-
 „нуренномъ лѣтами; посвятивъ его
 „Небу, еще люблю славу и воль-
 „ность Новаграда... Но слабая ру-
 „ка человѣческая опведетъ ли со-
 „крушительные удары всевышней
 „Десницы? Душа моя содрогается:
 „я предвижу бѣдствіа!...“ Судьба
 людей и народовъ есть тайна Про-
 видѣнія (опвѣспивуетъ Марѣа): но
 дѣла зависятъ отъ насъ единствен-

но, и сего довольно. Сердца гражданъ въ рукѣ моей: они не покоряпся Іоанну, и душа моя поржествуетъ! Самая опасностъ веселитъ ее... Чшобы не укоряпъ себя въ будущемъ, пошребно шолько дѣйствовать благоразумно въ настоящемъ, избирать лучшее и спокойно ожидать слѣдствій... Многочисленное воинство соберетъ, готовое опразитъ врага; но должно поручитъ его вождю надежному, смѣлому, рѣшительному. Исаакъ Борецкій (*) во гробѣ; въ сынахъ моихъ нѣтъ духа воинскаго; я воспитала ихъ усердными гражданами: они могутъ умереть за опечество, но единое Небо вливаетъ въ сердца то пламенное геройство, которое повелѣваетъ рокомъ въ день битвы.— „Развѣ мало славныхъ вищезей въ Новѣградѣ?“ сказалъ Θεодосій: „ужасъ Лифляндіи, Георгій

(*) Мужъ ея.

смѣлый“... — Преселился къ оп-
цамъ своимъ. — „Побѣдипель Ви-
пофпа, Владиміръ знаменитый“...
— Онъ спароспи мечъ выпалъ изъ
руки его. — „Михаилъ храбрый“...
— Онъ врагъ Іосифа Дѣлинскаго и
Борецкихъ : можетъ ли быть дру-
гомъ опечеспва ? — „Димипрій
сильный“... — Сильна рука его,
но сердце коварно: онъ вспрѣшилъ
за городомъ Посла Іоаннова и пай-
но говорилъ съ нимъ. — „Кпожъ
будетъ главою войска и щипомъ
Новаграда?“ — Сей юноша! опвѣп-
спвуетъ Посадница, указавъ на
Мірослава... Онъ снялъ пернапый
шлемъ съ головы своей; заря ве-
черняя и блескъ молніи освѣщали
величеспвенную красопу его. Тео-
досій смопрѣлъ съ удивленіемъ на
юношу.

„Никпо не знаетъ его родипе-
лей,“ говоритъ Марѳа : „онъ былъ
найденъ въ пеленахъ на желѣзныхъ
спупеняхъ Вадимова мѣста, и вос-

пишанѣ въ училищѣ Ярославѣ (*); рано удивлялъ спарцевъ своею мудростію на Вечахъ, а Вишазей храбростію въ битвахъ. Исаакъ Борецкій умеръ въ его объятіяхъ. Всякой разъ, когда я встрѣчалась съ нимъ на спогнахъ града, сердце мое влеклось дружбою къ юношѣ, и взоръ мой невольно за нимъ слѣдовалъ. Онъ сирота въ мірѣ; но Богъ любитъ сирыхъ, а Новгородъ великодушныхъ. Ихъ именемъ спавлю юношу на спепень величія; ихъ именемъ вручаю ему судьбу всего, что для меня драгоцѣннѣе въ свѣтѣ: вольности и Ксеніи! Такъ, онъ будетъ супругомъ моей любезнѣйшей дочери! Тотъ, кто опаснымъ и великимъ саномъ вождя обратиши на себя всѣ стрѣлы и копья самовласія, мною раздраженнаго, не долженъ быть чуждымъ роду Бо-

(*) Такъ называлось всегда главное училище въ Новгородѣ (говорилъ Авпоръ).

рецкихъ и крови моей. . . . Я изумила благородное и чувствительное сердце юноши: онъ клянется побѣдою или смертію оправдать меня въ глазахъ согражданъ и потомства. Благослови, мужъ святой и добродѣтельный, волю нѣжной матери, которая болѣе Ксеніи любитъ одно опечесство! Сей союзъ достоинъ твоей правнуки: онъ заключается въ день рѣшительный для Новаграда и соединяетъ ея жребій съ его жребіемъ. Супругъ Ксеніи есть или будущій спаситель опечесства или обреченная жертва свободы!“ — Феодосій обнялъ юношу, называя его сыномъ своимъ. Они вошли въ хижину, гдѣ горѣла лампада. Спарецъ дрожащею рукою снялъ булашный мечъ, на стѣнѣ висѣвшій, и вручая его Мірославу, сказалъ: „Вотъ послѣдній остатокъ мірской славы въ жилищѣ опшельника! Я хотѣлъ сохранить его до гроба, но отдаю тебѣ:

Рапѣмірѣ, предокѣ мой, изобразилѣ на немѣ златыми буквами слова: *никогда врагу не достанется!*“. . . . Мірославѣ взялѣ сей древній мечѣ съ благоговѣніемѣ, и гордо опѣвѣпствововалѣ: *исполню условіе!* — Марѣа долго еще говорила съ мудрымѣ Θεодосіемѣ о силахѣ Князя Московскаго, о вѣрныхѣ и невѣрныхѣ союзникахѣ Новаграда, и сказала наконецѣ юношѣ: „Возвратимся; буря утихла. Народѣ покоится въ великомѣ градѣ; но для сердца моего уже нѣтъ спокойствія!“ Спарецѣ проводилѣ ихѣ съ молитвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобномѣ мѣстѣ Посадницу, окруженную народомѣ. Она держала за руку Мірослава и говорила: „Народѣ! сей „Вишязѣ есть Небесный дарѣ Великому граду. Его рожденіе скрытаеся во мракѣ тайнства; но „благоволеніе Всевышняго явно ознаменовало юношу. Чѣмѣ Небо опли-

„чаешъ Своихъ избранныхъ, когда
 „сей видъ геройскій, сіе чело гор-
 „дое, сей взоръ огненный не естъ
 „печать любви Его? Онъ пипомецъ
 „опечесхва, и сердце его сильно
 „бьется при имени свободы. Вамъ
 „извѣсны подвиги Мірославою
 „храброси.“ . . . (Марѳа съ жаромъ
 и краснорѣчіемъ описала ихъ) . . .
 „Сотраждане!“ сказала она въ заклю-
 ченіе: „Кого болѣе всѣхъ долженъ
 „ненавидѣть Князь Московскій, по-
 „му болѣе всѣхъ вы можете въ-
 „ришь: я признаю Мірослава достой-
 „нымъ вождемъ Новгородскимъ! . . .
 „Самая цвѣтущая молодость его
 „вселяетъ въ меня надежду: ща-
 „спіе ласкаетъ юность!“ . . . Народъ
 поднялъ вверхъ руки: Мірославъ
 былъ избранъ! . . . *Да здравствуетъ*
юный вождь силъ Новгородскихъ!
 восклицали граждане, и юноша съ
 величественнымъ смиреніемъ пре-
 клонилъ голову. Бояре и Люди Жи-
 пые осѣнили его своими знаменами.

Іосафъ Дѣлинскій, другъ Марѣи, вручилъ юношѣ златый жезлъ начальства. Старосты пяти Концовъ Новгородскихъ спали предъ нимъ съ сѣкирами, и Тысяцкіе, громогласно объявивъ собраніе войска, на лобномъ мѣстѣ записывали имена гражданъ для всякой тысячи. Димитрій *Сильный* обнималъ Мірослава, называя его своимъ повелителемъ; но Михаилъ *Храбрый*, воинъ суровый, изъяслялъ негодованіе. Народъ, раздраженный его укоризнами, хотѣлъ смирить гордаго; но Марѣа и Дѣлинскій великодушно спасли его: они уважали въ немъ достоинство Вишязя и щадили врага личнаго, презирая месть и злобу.

Марѣа отъ имени Новаграда написала убѣдительное и прогашельное письмо къ союзной Псковской Республикѣ. „Опцы наши (говорила она) жили всегда въ мирѣ и дружбѣ; у нихъ было *одно* бѣдствіе и щасіе, ибо они *одно* лю-

„били и ненавидѣли. Брашья по кро-
 „ви Славянской и Вѣрѣ православ-
 „ной, они назывались брашьями и
 „по духу народному. Псковитя-
 „нинѣ въ Новгородѣ забывалѣ, что
 „онѣ не въ опчизнѣ своей, и давно
 „уже извѣстна пословица въ землѣ
 „Руской: *сердце на Великой (*)*,
 „*душа на Волховѣ*. Еспѣли мы ча-
 „ще могли помогать вамѣ, нежели
 „вы намѣ; еспѣли спраны дальнія
 „опѣ насѣ свѣдали имя ваше; еспѣ-
 „ли условія, заключенныя Великимѣ
 „Градомѣ съ Великою Ганзою, ожи-
 „вили торговлю Псковскую; еспѣ-
 „ли вы заимспвовали его спаси-
 „тельные успавы гражданскіе, и
 „еспѣли ни хищность Тапарѣ, ни
 „власполюбіе Князей Тверскихѣ не
 „повредили вашему благоденспвію
 „(ибо щипѣ Новаграда осѣнялѣ дру-
 „зей его): то хвала единому Небу!
 „Мы не гордимся своими услугами

(*) Имя Псковской рѣки.

„и щасливы полько ихъ воспоми-
 „наніемъ. Нынѣ, брагья, зовемъ
 „васъ на помощь къ себѣ, не для
 „опшлаты за добро Новгородское,
 „а для собспвеннаго вашего блага.
 „Когда рука сильнаго сразишъ насъ,
 „то и вы не переживете вѣрныхъ
 „друзей своихъ. Самая покорность
 „не спасетъ вашего бышя народ-
 „наго: что нынѣ оспанется въ умѣ
 „самовласшителя, то зашпра при-
 „помнитъ гражданину на дѣлѣ.—
 „Увѣренные въ вашей мудрости и
 „любви къ общей славѣ, мы уже
 „назначили предъ градомъ мѣсто
 „для вѣрной дружины Псковской.“
 — Чиновники подписали грамоту,
 и гонецъ немедленно опправился
 съ нею.

Трубы и лишавры возвѣстили
 на великой площади явленіе госпей
 иноспранныхъ. Музыканты, въ
 шелковыхъ красныхъ маншяхъ, шли
 впереди; за ними граждане десяти
 вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ, по

два вѣ рядѣ, всѣ вѣ богатой одеждѣ, и несли вѣ рукахѣ, на серебряныхѣ блюдахѣ, златые слишки и камни драгоцѣнные. Они приблизились къ Вадимову Мѣсту, и поставили блюда на ступени его. *Ратсгеръ* города Любека *требовалъ* слова — и сказалъ народу: „Граждане и „чиновники! вольные люди Нѣмцѣ, „кіе свѣдали, чѣо сильный врагѣ „угрожаетѣ Новуграду. Мы давно „торгуемѣ съ вами и хвалимся вѣр- „носпію, славимся пріязнію Нового- „родскою; знаемѣ благодарностѣ, „умѣемѣ помогать друзьямѣ вѣнуж- „дѣ. Граждане и чиновники! пріи- „маше усердные дары добрыхѣ го- „спей иносѣранныхѣ, не сполько „для умноженія казны вашей, сколь- „ко для нашей чести. Требуемѣ еще „опѣ васѣ оружія и дозволенія сра- „жаться подѣ знаменами Новогород- „скими. Великая Ганза не просп- „ла бы намѣ, еспѣли бы мы оспались „полько свидѣшелями вашихѣ опа-

„сноспей. Насѣ 700 человекѣ въ
 „Великомѣ Градѣ : всѣ выдемѣ въ
 „поле — и клянемся вѣрностію Нѣ-
 „мецкою, что умремѣ или побѣдимѣ
 „сѣ вами!“ — — Народѣ сѣ живѣй-
 шею благодарностію принялъ та-
 кіе знаки дружескаго усердія. Самѣ
 Мірославѣ роздалѣ оружіе госпямѣ
 чужеземнымѣ, копорые желали со-
 ставишѣ особенный легіонѣ: Марѣа
 назвала его *дружиною великодуш-*
ныхъ, и граждане общимѣ воскли-
 цаніемѣ подтвердили сіе имя.

Уже, среди шумныхъ воинскихъ
 пригопвлений, день склонялся къ
 вечеру — и юная Ксенія, сидя подѣ
 окномѣ своего дѣвическаго перема,
 сѣ любопытствомѣ смотрѣла на
 движенія народныя : они казались
 чуждыми ея спокойному, кропкому
 сердцу ! . . . Злополучная ! . . . Такѣ
 юный, невинный паспырь, еще оза-
 ряемый лучами солнца, сѣ любо-
 пытствомѣ смотришѣ на сверкаю-
 щую вдали молнію, не зная, что

грозная пуча на крыльяхъ бури прямо къ нему спремится, грянетъ и порази́тъ его! . . . Воспитанная въ простотѣ древнихъ Рускихъ нравовъ, Ксенія умѣла наслаждаться только одною своею Ангельскою непорочно́стію, и ничего болѣе не желала; никакое тайное движеніе сердца не давало ей чувствоватъ, что есть на свѣтѣ другое щастіе. Еслии иногда свѣтлый взоръ ея нечаянно устремлялся на юношей Новгородскихъ, то она краснѣлась, не зная причины: стыдливость есть тайна невинности и добродѣтели. Люби́тъ мать и свято исполня́тъ ея волю, люби́тъ бра́тій и милыми ласками доказыва́тъ имъ свою нѣжностъ, было единственною потребностію сей крошкой души. Но Судьба неисповѣдимая захопѣла ввергнутьъ ее въ мятежъ спрасей человѣческихъ; прелестная какъ роза погибнетъ въ бурѣ, но съ швердосто́ію и вели-

кодушіемъ : она была Славянка! . . .
Искра едва на землѣ свѣщипся :
сильный вѣперъ развѣваетъ изъ
нее пламя.

Отворяется дверь уединеннаго
перема , и служанки входящѣ съ
богатымъ нарядомъ : подающѣ Ксе-
ніи одежду алую , ожерелье жем-
чужное , серьги изумрудныя ; произ-
носящѣ имя матери ея , и дочь , все-
гда послушная , спѣшищѣ нарядищѣ-
ся , не зная , для чего . Скоро при-
ходищѣ Марѳа , смотрищѣ на Ксе-
нію , смягчается душою и даетъ
волю слезамъ материнской горяч-
ности Можетъ быть , тайное
предчувствіе въ сію минути омра-
чило сердце ея ; можетъ быть , ми-
лая дочь казалась ей несчастною
жертвою , украшенною для олшаря
и смерти ! Долго не можетъ она
говорищѣ , прижимая любезную ,
спокойную невинность къ пламен-
ной груди своей ; наконецъ укрѣпи-
лась силою мужества и сказала :

„Радуйся, Ксенія! сей день есть
 „щасливѣйшій въ жизни твоей;
 „нѣжная мать избираетъ тебѣ
 „супруга, достойнаго быть ея сы-
 „номъ!“... Она ведетъ ее въ храмъ
 Софійскій.

Уже народъ свѣдалъ о семъ зна-
 менипомъ бракѣ, извѣвлялъ радость
 свою и шумными толпами прово-
 жалъ Ксенію, изумленную, востре-
 воженную споль внезапною пере-
 мѣною судьбы своей... Такъ юная
 горлица, воспитанная подъ крыломъ
 матери, вдругъ видитъ мирное гнѣ-
 здо свое разрушенное вихремъ, и
 сама несется имъ въ неизвѣстное
 пространство; напрасно хотѣла бы
 она слабымъ усиленіемъ нѣжныхъ
 крыльевъ своихъ проптивиться
 стремленію бури.... Уже Ксенія
 стоитъ предъ олтаремъ подлѣ юно-
 ши; уже совершается обрядъ тор-
 жественный; уже она супруга: но
 еще не взглянула на того, кто дол-
 женъ быть оппнымъ властелиномъ

судьбы ея. . . . О слава священныхъ
 правъ мапери и добродѣтельной
 покорности дѣвѣ Славянскихъ! . . .
 Самъ Теофилъ (*) благословилъ но-
 вобрачныхъ. Ксенія рыдала въ объ-
 япіяхъ мапери, копорая, съ нѣж-
 ностію обнимая дочь свою и Міро-
 слава, въ то же время принимала
 съ величіемъ усердныя поздравленія
 Чиновниковъ. Іосафъ Дѣлинскій име-
 немъ всѣхъ гражданъ звалъ юношу
 въ домъ Ярославовъ. „Ты не имѣешь
 родишелей,“ говорилъ онъ: „опече-
 „сво признаетъ тебя великимъ сы-
 „номъ своимъ; и главный защищ-
 „никъ правъ Новгородскихъ да жи-
 „ветъ тамъ, гдѣ Князь добродѣтель-
 „ный утвердилъ ихъ своею печатію,
 „и гдѣ Новгородъ желаетъ нынѣ уго-
 „спитъ новобрачныхъ!“ . . . *Мѣтѣ,*
оповѣстивовала Марѳа: еще метъ
Іоанковъ не преломился о щитѣ Мѣ-
рослава или не обагрился его кро-

(*) Тогдашній Епископъ Новгородскій.

„вѣю за Новгородъ! и тихо примолвила: о вѣрный другъ Борецкихъ! хотя въ сей день, въ послѣдній разъ, да буду матерью, одна среди моего семейства! — — Она вышла изъ храма съ дѣтьми своими. Чиновники не дерзали слѣдовать за нею, и народъ далъ новобрачнымъ дорогу; жены знаменитыя усыпали ее цвѣтами до самыхъ воротъ Посадницы. Мірославъ велъ нѣжную, помную Ксенію (и Новгородъ никогда еще не видалъ столь прелесной чепы) — впереди Марѳа — за нею два сына ея. Музыканты чужеземные шли вдали, играя на своихъ гармоническихъ орудіяхъ. Граждане забыли опасность и войну; веселіе сіяло на лицахъ; и всякой отецъ, смотря на величественнаго юношу, гордился имъ какъ сыномъ своимъ; и всякая мать, видя Ксенію, хвалилась ею какъ милою своею дочерью. Марѳа веселилась усердіемъ народнымъ:

облако всегдашней задумчивости исчезло въ глазахъ ея; она взидала на всѣхъ съ улыбкою привѣпливой благодарности.

Съ самой кончины Исаака Борецкаго домъ его представлялъ уныніе и пуспому горести: теперь онъ снова украшается коврами драгоценными и богатыми шканями Нѣмецкими; вездѣ зажигающія свѣпильники серебряные, и вѣрные слуги Борецкихъ радостными толпами встрѣчающъ новобрачныхъ. Марѣа садится за столъ, съ дѣтьми своими; ласкаетъ ихъ, цѣлуетъ Ксенію, и всю душу свою изливаетъ въ искреннихъ разговорахъ. Никогда милая дочь ея не казалась ей столь любезною. „Ксенія!“ говоришь она: „нѣжное, крошкое сердце, твое узнаетъ теперь новое щастіе, любовь супружескую, копрой всѣ другія чувства уступаютъ. Въ ней жена малодушная,

„осужденная рокомъ на однѣ жало-
 „бы и слезы въ бѣдствіяхъ, нахо-
 „дишь твердость и рѣшитель-
 „ность, кою могущъ завидо-
 „вать Герои! . . . О дѣши любезныя!
 „теперь открою вамъ тайну моего
 „сердца!“ . . . Она дала знакъ ру-
 кою, и многочисленные слуги уда-
 лились. . . . „Было время, и вы по-
 „мните его (продолжала Марѳа), ко-
 „гда мать ваша жила единственно
 „для супруга и семейства въ пи-
 „щинѣ дома своего, боялась шума
 „народнаго, и только въ храмы свя-
 „щенныя ходила по спогнамъ; не
 „знала ни вольности, ни рабства;
 „не знала, повинуюсь сладкому за-
 „кону любви, что есть другіе за-
 „коны въ свѣтѣ, отъ копорыхъ за-
 „висишь щастіе и бѣдствіе людей.
 „О время блаженное! твои милыя
 „воспоминанія извлекающе нѣж-
 „ныя слезы изъ глазъ моихъ! . . Кто
 „нынѣ узнаешь мать вашу? Нѣко-
 „гда робкая, боязливая, уединенная,

„сѣ смѣлою швердосію предсѣ-
 „даешѣ шеперь въ Совѣшѣ Спарѣй-
 „шинѣ, являешся на лобномѣ мѣстѣ
 „среди народа многочисленнаго, ве-
 „лишѣ умолкнушѣ тысячамѣ, гово-
 „ришѣ на Вечѣ, волнуешѣ народѣ
 „какѣ море, пребуешѣ войны и кро-
 „вопролипія — та, которую преж-
 „де одно имя ихѣ ужасало! . . Чпо жѣ
 „дѣйствуетѣ въ душѣ моей? чпо
 „премѣнило ее сщоль чудесно? Ка-
 „кая сила даешѣ мнѣ власшѣ надѣ
 „умами согражданѣ? Любовь! . . .
 „одна любовь. . . . кѣ опцу вашему,
 „сему Герою добродѣтели, копо-
 „рый жилѣ и дышалѣ опечесшвомѣ!..
 „Гоповый выступишѣ въ поле про-
 „шивѣ Липовцевѣ, онѣ казался за-
 „думчивымѣ, безпокойнымѣ; нако-
 „нецѣ опкрылѣ мнѣ душу свою и
 „сказалѣ: *Я могу положить голову*
 „*въ сей войнѣ кровопролитной; дѣти*
 „*наши еще младенцы; сѣ моею смер-*
 „*тїю умолкнетѣ голосѣ Борецкихѣ*
 „*на Вечѣ, гдѣ онѣ издревле славилѣ*

„вольность и воспалѣлъ любовь къ
 „отечеству. Народъ слабъ и легко-
 „мысленъ: ему нужна помощь вели-
 „кой души въ важныхъ и рѣшитель-
 „ныхъ случаяхъ. Я предвижу опа-
 „сности, и всѣхъ опасѣе для насъ
 „Князь Московскій, который тай-
 „но желаетъ покорить Новгородъ. О
 „другъ моего сердца! успокой его!
 „Лѣтописи древнія сохранили име-
 „на нѣкоторыхъ великихъ женъ Сла-
 „вянскихъ: клянись мнѣ превзойти
 „ихъ! клянись замѣнить Исаака
 „Борецкаго въ народныхъ совѣтахъ,
 „когда его не будетъ на свѣтѣ!
 „клянись быть вѣтны мѣ вра-
 „гомъ непріятелей свободы Но-
 „вогородской: клянись умереть за-
 „щитницею правъ ея! и тогда
 „умру спокойно. . . . Я дала клят-
 „ву. . . Онъ погибъ, вмѣстѣ съ мо-
 „имъ щаспіемъ. . . Не знаю, капи-
 „лись ли изъ глазъ моихъ слезы на
 „гробъ его: я не о слезахъ думала,
 „но обожавъ супруга, пылала ревно-

„спію воскреситъ въ себѣ душу
 „его. Мудрыя преданія древности,
 „языки чужеземные, лѣтописи на-
 „родовъ вольныхъ, опыты вѣковъ,
 „просвѣтили мой разумъ. Я гово-
 „рила — и спарцы съ удивленіемъ
 „внимали словамъ моимъ; народъ
 „добродушный, осыпанный моими
 „благодѣянiями, любилъ и славилъ
 „меня; чиновники имѣютъ ко мнѣ
 „довѣренность, ибо думаю только
 „о славѣ Новаграда; враги и зависти-
 „ники. . . . но я презираю ихъ. Всѣ
 „видятъ дѣла мои; но вы одни знае-
 „те теперь ихъ тайный исчис-
 „никъ. О Ксенія! я могу служить
 „тебѣ примѣромъ; но ты, юноша,
 „избранный сынъ моего сердца, же-
 „лай только сравняться съ опцомъ
 „ея. Онъ любилъ супругу и дѣтей
 „своихъ; но съ радостію предалъ
 „бы насъ въ жертву опеческу.
 „Гордость, славолубіе, героическая
 „добродѣтель есть свойство вели-
 „каго мужа; жена слабая бываетъ

„сильна одною любовію ; но чув-
 „спвугя вѣ сердцѣ ея небесное вдох-
 „новеніе , она можешѣ превзойти
 „великодушіемѣ самыхъ великихъ
 „мужей, и сказаши року : *не стра-*
 „*шусь тебя!* Такѣ Ольга любовію кѣ
 „памяти Игоря заслужила безсмер-
 „тіе ; такѣ Марѣа будешѣ удивле-
 „ніемѣ попомспва , еспѣли злосло-
 „віе не омрачешѣ дѣлѣ ея вѣ лѣпо-
 „писяхѣ!“ . . .

Она благословила дѣшей , и за-
 ключилась вѣ уединенномѣ своемѣ
 перемѣ; но сонѣ не смыкалѣ глазѣ
 ея. — Вѣ самую глубокую полночь
 Марѣа слышишѣ тихій спукѣ у две-
 ри; опворяешѣ ее — и входешѣ че-
 ловѣкѣ , суроваго вида , вѣ одеждѣ
 не - Руской , сѣ длиннымѣ мечемѣ
 Липовскимѣ , сѣ злапою на груди
 звѣздою; едва наклоняешѣ свою го-
 лову, обѣявляешѣ себя шайнымѣ По-
 сломѣ Казимира , и представляешѣ
 Марѣѣ письмо его. Она сѣ гордою
 скромноштію опвѣтспвуешѣ : *жена*

Новгородская не знаетъ Казимира; я не возьму грамоты. Хипрый Полякъ хвалилъ Героиню Великаго Града, извѣстную въ самыхъ опдаленныхъ спранахъ, уважаемую Царями и народами. Онъ уподобляеиъ ее великой дочери Краковой, и называетъ *Новгородскою Вандою* (*). . . . Марѳа внимаетъ ему съ равнодушіемъ. Полякъ описываетъ ей величіе своего Государя, щасіе союзниковъ и бѣдствіе враговъ его. . . . Она съ гордостію садится. „Казимиръ великодушно предлагаетъ Новугороду свое заспупленіе,“ говоритъ онъ: „пребуйте, и легіоны Польскіе окружаюъ васъ своими щитами!“ . . . Марѳа задумалась. . . . „гда же спасемъ васъ, тогда“ . . . Посадница быспро взглянула на него. . . . „тогда благодарные Нового-родцы должны признаиъ въ Казимирѣ

(*) О сей Королеви Польскія лѣтописи рассказываютъ чудеса.

мирѣ своего благопворишеля — и
 власпелина, копорый безъ сомнѣ-
 нія не употребишѣ во зло ихъ до-
 вѣренности“ *Умолкни!* грозно
 восклицаешѣ Марѳа Изумленный
 пылкимъ ея гнѣвомъ, Посолъ без-
 молвспвуешѣ; но, успыдаясь робо-
 сти своей, возвышаешѣ голосъ и
 хочешѣ доказать необходимую ги-
 бель Новагорода, еспѣли Казимирѣ
 не защишишѣ его опѣ Князя Мо-
 сковскаго „Лучше погибнушѣ
 „опѣ руки Іоанновой, нежели спа-
 „спись опѣ вашей!“ съ жаромъ
 опвѣтспвуешѣ Марѳа: „Когда вы
 „не были люпыми врагами народа
 „Рускаго? когда мирѣ надѣялся на
 „слово Польское? Давно ли самѣ не-
 „вѣрный Амурашѣ удивлялся вѣро-
 „ломспву вашему (*)? И вы дерзае-

(*) Сіе происшествіе было тогда еще
 ново. Владиславѣ, Король Польскій,
 едва заключивѣ торжественный мирѣ
 съ Султаномъ, нечаянно напалѣ на
 его владѣнія.

„пе мыслишь, что народъ велико-
 „душный захочетъ упасъ на ко-
 „лѣна предъ вами? Тогда бы Іоаннъ
 „справедливо укорялъ насъ измѣ-
 „ною. Нѣтъ! есѣли угодно Небу,
 „по мы падемъ съ мечемъ въ рукѣ
 „предъ Княземъ Московскимъ: одна
 „кровь печетъ въ жилахъ нашихъ;
 „Руской можетъ покориться Ру-
 „скому, но чужеземцу — никогда,
 „никогда! . . . Удались немедленно;
 „и есѣли восходящее солнце освѣ-
 „шилъ тебя еще въ спѣнахъ Но-
 „вгородскихъ, ты будешь высланъ
 „съ безчестіемъ. Такъ, Марѣа лю-
 „бима народомъ своимъ; но она ве-
 „лилъ ему ненавидѣть Литву и
 „Польшу. . . Вопѣ отвѣтъ Казими-
 „ру!“ — — Посолъ удался.

На другой день Новгородъ пред-
 ставилъ вмѣстѣ и грозную дѣя-
 тельность воинскаго спана и вели-
 колѣпіе народнаго пиршества, дан-
 наго Марѣою въ знакъ ея семей-
 ственной радости. Спукъ оружія

раздавался на спогнахъ. Вездѣ являлись граждане въ шлемахъ и въ лапахъ; спарцы сидѣли на великой площади и рассказывали о бипвахъ юношамъ неопытнымъ, копорые вокругъ ихъ толпились, и еще въ первый разъ видѣли на себѣ доспѣхи блестящіе. Въ то же время безчисленные сполы накрывались вокругъ Мѣста Вадимова: ударили въ колоколъ, и граждане сѣли за нихъ; войны клали подлѣ себя оружіе, и пировали. Рука изобилія подавала яспва. Борецкіе угощали народъ съ воспочною роскошію. Мірославъ и Ксенія ходили вокругъ споловъ и просили гражданъ веселипсья. Юный полководецъ ласково говорилъ съ ними; юная супруга его кланялась имъ привѣпливо. Въ сей день Новогородцы соспавляли одно семейспво: Марѳа была его маперью. Она садилась за всякимъ сполѣмъ, называла гражданъ своими госпями любезными, служила имъ, дружески бесѣдовала

сѣ ними, хопѣла казаться равною со всѣми и казалась Царицею. Громогласныя извѣявленія усердія и радости вспрѣчали и провожали ее; когда она говорила, всѣ безмолвствовали; когда молчала, всѣ говорили хопѣли, чпобы славишь и величать Посадницу. За первымъ споломъ и въ первомъ мѣспѣ сидѣлъ древнѣйшій изъ Новгородскихъ спарцевъ, котораго отецъ помнилъ еще Александра Невскаго: внукъ съ сѣдою брадою принесъ его на пиръ народный. Марѣа подвела къ нему новобрачныхъ: онъ благословилъ ихъ и сказалъ: *живите мои лѣта, но не переживайте славы Новгородской!...* Сама Посадница налила ему серебряный кубокъ вина Фряжскаго: спарецъ выпилъ его, и помная кровь начала быспрѣе въ немъ обращаться. „Марѣа!“ говорилъ онъ: „я былъ „свидѣтелемъ швоего славнаго рожденія на берегу Невы. Храбрый „Молинскій занемогъ въ спанѣ: вой-

„ско не хотѣло сражаться до его
 „выздоровленія. Мать своя спѣ-
 „шила къ нему изъ Великаго града;
 „и когда мы разили Нѣмецкихъ Ры-
 „царей — когда родитель свой,
 „еще блѣдный и слабый, мечемъ
 „своимъ указывалъ намъ путь къ
 „ихъ святому прапору, ты роди-
 „лась. Первый вопль твой былъ для
 „насъ гласомъ победы; но Молин-
 „скій упалъ мертвый на пѣло Ве-
 „ликаго Магистера Рудольфа, имъ
 „сраженнаго!... Финскій волхвъ,
 „жившій тогда на берегу Невы,
 „пророчеспвовалъ, что судьба своя
 „будетъ славна, но“... Спарецъ
 умолкъ. Марѳа не хотѣла изъяснить
 любопытства.

Всѣ чиновники вмѣстѣ съ нею и
 дѣтьми ея служили народу. Госпи-
 иноспранные украсили Великую
 Площадъ разноцвѣтными пирами-
 дами, изобразивъ на нихъ имена и
 гербы вольныхъ городовъ Нѣмец-
 кихъ. Вокругъ пирамидъ, въ боль-

шихъ корѣинахъ, лежали повары чужеземные: Марѳа дарила ихъ народу. Мраморный образъ Вадимовъ былъ увѣнченъ искусственными лаврами; на щипѣ его вырѣзалъ Дѣлинскій имя Мірослава: граждане, увидѣвъ то, воскликнули отъ радости, и Марѳа съ чувствомъ обняла своего друга. Всѣ Новгородцы ликовали, не думая о будущемъ: одинъ Михаилъ Храбрый не хотѣлъ брать участія въ народномъ веселіи, сидѣлъ въ задумчивости подлѣ Вадимовой шапки и въ безмолвіи осприлъ мечъ на ея подножіи. — Пиршество заключилось ввечеру погѣшными огнями.

Скоро гонецъ возвратился изъ Пскова и на лобномъ мѣстѣ вручилъ грамоту Степенному Посаднику. Онъ читалъ — и съ печальнымъ видомъ отдалъ письмо Марѳѣ. . . „Друзья!“ сказала она знаменитымъ гражданамъ: „Псковитяне, „какъ добрые братья, желаюшъ Но-

„вугороду щаспія—такъ говорятъ
 „они — только дають намъ совѣ-
 „пы, а не войско — и какіе совѣ-
 „пы? ожидашь всего отъ Іоанновой
 „милоспі!“ . . . *Измѣнники!* вос-
 кликнули всѣ граждане. *Медостой-*
ные! повпоряли госпи чужеземные.
Отмстимъ имъ! говорилъ народъ.
Презрѣніемъ! опвѣпствовала Мар-
 еа; изорвала письмо, и на опрывкѣ
 его написала ко Псковишянамъ:
доброму желанію не вѣримъ, совѣ-
томъ гнушаемся, а безъ войска ва-
шего обойтися можемъ.

Новгородъ, оспавленный союзни-
 ками, еще съ большею ревностію
 началъ вооружаться. Ежедневно
 опправлялись гонцы въ его обла-
 сти (*), съ повелѣніемъ высылать
 войско. Жипели береговъ Нев-
 скихъ, великаго озера Ильменя,

(*) Онѣ назывались Пяпинами: Водскою,
 Обонежскою, Бежецкою, Деревскою,
 Шелонскою.

Онеги, Мологи, Ловапа, Шелоны, одни за другими являлись въ общемъ станѣ, въ который Мірославъ вывелъ гражданъ Новгородскихъ. Усердіе, дѣятельность и воинскій разумъ сего юнаго Полководца удивляли самыхъ опытныхъ Вишазей. Онъ встрѣчалъ на конѣ солнце, составлялъ легіоны, приучалъ ихъ къ стройному шествію, къ быстрымъ движеніямъ и стремительному нападенію, въ присутствіи жеи Новгородскихъ, копорья съ любопытствомъ и тайнымъ ужасомъ смотрѣли на сей образъ битвы. Между спаномъ и врагами Московскими возвышался холмъ; пуда обращался взоръ Мірослава, какъ скоро порывъ вѣтра разсѣвалъ облака пыли; тамъ спояла обыкновенно, вмѣстѣ съ матерью, прелестная Ксенія, уже спрасная, чувствительная супруга. . . . Сердце невинное и скромное любило тѣмъ пламеннѣе, когда оно, слѣдуя зако-

ну Божественному и человѣческому, навѣкъ опдаешся достойному юношѣ. Жены Славянскія издревле славились нѣжностію. Она гордилась Мірославомъ, когда онъ блестящимъ махомъ меча своего приводилъ все войско въ движеніе, леталъ орломъ среди полковъ — восклицалъ, и единымъ словомъ оспанавливалъ быспрыя тысячи; но чрезъ минушу слезы капились изъ глазъ ея. . . . она спѣшила опираясь ихъ съ милою улыбкою, когда масть на нее смотрѣла. Часпо Марѳа сходила съ высокаго холма и, въ шумномъ замѣшательствѣ, перялась между безчисленными рядами воиновъ.

Пришло извѣстіе, что Іоаннъ уже спѣшилъ къ Великому Граду съ своими храбрыми, опытными легионами. Еще изъ дальнихъ обласпей Новгородскихъ, опѣ Каргополя и Двины, ожидали войска; но Верховный Совѣтъ далъ Вождю повелѣніе, и Мі-

рославъ сорвалъ покровъ съ *хоругви отчества*.. Она возвѣялась, и громкое восклицаніе раздалось : *друзья ! въ поле !* Сердца родителей и супругов запрепешали. . . . Тысячи колеблющя и выспупающъ : первая и вторая соспоали изъ знаменипыхъ гражданъ Новгородскихъ и Людей Жипыхъ ; одежда ихъ опличалась богатспвомъ, оружіе блескомъ, осанка благородспвомъ , а сердца пылкоспію: каждый изъ нихъ могъ уже славишься дѣлами мужеспва или почпенными ранами. Михаилъ Храбрый шелъ наряду съ другими, какъ проспый воинъ. Юный Мірославъ взялъ его за руку , вывелъ впередъ и сказалъ : *Ѵсетъ Витязей ! повелѣвай сими мужами знаменитыми !* Михаилъ хотѣлъ взглянуть на него съ гордоспію ; но взоръ его изъявилъ чувспвительность. . . . *Юноша, я врагъ Борецкихъ ! . . .* „Но другъ славы Новгородской!“ отвѣтспвоваъ Мірославъ , и Випязъ обнялъ

его, сказавъ: *ты хочешь моей смерти!* За симъ легиономъ шла дружина великодушныхъ, подъ начальствомъ Рапсгера Любекскаго. Знамя ихъ изображало двѣ соединенныя руки надъ пылающимъ жертвенникомъ, съ надписью: *дружба и благодарность!* Они, вмѣстѣ съ Новгородцами, составляли большой полкъ, Онежцы и Волховцы передовой, жилили Деревской области правую, Шелонскіе лѣвую руку, а Невскіе стражу (*). Мірославъ велѣлъ войску остановиться на равнинѣ. . . . Марѳа явилась посреди его и сказала:

„Храбрые Вишязи! въ послѣдній
 „разъ да обращаю глаза ваши на
 „сей градъ, славный и великолѣп-
 „ный: судьба его написана теперь

(*) Такъ раздѣлялись тогда арміи. Большимъ полкомъ назывался главный корпусъ, а стражею или сторожевымъ полкомъ аріергардъ.

„на щипахъ вашихъ! Мы вспрѣ-
 „пимъ васъ со слезами радости или
 „опчаянія, прославимъ Героевъ или
 „успыдимся малодушныхъ. Еспьли
 „возвращаетесь съ побѣдою, то ща-
 „спливы родили и жены Нового-
 „родскія, копорые обнимутъ дѣ-
 „шей и супруговъ; еспьли возвра-
 „щаетесь побѣжденные, то будутъ
 „щаспливы сирые, безчадные и
 „вдовицы! . . . Тогда живые позави-
 „дуютъ мертвымъ!

„О воины великодушные! вы
 „идете спасти опечесиво и навѣки
 „ушвердите благіе законы его; вы
 „любите шѣхъ, съ копорыми долж-
 „ны сражаться: но почто же нена-
 „видятъ они величіе Новаграда? Оп-
 „разите ихъ — и тогда съ радо-
 „стію примиримся съ ними!

„Грядите — не съ миромъ, но
 „съ войною для мира! Донынѣ Богъ
 „любилъ насъ; донынѣ говорили
 „народы: кто противъ Бога и вели-

„каго *Новаграда!* Онѣ съ вами :
„грядите!“

Заиграли на прубахѣ и липав-
рахѣ. Мірославѣ вырвался изъ обѣ-
япій Ксеніи. Марѣа, возложивъ ру-
ку на юношу, сказала полько : *ис-*
полни мою надежду. Онѣ сѣлъ на
гордаго коня, блеснулъ мечемъ —
и войско двинулось, громко взывая:
кто противъ Бога и великаго Нова-
града! Знамена развѣвались, оружіе
гремѣло и сверкало, земля спонала
опѣ конскаго попопа — и въ обла-
кахъ пыли сокрылись грозныя пы-
сячи. Жены Новгородскія не могли
удержать слезъ своихъ; но Ксенія
уже не плакала, и съ швердоспію
сказала мапери: *отнынѣ ты будешь*
моимъ примѣромъ!

Еще много жипелей оспалось въ
Великомъ Градѣ; но пишина, ко-
порая въ немъ царспвуемъ по оп-
ходѣ войска, скрываетъ число ихъ.
Торговая сторона (*) опустѣла: уже
(*) Часть города, гдѣ жили купцы.

иноспранные госпи не расклады-
 вають памѣ драгоцѣнныхъ своихъ
 товаровъ для прельщенія глазъ;
 огромныя хранилища, наполненныя
 богатствами земли Руской, запво-
 рены; не видно никого на *Мѣстѣ*
Княжескомѣ, гдѣ юноши любили сла-
 виться искусствомъ и силою въ
 разныхъ играхъ богатырскихъ — и
 Новгородъ, шумный и воинствен-
 ный за нѣсколько дней предѣтѣмъ,
 кажется великою обипелію мирна-
 го благочестія. Всѣ храмы опворе-
 ны съ утра до полуночи: Священ-
 ники не снимають ризъ, свѣчи не
 угасаютъ предѣ образами, ѳиміамъ
 безпрестанно курится въ кадилахъ,
 и молебное пѣніе не умолкаетъ на
 крилосахъ; народъ толпится въ
 церквахъ; спарцы и жены прекло-
 няють колѣна. Робкое ожиданіе,
 страхъ и надежда, волнуютъ сер-
 дца, и люди, встрѣчаясь на спог-
 нахъ, не видятъ другъ друга. . . .
 Такъ народъ дерзко зоветь къ себѣ

опасности издали; но видя ихъ вблизи, бываеѣ робокъ и малодушенъ! Одни Чиновники кажуѣся спокойными — одна Марѣа пверда душею, дѣятельна вѣ совѣтѣ, словоохотна на Великой Площади среди гражданъ и весела съ домашними. Юная Ксенія не уступаетъ матери вѣ знакахъ наружнаго спокойствія, но только не можетъ разлучиѣся съ нею, укрѣпляясь вѣ душѣ видѣмъ ея героической пвердоспи. Онѣ вмѣстѣ проводятъ дни и ночи. Ксенія ходила съ матерью даже вѣ Совѣтѣ Верховный.

Первый гонецъ Мірославовъ нашелъ ихъ вѣ саду: Ксенія поливала цвѣты — Марѣа сидѣла подѣ вѣтвями древняго дуба, вѣ глубокомъ размышленіи. Мірославъ писалъ, что войско изѣявляетъ жаркую ревность; что всѣ именитые Вишязи увѣряютъ его вѣ дружбѣ, и всѣхъ болѣе Димитрій Сильный; что Іоаннъ соединилъ полки свои съ Твер-

скими, и приближается; что славный воевода Московскій, Василій Образецъ, идетъ впереди, и что Холмскій есмь главный по Князѣ начальникъ. — Впорый гонецъ привезъ извѣстіе, что Новогородцы разбили опрядъ Іоаннова Войска, и взяли въ плѣнъ 50 Московскихъ дворянъ. — Съ шрепъимъ Мірославъ написалъ только одно слово: *сражаемся*. Тупъ сердце Марѣы наконецъ запрепепало: она спѣшила на Великую Площадъ, сама ударила въ *Ветевый колоколъ*, объявила гражданамъ о началъ рѣшипельной битвы, спала на Вадимовомъ Мѣспѣ, успремила взоръ на Московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце восходило. . . . уже лучи его пылали, но еще не было никакого извѣстія. Народъ ожидалъ въ глубокомъ молчаніи, и смопрѣлъ на Посадницу. Уже наспупалъ вечеръ. . . и Марѣа сказала: „я вижу облака пыли.“ Всѣ руки поднялися

къ Небу. . . . Мареа долго не говорила ни слова. . . . Вдругъ, закрывъ глаза, громко воскликнула: *Міро-славъ убитъ! Іоаннъ побѣдитель!* и бросилась въ объятія къ несчастной Ксеніи.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Мареа съ высокаго Мѣста Вади-мова увидѣла разсѣянные тысячи бѣгущихъ и среди ихъ колесницу, осѣненную знаменами: такъ издревле возили Новгородцы шѣла убитыхъ вождей своихъ. . . .

Безмолвіе мужей и спарцевъ въ Великомъ Градѣ было ужаснѣе вопля женъ малодушныхъ. . . . Скоро Посадница ободрилась и велѣла опперешъ врапа Московскія. Бѣглецы не смѣли явиться народу, и скрывались въ домахъ. Колесница медленно приближалась къ Великой Площади. Вокругъ ее шли, попутивъ

глаза въ землю — съ горестію, но безъ стыда — Люди Живые и воины чужеземные ; кровь запеклась на ихъ оружіи; обломанные щиты, обрубленные шлемы, показывали слѣды безчисленныхъ ударовъ непріятельскихъ. Подъ сѣнію знаменъ, надъ пѣломъ вождя, сидѣлъ Михайлъ Храбрый, блѣдный, окровавленный; въперъ развѣвалъ его черные волосы и помная глава склонялась ко груди.

Колесница остановилась на Великой Площади. . . Граждане обнимали воиновъ; слезы пекли изъ глазъ ихъ. Марea подала руку Михаилу съ видомъ сердечнаго дружелюбія; онъ не могъ иппи: чиновники внесли его на желѣзные ступени Вадимова Мѣста. Посадница открыла пѣло убишаго Мірослава. . . на блѣдномъ лицѣ его изображалось вѣчное спокойствіе смерти. . . *Щастливой юноша!* произнесла она тихимъ голосомъ, и спѣшила внимать

Храброму Михаилу. Ксенія обливала слезами хладныя уста своего друга, но сказала матери: „будь покойна: я дочь своя!“

На щипахъ посадили выпязя, отъ ранъ ослабѣвшаго; но онъ собралъ изнуренныя силы, поднялъ помную голову, оперся на мечъ свой, и вѣщалъ твердымъ голосомъ:

„Народъ и граждане! разбило
„воинство храброе, убило полково-
„децъ великій. Небо лишило насъ
„побѣды, — не славы!

„На берегахъ Шелоны мы встрѣ-
„пились съ Иоанномъ. Его именемъ
„Князь Холмскій пребоvalъ пай-
„наго свиданія съ Мѣрославомъ.
„Увидимся на полѣ ратномъ! оп-
„вѣспивовалъ гордый юноша — и
„спройно поставилъ воинство.
„Онежцы первые вступили въ бой
„на высотахъ Шелонскихъ: тамъ
„Образецъ, славный воевода Москов-
„скій, принялъ ихъ удары на щипъ
„свой. . . Мы шли въ срединѣ, пи-

„хо и въ безмолвіи. Мірославъ впе-
 „реди наблюдалъ движенія и силу
 „враговъ. Воинство Іоанново было
 „многочисленнѣе нашего; необозри-
 „мые ряды его шѣснулись на рав-
 „нинѣ. Мы видѣли Князя Москов-
 „скаго на бѣломъ конѣ; видѣли,
 „какъ онъ распоряжалъ легіоны и
 „блещащимъ мечемъ своимъ ука-
 „зывалъ на сердце Новгородское,
 „на хоругвь отечества; видѣли Кня-
 „зя Холмскаго, съ сильнымъ опря-
 „домъ идущаго окружить насъ...
 „Мірославъ повелѣлъ, и Спража
 „Невская съ Димитріемъ *Сильнымъ*
 „двинулась на встрѣчу къ нему.
 „Вѣроломный!... Еще Онежцы и
 „Волховцы не могли занять бугровъ
 „Шелонскихъ: мечъ выпязя Образ-
 „ца дымился ихъ кровію. Мірославъ,
 „пылая неперпѣніемъ, лепѣлъ шу-
 „да на бурномъ конѣ своемъ: мы
 „взглянули — и знамена Новгород-
 „скія уже развѣвались на холмахъ
 „— и Волховцы на щипахъ своихъ

„подняли вверхъ пѣло убишаго на-
 „чальника Московскаго. Тогда, вос-
 „кликнувъ громогласно: *кто противъ*
 „*Бога и великаго Моеаграда?* всѣ
 „ряды наши успремились въ биш-
 „ву, и сразились. . . На всей равни-
 „нѣ запрещало оружіе, и кровь по-
 „лилась рѣкою. Я видалъ бишвы,
 „но никогда такой не видывалъ.
 „Грудь Руская была прошивъ груди
 „Руской, и вишязи съ обѣихъ спо-
 „ронъ хопѣли доказатъ, чшо они
 „Славяне. Взаимная злоба брашій
 „есть самая ужасная! . . Тысячи
 „падали; но первые ряды казались
 „цѣлы и невредимы: каждый пы-
 „лалъ ревностію заспунить мѣсто
 „убишаго, и безжалостно попиралъ
 „ногою прупъ своего брата, чшобы
 „только опмспнить смерть его. Вои-
 „ны Іанновы стояли пвердынею не-
 „поколебимою: Новгородскіе спре-
 „мились на нихъ какъ бурныя волны.
 „Одни сражались за честь, другіе за
 „честь и вольность: мы шли епе-

„редѣ!... за полководцемъ нашимъ, ко-
 „порый искалъ взоромъ Іоанна. Князь
 „Московскій былъ окруженъ знаме-
 „нистыми вишьями: Мірославъ раз-
 „сѣкъ сію крѣпкую ограду — под-
 „нялъ руку — и медлилъ. Сильный
 „оруженосецъ Іоанновъ ударилъ его
 „мечемъ въ главу, и шлемъ распал-
 „ся на части: онъ хотѣлъ повто-
 „рить ударъ; но самъ Іоаннъ за-
 „крылъ Мірослава щипомъ своимъ.
 „Опасность вождя удвоила наши
 „силы — и скоро главная дружина
 „Московская замѣшалась. Новгород-
 „цы воскликнули побѣду; но въ по-
 „же мгновеніе имя Іоанново гремѣ-
 „ло за нами... Мы съ удивленіемъ
 „,обрапили взоръ: Князь Холмскій
 „спылу разилъ лѣвое крыло Ново-
 „городское... Димитрій измѣнилъ
 „согражданамъ!... не исполнилъ по-
 „вѣлній вождя, завелъ спражу въ
 „непроходимыя блата, не вспрѣ-
 „шилъ врага и далъ ему время
 „окружить наше войско. Мірославъ

„спѣшилъ ободришь изумленныхъ
 „Шелонцевъ: онъ помогъ имъ поль-
 „ко умереть великодушнѣе! Герой
 „сражался безъ шлема; но всякій
 „усердный воинъ Новгородскій слу-
 „жилъ ему щипомъ. Онъ увидѣлъ
 „Димитрія среди Московской дру-
 „жины — послѣднимъ ударомъ на-
 „казалъ измѣнника, и палъ опъ
 „руки Холмскаго; но падая на бе-
 „регу Шелоны, бросилъ мечъ свой
 „въ быспрыя воды ея“

Тутъ ослабѣлъ голосъ Михаила;
 взоръ помрачился облакомъ; блѣд-
 ные уста онѣмѣли; мечъ выпалъ
 изъ руки его; онъ запрепешалъ —
 взглянулъ на образъ Вадимовъ, и
 закрылъ навѣки глаза свои. . . . Чи-
 новники положили тѣло его на ко-
 лесницу, рядомъ съ Мірославовымъ.

„Народъ!“ сказалъ Александръ
 Знаменитый, спаршій изъ выпязей:
 „благослови память Михаила! Онъ
 „вышелъ изъ битвы съ хоругвѣю
 „отчества, съ тѣломъ Мірослава,

„обогранный кровію безчисленныхъ
 „враговъ и его собспвенною ; со-
 „бралъ оспашки храбрыхъ Людей
 „Жипыхъ, *Дружины Великодуш-*
 „*ныхъ*, и въ самомъ бѣдспвіи ка-
 „зался грознымъ Іоанну — враги
 „видѣли насъ еще не мерпвыхъ, и
 „спояли неподвижно. Радоспъ по-
 „бѣды изображалась на ихъ лицахъ
 „вмѣспѣ съ ужасомъ : они купили
 „ее смерпю славнѣйшихъ Москов-
 „скихъ *вишязей*. Народъ и чинов-
 „ки ! многіе Новогородцы погибли
 „славно : радуйтесь ! нѣкопорые
 „спаслися бѣгспвомъ : презирайте
 „малодушныхъ ! Мы живы, но не
 „спыдимся ! Сочпите знаменипыхъ
 „гражданъ : ихъ оспалось менѣе по-
 „ловины ; всѣ они легли вокругъ
 „*хоругви отетества*.“ — „Сочпите
 „насъ!“ сказалъ начальникъ *Дру-*
 „*жины Великодушныхъ* : „изъ семи
 „сопъ чужеземныхъ брапій Нового-
 „родскихъ видите прешю часпъ :
 „всѣ они легли вокругъ Мірослава.“

„Убиты ли сыны мои?“ спросила Мареа съ неперпѣніемъ. Оба, опъспспвовавъ Александръ Знамени-
тый (*) съ гореспію. „Хвала Не-
бу!“ сказала Посадница : „Опцы и
„машери Новгородскіе ! теперь я
„могу утѣшатъ васъ! . . . Но преж-
„де, о народъ ! будь спрогимъ, не-
„умолимымъ судьею и рѣши —
„судьбу мою! Унылое молчаніе цар-
„спвуепъ на Великой Площади ; я
„вижу знаки опчаянія на многихъ
„лицахъ. Можепъ быпъ, граждане
„сожалѣюпъ о помъ, что они не
„упали на колѣна предъ Іоанномъ,
„когда Холмскій объявилъ намъ во-
„лю его власпвовапъ въ Новѣгоро-
„дѣ; можепъ быпъ, пайно обвиня-
„юпъ меня, что я хотѣла оживитъ
„въ сердцахъ гордоспъ народную!...
„Пуспъ говоряпъ враги мои ; и
„еспъли они докажупъ, что сер-

(*) Въ лѣтописяхъ сказано, что сынъ
ея Димитрій былъ взятъ въ плѣнъ.

„дца Новгородскія не опвѣпспву-
 „юпѣ моему сердцу ; чпо любовь
 „кѣ свободѣ еспѣ преспуленіе для
 „гражданки вольнаго опечеспва :
 „по я не буду оправдывапсья, ибо
 „славлюсь моею виною , и сѣ радо-
 „спію кладу голову свою на плаху.
 „Пошлипе ее вѣ дарѣ Іоанну , и
 „смѣло пребуйпе его милоспи!“...

„Нѣпѣ , нѣпѣ!“ воскликнулѣ на-
 родѣ вѣ живѣйшемѣ усердіи : „мы
 „хопимѣ умерепѣ сѣ побою ! Гдѣ
 „враги пвои ? гдѣ друзья Іоанновы ?
 „Пуспѣ говоряпѣ они : мы пошлемѣ
 „ихѣ головы кѣ Князю Московско-
 „му!“ — Опцы, копорые лишились
 дѣпей вѣ бипѣ Шелонской , про-
 нупые великодушіемѣ Марѣы , цѣ-
 ловали одежду ея и говорили : *про-*
сти намѣ ! мы плакали ! . . . Слезы
 пекли изѣ глазѣ Марѣы. „Народѣ!“
 сказала она : „сѣ такою душею ты
 „еще не побѣжденѣ Іоанномѣ ! Нѣпѣ
 „величія безѣ опасностей и бѣд-
 „спвія : Небо искушаетѣ ими лю-

„бимцевъ своихъ. Бывали тучи
 „надъ Великимъ Градомъ; но опцы
 „наши не опускали мечей, и мы ро-
 „дились свободными. Издревле ща-
 „спіе воинское славится преврап-
 „носпію. Новгородъ видалъ пѣла
 „полководцевъ на лобномъ мѣспѣ;
 „видалъ надменнаго врага предъ
 „спѣнами своими: кпожъ входилъ
 „въ нихъ донынѣ? одни друзья его.
 „Народъ великодушный! будь пвердъ
 „и спокоенъ! Еще не все погибло:
 „Борецкая жива и говоритъ съ по-
 „бою! Когда желѣзныя спупени
 „преспанупѣ звучапъ подъ ногами
 „моими; когда взоръ пвой въ часъ
 „рѣшипельный напрасно будепѣ
 „искапъ меня на Вадимовомъ Мѣ-
 „спѣ; когда въ глубокую ночь по-
 „гаснепѣ лампада въ моемъ высо-
 „комъ перемѣ и не будепѣ уже
 „для шебя знакомъ, чпо Марѳа при
 „свѣпѣ ея мыслипѣ о благѣ Нова-
 „града: тогда, тогда скажи: *все*
 „погибло! . . . Теперь, друзья сограж-

„дане, воздадимъ послѣднюю честь
 „вождю Мірославу и випязю Ми-
 „хаилу! Чиновники ваши пекутся
 „о безопасности града.“ — — — Она
 дала знакъ рукою, и колесница про-
 нулась. Чиновники и народъ прово-
 дили ее до Софійскаго храма. Тео-
 филъ съ Духовенствомъ встрѣшилъ
 ихъ. Спешенный Посадникъ и Ты-
 сяцкій положили тѣла во гробы.

Глубокая ночь наступила. Никто
 не мыслилъ успокоиться въ Вели-
 комъ Градѣ. Чиновники поспавили
 спражу и заключились въ домъ Яро-
 слава для совѣща съ Мареою. Граж-
 дане толпились на спогнахъ, и бо-
 ялись войми въ дома свои — бо-
 ялись вопля женъ и маперей оп-
 чаянныхъ. Упомленные воины не
 хотѣли отдохновенія; стояли предъ
 Вадимовымъ Мѣстомъ, облокопясь
 на щипы свои, и говорили: *побѣж-
 денные не отдыхаютъ!* — Ксенія
 молилась надъ тѣломъ Мірослава.

На зарѣ упренней раздалось свя-

пое пѣніе въ Софійскомъ храмѣ. Гробы випязей были опкрышы. Мар-
еа, Ксенія, спарець, родителъ Ми-
хаиловъ, и воины съ окровавленны-
ми знаменами окружали ихъ. Го-
ресць изображалась на лицахъ; ни-
кто не дерзалъ спенать и пла-
кать. Іосафъ Дѣлинскій именемъ
Новаграда положилъ въ гробы *хар-*
тію славы! (*). . . ихъ опустили въ
землю подъ вѣяніемъ *хоругви отече-*
ства. Посадница спала на могилу;
она держала въ рукѣ цвѣты, и го-
ворила: „Чесць и слава храбрымъ!
„спыдъ и поношеніе робкимъ!
„Здѣсь лежатъ знаменишые випя-
„зи: совершились ихъ подвиги; они
„успокоились въ могилахъ, и ничѣмъ
„уже не должны опечесѣву: но
опечесѣво должно имъ вѣчною благо-
„дарносцію. О воины Новогород-

(*) На сихъ хартіяхъ (говоритъ Ав-
торъ) изображались славныя дѣла
усопшаго.

„скіе! кто изъ васъ не позавидуешъ
 „сему жребію? Храбрые и малодуш-
 „ные умираютъ : блаженъ , о комъ
 „жалуютъ вѣрные сограждане , и
 „чьей смертію они гордятся! Взгля-
 „ните на сего старца , родителя
 „Михайлова : согбенный лѣтами и
 „болѣзнями , безчадный при концѣ
 „жизни, онъ благодаритъ Небо, ибо
 „Новгородъ погребаетъ великаго
 „сына его. Взгляните на сію вдо-
 „вицу юную : брачное пѣніе соеди-
 „нилось для нее съ гимнами смер-
 „ти; но она тверда и великодушна,
 „ибо супругъ ея умеръ за опече-
 „ство. . . . Народъ! естли Всевыш-
 „нему угодно сохранивъ бытіе
 „швое ; естли грозная туча раз-
 „сѣется надъ вами , и солнце оза-
 „ритъ еще поржество свободы въ
 „Новгородъ: то сіе мѣсто да бу-
 „детъ для тебя священо! Жены зна-
 „мениныя да украшаютъ его цвѣта-
 „ми , какъ я теперь украшаю ими
 „могилу любезнѣйшаго изъ сыновъ

„моихъ“... (Марѳа разсыпала цеѣпы)... „и випязя храбраго, нѣкогда врага Борецкихъ; но пѣнь его примирилась со мною: мы оба любили опечеспво! . . Спарцы, мужи и юноши да славятъ здѣсь кончину Героевъ и да клянутъ пача, мятъ измѣнника Димитрія!“... *Клятва, вѣтная клятва его имени и роду!* воскликнули всѣ чиновники и граждане — и братъ Димитрія упалъ мерпвый въ полкъ народной — и супруга его опчаянная бросилась въ шумную глубину Волхова.

Уже легіоны Іоанновы приближались къ Великому Граду, и медленно окружали его: народъ съ высокихъ стѣнъ смотрѣлъ на ихъ грозныя движенія. Уже бѣлый шаперъ Княжескій, злалымъ шаромъ увѣнченный, споялъ предъ врагами Московскими — и Спепенный Тысяцкій опправился посломъ къ Іоанну. Новогородцы, гошовые умереть за вольность, пайно желали сохранить

ее миромъ. Мареа знала сердца народныхъ, душу Великаго Князя, и спокойно ожидала его опвѣща. Тысяцкій возвратился съ лицомъ печальнымъ: она велѣла ему объявить всенародно успѣхъ посольства.

„Граждане! сказалъ онъ: ваши мудрые чиновники думали, что Князь Московскій, хопя и побѣдитель, но самою побѣдою, трудною и случайною, увѣренный въ великодушіи Новгородскомъ, можетъ еще примириться съ нами. . . . Бояре ввели меня въ шаперъ Іоанна. . . Вы знаете его величіе: гордымъ взоромъ и повелительнымъ движеніемъ руки онъ пребоваъ отъ меня знаковъ рабскаго униженія. . . „Князь Московскій!“ я вѣщалъ ему: „Новгородъ еще „свободенъ! Онъ желаетъ мира, не „рабства. Ты видѣлъ, какъ мы умираемъ за вольность: хочешь ли еще „напраснаго кровопролитія? Пощади „своихъ випязей: опечесиву Рускому нужна сила ихъ. Есть ли

„казна твоя оскудѣла; естѣли бо-
 „гашство Новгородское прель-
 „щаетъ тебя — возьми наши со-
 „кровища: заебра принесемъ ихъ въ
 „спанъ твой съ радостію, ибо кровь
 „согражданъ намъ драгоцѣннѣе зла-
 „та; но свобода и самой крови имъ
 „драгоцѣннѣе. Оспавъ насъ только
 „быть щасливыми подъ древними
 „законами, и мы назовемъ тебя сво-
 „имъ благопворишелемъ; скажемъ:
 „*Іоаннъ могъ лишитъ насъ верховна-*
 „*го блага, и не сдѣлалъ того: хва-*
 „*ла ему!* Но естѣли не хочешь
 „мира съ людьми свободными, то
 „знай, что совершенная побѣда надъ
 „ними должна быть ихъ испребле-
 „ніемъ: а мы еще дышемъ и владѣ-
 „емъ оружіемъ; знай, что ни ты,
 „ни преемники твои не будешь
 „увѣрены въ искренней покорности
 „Новаграда, доколѣ древнія спѣны
 „его не опустѣютъ или не прии-
 „мутъ въ себя жишелей чуждыхъ
 „крови нашей!“ — *Покорность безъ*

условія, или гибель мятежникамъ! оп-
вѣпспвовалъ Іоаннъ, и съ гнѣвомъ
опвращилъ лице свое. Я удалился.“

Марѣа предвидѣла дѣйсвіе: на-
родъ въ спрашномъ озлобленіи пре-
бовалъ полководца и бишвы. Алек-
сандру *Знаменитому* вручили жезлъ
начальспва — и бишвы начались....

Дѣла славныя и великія! Одни
Рускіе могли съ обѣихъ споронъ
такъ сражашься, могли такъ побѣж-
дашь и бышь побѣждаемы. Опыш-
носшь, хладнокровіе мужества и
число благопріятспвовали Іоанну;
пылкая храбросшь одушевляла Но-
вгородцевъ, удвояла силы ихъ, за-
мѣняла опышносшь: юноши, самые
опроки спановились въ ряды на
мѣсто убишыхъ мужей, и воины
Московскіе не чувспвовали ослаб-
ленія въ ударахъ прошивниковъ. Съ
поржеспвомъ возглашалось имя Ве-
ликаго Князя: иногда, хопя и рѣд-
ко, имя вольности и Марѣы быва-
ло также радоспнымъ кликомъ по-

бѣдшелей (ибо вольность и Марѳа одно знаменовали въ Великомъ Градѣ). Часпо Іоаннъ, видя славную гибель упорныхъ Новгородцевъ, восклицалъ горестно: „я лишаюсь въ нихъ достойныхъ моего сердца подданныхъ!“ Бояре Московскіе совѣщивали ему удалиться отъ града; но великая душа его содрогалась отъ мысли уступить непокорнымъ. „Хошите ли (онъ съ гнѣвомъ отвѣщивалъ) хошите ли, чшобы я вѣнецъ Мономаха положилъ къ ногамъ мятежниковъ?“ .. и суровые Муромцы, жили пемныхъ лѣсовъ, — усердные Владимірцы спѣшили къ нему на вспоможеніе. Три раза обновлялась дружина *Княжеская*, изъ храбрыхъ дворянъ состоящая, и знамена ея (на копорыхъ изображались слова: *сѣ нами Богъ и Государь!*) дымились кровію.

Какъ Іоаннъ величіемъ своимъ одушевлялъ легіоны Московскіе,

такъ Марѳа въ Новгородѣ воспа-
 ляла умы и сердца. Народъ, часто
 великодушный, не рѣдко слабый,
 унывалъ духомъ, когда новыя ты-
 сячи приходили въ станъ Княже-
 скій. „Марѳа!“ говорилъ онъ: „кто
 нашъ союзникъ? кто поможетъ Ве-
 ликому Граду?“... „*Мебо*“, отвѣш-
 спововала Посадница: „влажная осень
 наступаетъ; блага, насъ окружаю-
 щія, скоро обрапятся въ необозри-
 мое море; всплывутъ шапры Іоан-
 новы, и войско его погибнетъ или
 удалился.“ Лучъ надежды не уга-
 салъ въ сердцахъ, и Новгородцы
 сражались. Марѳа спояла на спѣ-
 нѣ, смопрѣла на бишвы и держала
 въ рукѣ *хсругвъ отечества*; иногда,
 видя опспупленіе Новгородцевъ,
 она грозно восклицала, и махомъ
 свяшой хоругви обращала воиновъ
 въ бишву. Ксенія не разлучалась съ
 нею, и, видя паденіе вишзей, ду-
 мала: *такъ палъ Мѣрославъ любез-
 ный!* Казалось, что сія невинная,

кропкая душа веселилась ужасами кровопролитія — споль чудесно дѣйствіе любви! Сіи ужасы живо представляли ей кончину друга: Ксенія всего болѣе хопѣла и любила заниматься ею. Она знала Холмскаго по его оружію и доспѣхамъ, обограннымъ кровію Мірослава; огненный взоръ ея звалъ всѣ мечи, всѣ удары Новгородскіе на главу Московскаго Полководца; но желѣзный щипъ его отражалъ удары, сокрушалъ мечи, и рука сильнаго выпязя опускалась съ тяжкими язвами и гибелію на смѣлыхъ противниковъ. Александръ Знаменитый съ веселіемъ спѣшилъ на ратное поле, съ видомъ горести возвращался; онъ предвидѣлъ неминуемое бѣдствіе опечеснѣва, искалъ только славной смерти, и нашелъ ее среди Московской дружины. Съ того времени одни храбрые юноши заступали мѣсто вождей Новгородскихъ, ибо юность всего опважнѣе.

Никто изъ нихъ не умиралъ безъ славнаго дѣла.

Въ одну ночь Спешенный Посадникъ собралъ знаменитѣйшихъ бояръ на думу — и при восходѣ солнца ударили въ *Весевый колоколъ*. Граждане лепѣли на Великую Площадь, и всѣ глаза устремились на Вадимово Мѣсто: — Марѳа и Ксенія вели на желѣзные ступени его пустынноика Θεодосія. Народъ общимъ крикомъ изъяснилъ свое радостное удивленіе. Спарецъ взиралъ на него дружелюбно, обнималъ знаменитыхъ чиновниковъ — и сказалъ, поднявъ руки къ небу: „Опечесство любезное! пріими снова въ нѣдра свои „Θεодосія! . . . Въ щасливые дни „швои я молился въ пустынь; но „братья мои гибнутъ, и мнѣ должно умереть съ ними, да совершился клятвоенный обѣтъ моей „юнощи и рода Молинскихъ!“ . . . Іосафъ Дѣлинскій, провождаемый Тысяцкими и Боярами, несетъ зла-

шую цѣпь изъ Софійскаго храма,
 возлагаеѣе еѣ на спарца и гово-
 риѣе ему: „Будь еще Посадникомъ
 „Великаго Града! Исполни усердное
 „желаніе Верховнаго Совѣта! Съ
 „радоспїю уступая тебѣ мое до-
 „споинспво: я могу владѣѣе ору-
 „жіемъ; могу умереѣе въ полѣ! . . .
 „Народъ! обѣяви волю свою!“ . . .
Да будетъ! да будетъ! громогла-
 сно опвѣпспвовали граждане — и
 Марѣа сказала: „О славное порже-
 „спво любви къ опечеспву! Спа-
 „реѣе, копораго Новгородъ уже
 „давно оплакаѣе какъ мерпваго,
 „воскресаетъ для его служенія!
 „Опшельникъ, копорый въ пиши-
 „нѣ пустыни и земныхъ спраспей
 „забыѣе уже всѣ радости и скорби
 „человѣка, вспомнилъ еще обязан-
 „ностъ гражданина: оспавляетъ
 „мирную приспанъ и хочетъ дѣ-
 „лишъ съ нами опасности временъ
 „бурныхъ! Народъ и граждане! мо-
 „жете ли опчаяваться? Можете ли

„сомнѣваться въ Небесной благо-
 „спи, когда Небо уступаетъ намъ
 „Своего избраннаго; когда сполн-
 „няя мудрость и добродѣтель бу-
 „детъ предсѣдать въ Верховномъ
 „Совѣтѣ? Возвратился Θεодосій:
 „возвратился и благоденствіе, ко-
 „порымъ вы нѣкогда подъ его муд-
 „рымъ правленіемъ наслаждались.
 „Тогда воспоминаніе минувшихъ
 „бѣдствій, искусившихъ твердость
 „сердецъ Новгородскихъ, обратиш-
 „ся въ славу нашу, и мы будемъ
 „шѣмъ щасливѣе: ибо *слава* есть
 „щастіе великихъ народовъ!“

Дѣлинскій и Мареа убѣдили Θεо-
 досія торжественно явиться въ Ве-
 ликомъ Градѣ; они думали, что сія
 нечаянность сильно подѣйствуетъ
 на воображеніе народа, и не обма-
 нулись. Граждане лобызали руки
 спарца, подобно дѣтямъ, копорыя
 въ отсутствіе отца были неща-
 сливы и надѣялись, что опытная
 мудрость его прекратитъ бѣды

ихъ. Долговременное уединеніе и святая жизнь напечатлѣли на лицѣ Θεодосія неизбъяснимое величіе; но онъ могъ служишь опеческву только усердными обѣтами чистой души своей — и бесполезными: ибо суды Вышняго непремѣнны!

Новый Посадникъ, слѣдуя древнему обыкновенію, долженъ былъ угостишь народъ: Марѳа пригото-вила великолѣпное пиршество, и граждане еще дерзнули веселишь-ся! еще духъ брагства оживилъ сердца! Они веселились на могилахъ: ибо каждый изъ нихъ уже оплакалъ родителя, сына или брата, убитыхъ на Шелонѣ и во время осады кровопролитной. Сіе минутное, щастливое забвеніе было послѣднимъ благодѣяніемъ Судьбы для Новгородцевъ.

Скоро открылося новое бѣдство; скоро въ Великомъ Градѣ, лишенномъ всякаго сообщенія съ его областями хлѣбородными, житницы

народныя , знаменипыхъ гражданъ и госпей чужеземныхъ опуспбли. Еще нѣсколькo времени усердіе къ опечеспву перпбливо сносило недоспапокъ : народъ едеа пипадся и молчалъ. Осень наспупала, ясная и пихая. Граждане всякое ушро спбшили на высокія спбны и видбли — шапры Московскіе, блескъ оружія , грозные ряды воиновъ ; все еще думали, что Іоаннъ удалипся, и малбйшее движеніе въ его спа-нб казалось имъ вбрнымъ знакомъ опспупленія. . . . Такъ надежда возраспаепъ иногда съ ббдспвіемъ , подобно свбпильнику, копорый, готовясь угаснупъ, расширяепъ пламя свое. . . . Марѳа спрадала во глубинб души , но еще являлась народу въ видб спокойнаго величія, окруженная символами изобилія и дарами земными : когда ходила по спогнамъ, многочисленные слуги носили за нею корзины съ хлббами; она раздавала ихъ , вспрбчая блбдныя ,

изнуренныя лица — и народъ еще благословлялъ ея великодушіе. Чиновники день и ночь были въ собраніи. . . Уже нѣкоторые изъ нихъ молчаніемъ изъясляли, что они не одобряютъ упорства Посадницы и Дѣлинскаго; нѣкоторые даже совѣщивали войти въ переговоры съ Іоанномъ; но Дѣлинскій грозно подымалъ руку, сполѣпный Θεодосій съдыми власами опиралъ слезы свои, Марѳа вспупала въ храмину Совѣща, и всѣ снова казались пвердыми. — Граждане, гонимые поскою изъ домовъ своихъ, не рѣдко видали по ночамъ, при свѣтѣ луны, старца Θεодосія, спящаго на колѣнахъ предъ храмомъ Софійскимъ; юная Ксенія вмѣстѣ съ нимъ молилась; но мать ея, во время пищны и мрака, любила уединяться на кладбищѣ Борецкихъ, окруженномъ древними соснами: тамъ, облокотясь на могилу супруга, она сидѣла въ глубокой задумчивости,

бесѣдовала съ его пѣнію и давала ему опчетѣ въ дѣлахъ своихъ.

Наконецъ ужасы глада сильно обнаружались, и спрашный вопль, предвѣспникъ мяпежа, раздался на спогнахъ. Нещасные машери взывали: „грудь наша изсохла; она уже не пипаетъ младенцевъ!“ Добрые сыны Новгородскіе восклицали: „мы гошовы умереть; но не можемъ видѣть люпой смерти опцовъ нашихъ!“ Борецкая спѣшила на Вадимово Мѣсто; указывала на блѣдное лице свое; говорила, что она раздѣляетъ нужду съ братьями Новгородскими, и что великодушное терпѣніе есть должностъ ихъ. . . Въ первый разъ народъ не хотѣлъ уже внимать словамъ ея, не хотѣлъ умолкнуть; съ изнуреніемъ пѣлесныхъ силъ и самая душа его ослабѣла; казалось, что все погасло въ ней, и только одно чувство глада перзало нещасныхъ. Враги Посадницы дерзали называть ее же-

спокою, честолубивою, безчеловѣчною. . . . Она содрогнулась. . . Тайные друзья Іоанновы кричали предъ домомъ Ярославовымъ: „лучше служишь Князю Московскому, нежели Борецкой; онъ возвратишь изобиліе Новуграду: она хочешь обратишь его въ могилу!“ . . . Марѳа, гордая, величавая, вдругъ упадаетъ на колѣна, поднимаетъ руки и смиренно молишь народъ выслушать ее. . . . Граждане, пораженные симъ великодушнымъ униженіемъ, безмолвствуютъ. . . . „Въ послѣдній разъ“ — вѣщаетъ она — „въ послѣдній разъ заклиная васъ бытъ швердыми еще нѣсколько дней! Опчаяніе да будетъ нашею силою! Оно есть послѣдняя надежда Героевъ. Мы еще сразимся съ Іоанномъ, и Небо да рѣшитъ судьбу нашу!“ . . . Всѣ воины въ одно мгновеніе обнажили мечи свои, взывая: „идемъ, идемъ сражаться!“ Друзья Іоанновы и враги Посадни-

цы умолкли. Многіе изъ гражданъ прослезились ; многіе сами упали на колѣна предъ Марѳою, называли ее *матерію Новгородскою* и снова клялись умереть великодушно. Сія минуша была еще минушою поржеспва сей гордой жены. Врапа Московскія опворились; воины спѣшили въ поле : она вручила *хоругвь отечества* Дѣлинскому, копорый обнялъ своего друга , и сказавъ: *прости на вѣки!* удалился.

Войско Іоанново вспрѣпило Новгородцевъ. . . . Бипва продолжалась при часа; она была чудеснымъ усиліемъ храброспи. . . . но Марѳа увидѣла наконецъ *хоругвь отечества* въ рукахъ Іоаннова оруженосца, знамя *Дружины великодушныхъ* въ рукахъ Холмскаго; увидѣла пораженіе своихъ; воскликнула: *совершилось!* прижала любезную дочь къ сердцу , взглянула на лобное мѣсто, на образъ Вадимовъ — и тихими шагами дошла въ домъ свой , опираясь на

плечо Ксеніи. Никогда не казалась она величественнѣе и спокойнѣе.

Дѣлинскій погибъ въ сраженіи; оспапки воинства едва спаслися. Граждане, чиновники хотѣли видѣть Марѳу, и широкій дворъ ея наполнился толпами людей; она распахнула окно, сказала: *дѣлайте, что хотите!* и закрыла его. Θεодосій, по требованію народа, отправилъ пословъ къ Іоанну: Новгородъ отдавалъ ему всѣ свои богатства, уступалъ наконецъ всѣ области, желая единственно сохранить собственное внутреннее правленіе. Князь Московскій отвѣтствовалъ: *Государь милуетъ, но не пріемлетъ условій.* Θεодосій въ глубокую ночь, при свѣтѣ факеловъ, объявилъ гражданамъ рѣшительный отвѣтъ Великаго Князя. . . Взоръ ихъ невольно искалъ Марѳы; невольно успремился на высокій перемъ ея: тамъ угасла ночная лампада! Они вспомнили слова Посадницы. . . Нѣсколь-

ко времени царствовало горестное молчаніе. Никто не хотѣлъ первый изъяснить согласія на пребываніе Іоанна; наконецъ друзья его ободрились и сказали: „Богъ покоряетъ насъ Князю Московскому; онъ будетъ опцемъ Новаграда.“ Народъ приспалъ къ нимъ и молилъ спарца бытъ его ходапаяемъ. Граждане въ сію послѣднюю ночь власпи народнои не смыкали глазъ своихъ, сидѣли на Великой Площади, ходили по спогнамъ, нарочно приближались къ врапамъ, гдѣ стояла воинская спража, и на вопросъ ея: кто они? еще съ шайнымъ удовольствіемъ отвѣщивовали: „вольные люди Новгородскіе!“ Вездѣ было движеніе; огни не угасали въ домахъ: только въ жилищѣ Борецкихъ все казалось мершвымъ.

Солнце восходило — и лучи его озарили Іоанна сидящаго на пронѣ, подъ *хоругвю* Новгородскою, среди воинскаго спана, полководцевъ

и Боярѣ Московскихѣ; взорѣ его сіялѣ величіемѣ и радостію. Θεодосій медленно приближался къ шрону; за нимѣ шли всѣ чиновники Великаго Града. Посадникѣ спалѣ на колѣна и вручилѣ Князю серебряныя ключи отѣ вратѣ Московскихѣ — Тысяцкіе преломили жезлы свои, и Староспы пяпи Концовѣ Новгородскихѣ положили сѣкиры къ ногамѣ Іоанновымѣ. Слезы лились изѣ очей Θεодосія. „Государь Новаграда!“ сказалѣ онѣ — и всѣ Бояре Московскіе радостно воскликнули: *да здравствуетѣ Великій Князь всея Россіи и Новаграда!...* „Государь!“ продолжалѣ спарецѣ: „судьба наша въ рукахѣ швоихѣ. „Ошнынѣ воля Самовласпишеля бу- „дешѣ для насѣ единствѣннымѣ за- „кономѣ. Есшъли мы, рожденные „подѣ иными успавами, кажемся „шебѣ виновными, да падупѣ наши „головы! Всѣ чиновники, всѣ граж- „дане виновны, ибо всѣ любили сво-

„боду. Естѣли проспишь насѣ, по
 „будемѣ вѣрными подданными: ибо
 „сердца Рускія не знають измѣны,
 „и клятѣ ихѣ надежна. Твори, чѣто
 „угодно Владыкѣ самодержавно-
 „му!“ . . . Іоаннѣ далѣ знакѣ рукою,
 и Холмскій поднялѣ Θεодосія. *Судѣ*
мой естѣ правосудіе и милостѣ! вѣ-
 щалѣ онѣ: *милостѣ всѣмѣ гиновни-*
камѣ и народу. . . . „Милостѣ! ми-
 лостѣ!“ воскликнули Бояре Москов-
 скіе. „Милостѣ! милостѣ!“ радо-
 спно повпоряло все войско: каза-
 лось, чѣто она *ему* была обѣявлена
 — споль добродушны Рускіе! Одни
 чиновники Новгородскіе спояли вѣ
 мрачномѣ безмолвіи, попупивѣ гла-
 за вѣ землю. „Богѣ судилѣ меня сѣ
 „Новгородцами,“ сказалѣ Іоаннѣ:
 „кого наказалѣ Онѣ, того милую!
 „Идите: да узнають народѣ, чѣто
 „Іоаннѣ желаетѣ бытѣ опцемѣ его!“
 Онѣ далѣ тайное повелѣніе Холм-
 скому, который, взявѣ сѣ собою оп-
 рядѣ воиновѣ, занялѣ враѣа Москов-

скія и принялъ начальство надъ градомъ: окрестныя селенія спѣшили доставить изобиліе его изнуреннымъ жителямъ.

Друзья Борецкихъ хотѣли видѣть Марѳу: она и дочь ея сидѣли въ перемѣ за рукодѣльемъ. . . . „Не бойся мещи Іоанновой,“ сказали друзья: „онъ всѣхъ прощаетъ.“ . . . Марѳа отвѣтствовала имъ гордою улыбкою — и въ сіе мгновеніе застучало оружіе въ домъ ея. Холмскій входивъ, спавивъ воиновъ у дверей и веливъ Боярамъ Новгородскимъ удалиться. Марѳа, не измѣняясь въ лицѣ, дружелюбно подала имъ руку и сказала: „Видите, „что Князь Московскій уважаетъ „Борецкую: онъ считаетъ ее врагомъ опаснымъ! Проспите! . . . „Вамъ еще можно жить. . . .“ Бояре удалились. Холмскій съ угрозами началъ ее допрашивать о мнимыхъ тайныхъ связяхъ съ Липвою: Посадница молчала, и спокойно шла

золопомъ. Видя непреклонную пвердоспъ ея, онъ смягчилъ голосъ и сказалъ : „Марѳа! Государь повѣрипъ одному слову пвоему“... *Вотъ оно* (опѣвпспвовала Посадница): *пусть Іоаннъ велитъ умертвить меня, и тогда можетъ не страшитъся ни Литвы, ни Казимира, ни самага Моваграда!...* Князь, благородный сердцемъ, вышелъ, удивляясь ея великодушію. — Граждане толпились вокругъ дома Борецкихъ: напрасно войны хотѣли удалитъ ихъ; но вдругъ раздался звонъ колокольный во всѣхъ пяпи Концахъ, и народъ, всегда любопытный, забылъ на время судьбу Марѳы: онъ спѣшилъ на вспрѣчу къ Іоанну, который съ величіемъ и поржеспвомъ вѣбзжалъ въ Новгородъ, подъ сѣнію хоругви отчества, среди легионовъ многочисленныхъ, въ вѣнцѣ Мономаха и съ мечемъ въ рукѣ своей.

Марѳа, заключенная въ домъ сво-

емъ, услышала звонъ колокольный и громкія восклицанія: *да здравствуетъ Государь всея Россіи и Великаго Новогорода!* . . . „Давно ли,“ сказала она милой дочери, копорая, положивъ голову на грудь ея, съ нѣжнымъ умиленіемъ смотрѣла ей въ глаза—„давно ли сей народъ славилъ Марю и вольность? Теперь онъ увидитъ кровь мою, и не покажетъ слезъ своихъ; иногда съ горестію будетъ воспоминашь меня, но происшествія новыя скоро займутъ всю душу его, и только слабые, хладные слѣды бытія моего останутся въ преданіяхъ суешнаго любопытства! . . . И героическо пылаетъ огнемъ дѣлъ великихъ, жертвуетъ драгоценнымъ спокойствіемъ и всѣми милыми радостями жизни. . . кому? неблагодарнымъ! Я могла бы наслаждаться щастіемъ семейственнымъ, удовольствіями доброй матери, богатствомъ, благопвореніемъ, все-

„общеею любовію, почтеніемъ лю-
 „дей и — самою нѣжною горестію
 „о великомъ опцѣ твоемъ; но я все
 „принесла въ жертву свободѣ мо-
 „его народа: самую чувствитель-
 „ность женскаго сердца — и хо-
 „тѣла ужасовъ войны; самую нѣж-
 „ность матери, и не могла пла-
 „кать о смерти сыновъ моихъ!“...
 (Тупѣ въ первый разъ глаза Марыи
 наполнились слезами *раскаянія*)...
 „Прости мнѣ, тѣнь великодушнаго
 „супруга! Сіе движеніе было по-
 „слѣднимъ гласомъ женской слабо-
 „сти. Я клялась заступитъ твое
 „мѣсто въ опечествѣ, и конечно
 „исполнила клятву свою: ибо Князь
 „Московскій считаетъ меня до-
 „стойною погибнуть вмѣстѣ съ
 „вольностію Новгородскою! Ты
 „позавидовалъ бы моей долѣ, естѣ-
 „ли бы еще дышалъ для опечества;
 „самая неблагодарность народа воз-
 „высила бы въ глазахъ твоихъ цѣ-
 „ну великодушной жертвы: награ-

„да признашельности умены аепѣ
 „ее. . . Теперь я спокойно ожидаю
 „смерти! . . . Знаю Іоанна; онѣ
 „знаепѣ Марѳу, и долженѣ однимѣ
 „ударомѣ сразитѣ гордостѣ Ново-
 „городскую: кто дерзнетѣ воз-
 „спитѣ прошивѣ Монарха, копо-
 „рый наказалѣ Борецкую? . . Герои
 „древности, побѣждаемые силою
 „и щаспіемѣ, лишали себя жизни;
 „безспрашные боялись казни: я не
 „боюсь ее. Небо должно распола-
 „гатѣ житію и смертію людей:
 „человѣкѣ воленѣ только въ своихѣ
 „дѣлахѣ и чувспвахѣ.“ — Ксенія
 слушала матѣ свою, и разумѣла
 слова ея.

Іоаннѣ предѣ храмомѣ Софій-
 скимѣ сошелѣ съ коня: Теофилѣ
 и духовенство воспрѣтили его со
 крестами. Сей великій Государѣ
 принесѣ жертву моленія и благо-
 дарности Всевышнему. Всѣ слав-
 ные Воеводы Московскіе, прекло-
 нивѣ колѣна, слезами изѣявляли ра-

доспѣ свою. — Іоаннѣ въ Домѣ Яро-
слава угоспилѣ роскошною прапе-
зою знапнѣйшихъ Боярѣ Новгород-
скихъ, и державною рукою своею
сыпалѣ злато на бѣднѣйшихъ граж-
данѣ, копорые искренно и добро-
сердечно славили его благопвори-
пельность. Не грозный чужезем-
ный завоеватель, но великій Госу-
дарѣ Рускій побѣдилѣ Рускихъ: лю-
бовѣ опца-Монарха сіяла въ очахъ
его.

Ввечеру многочисленныя спра-
жи явились на спогнахъ, и пове-
лѣли гражданамъ удалиться; но лю-
бопытныя украдкою выходили изъ
домовъ и видѣли, въ глубокую пол-
ночь, Іоанна и Холмскаго, въ пи-
шинѣ идущихъ къ Софійскому хра-
му; два воина освѣщали ихъ пущѣ
факеломъ, остановились въ оградѣ,
и Великій Князь — наклонился на
могилу юнаго Мірослава; казалось,
что онѣ изъяслялѣ горестѣ и съ-
жаромъ упрекалѣ Холмскаго смер-

„Обѣщаетъ Россіи славу и бла-
 „годенспвіе ; клянется своимъ и
 „всѣхъ его преемниковъ именемъ,
 „что польза народная во вѣки вѣ-
 „ковъ будетъ любезна и священна
 „Самодержцамъ Россійскимъ — или
 „да накажетъ Богъ клятвопре-
 „супника! да исчезнетъ родъ его,
 „и новое, Небомъ благословенное
 „поколѣніе да властвуетъ на про-
 „нѣ ко щастію людей (*)!“

Холмскій надѣлъ шлемъ. Легіоны
 Княжескіе вzywали: *слава и долго-*
лѣтіе Іоанну! Народъ еще безмолв-
 спвовалъ. Заиграли на прубахъ—
 и въ единое мгновеніе высокій эша-
 фотъ разрушился. На мѣстѣ его
 возвѣялось бѣлое знамя Іоанново, и
 граждане наконецъ воскликнули:
слава Государю Россійскому!

Спарецъ Θεодосій снова удалил-
 ся въ пустыню, и тамъ, на бере-

(*) Родъ Іоанновъ пресѣкся, и благо-
 словенная фамилія Романовыхъ цар-
 ствуетъ.

гу великаго озера Ильмена, по-
 єребѣ тѣло Марѣы и Ксеніи. Госпи
 чужеземные вырыли для нихѣ мо-
 тилу, и на гробѣ изобразили бук-
 вы, копорыхѣ смыслѣ донынѣ ос-
 таецца пайною. Изѣ семи сотѣ
 Нѣмецкихѣ гражданѣ шолько пѣть-
 десятѣ человекѣ пережили осаду
 Новгородскую: они немедленно
 удалились во свои земли. *Ветевый*
колоколѣ былѣ снятѣ съ древней
 башни и опвезенѣ въ Москву: на-
 родѣ и нѣкоторые знамениые
 граждане далеко провожали его.
 Они шли за нимѣ съ безмолвною
 гореспїю и слезами, какѣ нѣжныя
 дѣти за гробомѣ опца своего.

К О Н Е Ц Ъ Ш Е С Т А Г О Т О М А .

Bayerische
 Staatsbibliothek
 München

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 6

Moskva 1803

Opp. 659 b-6

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605659-3